

Самсон Гелхвидзе

Ветер перемен

рассказы

Тбилиси 2015

УДК 882-32

Г 31

©Гелхвидзе Самсон Прокофьевич, 2015

ISBN 978-9941-0-8238-2

К предисловию автора!

Многолетние наблюдения автора за жизнью землян и то, с какой катастрофической скоростью, и с каким последовательным, и прилежным рвением и старанием стремятся порой люди, к своему самоуничтожению, всячески избегая своего спасения, счастья, любви и благополучия, не давали возможности – не писать обо всем этом.

Поражало автора также и все более часто сталкивающееся с ним в последнее время свойство человека, в нужное время говорить нужные ему слова, не считаясь ни с правдой, ни с ложью и ни с совестью, которое распространялось и передавалось от человека к человеку, подобно смертельному гриппу, во время пандемии.

Очерки, рассказы, новеллы, миниатюры литературно – художественные и др. литературные произведения, они как фотографии, напоминающие нам о прожитых минутах жизни, запечатлевая в момент их написания, время события, происходящие в том или ином географическом месте, окружающих людей с оттенками их характеров и умонастроений, природу живую и неживую, со всеми гаммами их цветов и настроений.

Такого рода фотографии помогают всплывать на поверхность, возможно даже давно затопленными в мире жизни чувствам, настроениям и ощущениям, вызывающим в нас, те или иные настроения и расположения ума и духа.

Что было в прошлом, настоящем, что будет в будущем. Ведь недаром возможно, сказано в «Екклесиасте», о том, что « что было, то будет».

По этой формуле отчасти возможно с большим процентом успеха можно проигнорировать и заглядывать в будущую жизнь человека, а то и всего человечества, с катастрофической скоростью стремящегося к своему самоуничтожению.

Что то из лучшего конечно приходится заимствовать из прошлого и настоящего, из худшего же можно черпать уроки ошибок и промахов прошлого, для дальнейшего продвижения вперед, по жизни.

Наконец – то наступил переломный момент в жизни автора, в котором он, в своем третьем сборнике рассказов завершает свой цикл «рассказы молодости» и др., которые он не посмел рискнуть оставить неопубликованными, в силу правил игры земной жизни, жуть как любящей преподносить нам самым неожиданным образом, самые разные головокружительные сюрпризы.

Хотя возможно и уместно тут вспомнить высказывание Конфуция о том, что опыт прошлой жизни,- это ничто иное как фонарь, прикрепленный к задней части головного убора, который освещает лишь пройденный человеком путь.

И тем не менее, каждая литературная «зарисовка» как фотография на память, которая должна пробуждать в человеке лучшие чувства и помыслы, и укреплять веру человека в осмыслении им жизни, с наилучшей стороны, и в утверждении в себе мысли о том, что несмотря на все тяготы и горести встречаемые человеком в жизни, жизнь все-таки есть очень великолепная штука, из которой можно черпать несметные богатства для духа, ума и души, которые могут пригодиться человеку как в этой, так и в другой жизни.

Спектр предлагаемых читателю рассказов по жанру и характеру разный и рассчитан на широкий круг читателей.

Один Святой Отец говорит, что совершенства достигает только тот, который ничего своего не говорит и не делает, а только то, что сказано в священном писании.

Опираясь на вышесказанное можно не без труда заключить, что все авторское желание писать и результаты его письма, признак его не только далекости от истинного совершенства, но и неугасаемого стремления к нему.

Автор пробует по этому поводу оправдаться тем, что желание писать продиктовано им отчасти и желанием поделиться с читателями своими мыслями и чувствами, а может и желанием пожить и путешествовать в некоем виртуальном мире.

Говорят, что в г. Переславке есть памятник слонику, который выражает, умонастроения тех, кто на него смотрит.

Каждый человек в одном и том же, словно по философии познания Э. Канта видит разное. Говорят, что и любовь, это когда люди смотрят в одну сторону и воспринимают одно и

тожеодинаково. Может быть от того автор не надеется на любовь и взаимопонимание от каждого читателя, хоть и любит их всех. И поэтому просит от них милости и снисхождения.

Такова уж вероятно судьба «великих людей», живущих на нашей планете, что их желания сбываются отчасти, а порой и целиком, на простых и смертных мира сего, и то спустя многие годы.

Великий ученый Альберт Эйнштейн мечтал в последние годы работать на необитаемом острове, сторожем маяка, - Зажигать его вечером и утром ранним тушить его.

Вот и автору, простому смертному, под конец своей ученой карьеры завершившей в ранге приравненного академической степени доктора технических наук, по истечению молодых годов жизни, устроился сторожем в одной из ведущих компьютерных фирм города и занимается по догу службы ничем иным, кроме как следить за мониторами, за положением комнат офиса, проверять их нормальное состояние и вечером поздно выключать из рубильников работающие в офисе лифты, а ранним утром, - включать их.

По заслугам, доставшаяся нынче ему работа позволила еще больше времени уделять литературе, хотя компьютеры и играли с ним порой и часто «в злые игры», когда он, перефразируя известные строк, известного поэта Рильке, становился часто не тем кем был в обыденности:

И он уже не тот, что был вначале,
Чужие судьбы, - став его судьбою,

Признав его, уводят за собою!

И тем не менее отдавая дань нынешней работе, автору хочется еще раз отметить, что выходу в свет его очередной, данной книги, он обязан именно ей!

Итак, в добрый путь чтения данной книги, мой добрый читатель!

К возражающим, против художественного письма, верующим христианам

Еще одна попытка примирить грешную Землю со святым Небом.

Удивителен все-таки феномен человеческих желаний. Откуда они берутся и куда направляются? Какие ведут нас к спасению и какие к гибели.

Все ведь уже давным-давно известно и изобретено. Что же тогда движет человеческой неугомонностью? Течение жизни, движение по заведомо избранным направлениям? Трудно удержаться в движущемся потоке, который сносит тебя и в случае остановки унесет со своими водами куда-то вдаль. Какова в этом случае зависимость наших местных, локальных движений в общем глобальном потоке?

Правильные ответы могут быть только на правильно заданные вопросы. Хотя...

Если все уже давным-давно сказано и написано, откуда берется желание писать?

Не лучше ли читать, чем писать об уже сказанном, тем более, что быть может, кажущаяся на первый взгляд давняя история, о которой хотелось бы поведать, в сущности, по большому счету, является некой вариацией той истории, о которой некогда и кем-то уже поведано.

Желание высказаться или выразиться? А может быть, исповедаться?

Художественная форма самовыражения, самоисповедания, открытие в самом себе красоты тех тайн человеческой души, которыми так щедро, любяще и милостиво одарил нас Всевышний.

Еще одна, красочная грань в познании Абсолютной любви и доброты, по образцу и подобию которого мы созданы, с присовокуплением тех земных примесей и искривлений, которые мы по слабости нашей человеческой, приобретаем на грешной земле?

Противостояние добрых и злых начал, борьба которых пронизывает всю нашу жизнь, вызывает бесконечное множество вариаций жизненных ситуаций в таких экстравагантных сюжетах, которые не смогут прийти на ум, даже самому талантливому и изощренному писателю.

Получается, сама жизнь подбрасывает нам сюжеты, только успевай их записывать. Но для чего, почему? Если само философское определение бытия ведет к тому, что оно нечто, чего никогда не было и не будет, а есть только сейчас и всегда? Чтобы человек не потерял способность к мышлению? А к чему человеку эта способность, если она не служит постижению и служению истине?

Какова цель человеческой жизни, если она не посвящается самой Жизни? И какова цена человеческого труда и продукта, если они не направлены на прославление имени Того, кому мы обязаны своим рождением и существованием?

« ... кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мат., 12, 31).

Как в этом случае, можно было бы и нужно понимать смысл и назначение литературы в жизни человека вообще?

Думается, каждый имеет право на свое мнение и его высказывание, даже если оно другим может показаться ошибочным.

В этом контексте, смысл и назначение литературы в целом, представляется служением Абсолютной Истине, Любви, Доброте. Думаю, только в этом случае можно оправдать служение литературе. Занятие ею может быть представлено неким духовным актом или упражнением, полезным как для самого того, кто этим занимается, так и для блага общества.

В связи с этим вспоминается эпизод, описанный в «Отечнике» святителя Игнатия Брянчанинова, повествующий о жизни святого аввы Антония, о том, как он однажды, подвергшись душевному смущению, унынию и особенному нашествию мрачных помыслов, принялся изливать свою печаль перед Богом, задаваясь вопросом:

«Как мне спастись?» И ему представилось вдруг видение неизвестного человека, тщательно занятого трудам рук своих, который, то вставал, оставляя рукоделие, и молился, то опять возвращался к рукоделию, сшивая листы пальмы. Потом он опять вставал и молился, после молитвы опять принимался за рукоделие. Поступавший так оказался ангелом, посланным ему Богом, чтобы ободрить и побудить к мужеству. И он услышал от ангела глас : « Поступай так, и спасешься».

И далее указывается, что ум не может всецело и непрестанно пребывать в молитве и других деланиях душевного подвига: как ограниченный, он утомляется, ему необходимо отдохновение, которое доставляется рукоделием, при котором делание ума хотя и продолжается, но не так напряженно.

Так вот, думается мне, а почему бы в качестве описанного выше рукоделия, не представить себе, желание человека писать?

Писать обо всем, о прошлом, о настоящем, о представляемом будущем, об увиденном, услышанном, помысленном, обо всем, что наболело на душе, и сверять все это с абсолютным и истинным церковным знанием. Почему? Хотя бы потому, чтобы проверять или сверять с ним свое « искривление» общества, в котором мы живем.

Вновь ловлю себя на мысли и желании оправдать стремление человека писать.

Думаю, деятельность в области художественной литературы подсознательно продиктована стремлением к поиску пути Истины или, по крайней мере, к пути, ведущему к этому пути. Но если человек Божьей милостью так или иначе оказался на этом пути и стоит на нем?

Происки лукавого? Его желание сбить такого писателя с пути Истины? А может быть, желание писателя спасти еще не спасенных, пусть даже одного, чтобы тем самым смыть множество своих грехов? А может, и то, и другое?

Чисто художественную литературу, думается, можно отнести скорее к земному, чисто духовную же, – к небесному. А имеет ли право на существование художественно-духовная литература или наоборот? Думаю, что последнее в меньшей степени, чем первое. А

также вышеупомянутое направление представляется направлением вперед, а в обратном – назад.

Но какое место оно должно занимать в роли спасения души человека? Думаю, это должно зависеть от процентного соотношения художественного и духовного у того или иного автора.

Если у губителя души человека, имеется множество сетей и ухищрений повсеместно, расставленных для ее гибели, то почему не вправе на существование такое же количество сетей, вылавливающих и вырывающих человеческие души из рутины и круговорота своих грехов, ставящих на истинный путь спасения?

Думаю, для еще несведущих и незнакомых, и в особенности напуганных и избегающих церковные истины и знания такой литературно – духовный жанр может оказаться весьма полезным для преодоления стоящих на их пути препятствий и воспламенения того спасительного огонька желаний, который постепенно, милостью Божьей, сможет разгореться в блаженный и пламенный огонь любви и радости, который не сможет уместиться в одном человеке и у него непременно появится желание одарить подобными благами чувствами и жизненными «квантами» все свое близкое окружение. Ибо как можно не согласиться со словами одной известной песни о том, «что счастье человека должно быть таким, что, когда ты счастлив сам, счастьем поделись с другим» - это в художественном плане и «дается человеку радость и счастье, чтобы он, так же передал их другим» - это в духовном плане.

Думаю, в этом плане, в жанре художественно – духовной литературы, художественное может явиться бессменным пособником духовного, с помощью которого возможно будет притянуть к себе и тем самым спасти, как можно большее количество людей.

И несомненно справедливо подвергать произведения подобного жанра обоюдной рецензии, как со стороны художественной, так и духовной, чтобы в них не прокрались такие соображения или мысли, которые могли бы нарушить целостность всего жанра, или, хуже того, оказались враждебными, что могло бы стать крайне губительным как для самого писателя, так и для читателя.

И в заключение хотелось бы высказать свои пожелания тем, кто старается определиться и найти свое место в вышеупомянутом смежном жанре:

« Если не можешь писать, - читай, а если не можешь не писать, то читай гораздо больше! Читай, а там все само собой решится и приложится!»

10.03.2004

P.S. Читайте, испытывайте и соперживайте, чтобы как говорил один из классиков полнее и правильнее отвечать на поставленные в душе вопросы.

Новые соседи

Выбирать надо соседей, а не дом.

Н.С. Хрущев

Шипение подогреваемой в водонагревательном баке воды все нарастало.

«Как нас учили в школе, по физике, - мелькнула в голове мысль, - вода начинает шуметь перед началом кипения».

Стрелка циферблата приближалась к максимальной отметке, по достижении которой гаснет красная лампочка в панели электропитания.

«Так! Теперь уже скоро. Впрочем, возможно, и не стоит дожидаться кипения, всего лишь ополоснуться, а в баке целых восемьдесят литров. Интересно, с чего это бак называется Аристон?»

Взгляд невольно скользнул к потолку кухни, с тоской убедился в нарушении целостности бумажной подклейки под побелкой.

«Ну, сколько раз можно заливать нижних соседей? А ведь совсем недавно живут. НОВЫЕ ЖИЛЬЦЫ ПОДЪЕЗДА! Ишь ты!.. Вот подняться к ним, этим новым, и переговорить еще раз, последний... А вообще... Ну, то, скажем, вода сверху потолок обезобразила... А на, что обои на стенах похожи? Греешься зимой на кухне, включаешь все конфорки газовой плиты, да еще воду на ней кипятишь. Мало этого, над плитой все в саже, страшно смотреть. Смонтировали газовый счетчик, переварили трубы, а обои пожгли, не подложили асбестовую прокладку.

Короче, хоть небольшой, хоть мини ремонт в кухне нужен, ну позарез. А возможности ни малейшей. Ну, абсолютно!

Ай, да ладно уж с кухней, со здоровьем управиться бы, а ни копейки и на самые дешевые медикаменты.

Вот и здесь, в ванной, мокрое пятнышко над баком, и заметно увеличивается, - констатировать неумолимый взгляд.

– Э – эх! Ну, насчет воды, скажем, забывают, рассеянные, а эти постоянные стук, грохот, будто бы по мозгам, прямой наводкой, а потом всю ночь откатываются эхом.

В общем, не жизнь, а малина! И чего это новым соседям нейдется все рушить и все перестраивать?

- А это всегда так, Амиран, - подметила сестра в недавнем разговоре по телефону, - прежде, чем переехать и жить, перекраивают всю планировку, переставляют стены, хорошо, если с умом, а то одни рушат, другие возводят. Ванную и туалет то объединяют, то разъединяют, достраивают балконы, лоджии, и под конец принимаются, если не за изнурительный евроремонт, то за обычную бесконечную внутреннюю отделку с переделкой, недоделками и перебранками.

Крепко притворив за собой двери в ванную, Амиран принялся было, подрагивая, раздеваться, чтобы мгновенным движением сунуться под душ, но вдруг резко приостановился: « Не следует все же пропускать полуденную молитву. В церкви сейчас служба идет», - снова оделся и включил радио.

Сквозь молитву перед иконой Спасителя, за красной лампадкой ему вдруг послышался за спиной грохот.«Видимо, опять стены рушат».

Зачитав – таки начатый девяностый псалом, он ринулся в ванную принимать душ.

«Боже, что творится! Кошмар!» - взревел в ужасе при виде завалившей всю ванну и пол мокрой штукатуркой с потолка.

«Нет, больше терпеть невозможно», - выскочил он за входную дверь и бросился по лестнице в верхний этаж, поддержав отрывистые звонки, в новую металлическую дверь ударами кулака.

Дверь отворилась, и за ней появилось испуганное лицо нового соседа, невысокого, щуплого, лет семидесяти, в пропитанной строительной пылью одежде, с молотком и зубилом в руках.

«Он вооружен инструментами! Ну, и что ж! Зато я своей правдой! Посмотрим еще, чья возьмет».

Сквозь запальчивые предложения Амиран успел все же подметить испуг своего нового соседа, перед молодым, рослым, сильным мужчиной сорока лет.

- Нет, ничего говорить не надо, прошу вас, - пролепетал тот со страхом, - я вам все объясню! Я сам сейчас чуть не умер.

«Чуть не считается», - мелькнуло у Амирана.

Умоляющее выражение и поникший вид нового соседа мигом погасили воинственный пыл Амирана и даже лишили его на время дара речи.

«Посмотрим, как будут развиваться дальнейшие события», - подумал Амиран по пути вглубь квартиры, вслед за направляющимся деловой походкой к санузлам соседом.

- Вот, поглядите, - указал он на вдребезги разбитый унитаз.

- Сперва он треснул, когда я сел на него, на прошлой неделе, с молотком и небольшим ломом в руках, сносил перегородку между туалетом и ванной. Тогда, помните, я извинялся перед вами! А сейчас скатился с него во второй раз, добил и чуть не порезался об эти острые, уцелевшие осколочные, керамические остатки. Я ведь мог умереть, правда?

- Да, но в этом не было бы моей вины, - пояснил Амиран, - а вот если умер я, вы бы явно были виноваты и, уверяю вас, понесли бы самое суровое наказание. Спасибо, молитва спасла...

- А что, от того, что я напустил вам воды, за что извиняюсь, вы могли умереть? – засомневался сосед.

- Еще как мог! Пойдемте со мной, сами во всем убедитесь! – убеждал он соседа, увлекая его за собой. – Сколько раз я жаловался, что вы меня заливаете! Вот уже больше года с вами любезничаю. Но и моему терпению пришел наконец конец.

- Извините меня, Амиран, но что я мог поделать, если этот ваш старый сосед, переезжая, открутил все винтики с крана и труб, все до единого, и поставил худые деревянные заглушки.

- Так один раз, два, три! А потом?! – наседали Амиран на понуро спускающегося вместе с ним вниз по ступеням нового соседа. – В конце концов, перекрыли бы основной кран подачи воды в туалете.

- Так перекрывали! Но и он, видимо, пропускает, - пояснял новый сосед, - но вы не волнуйтесь, мы у вас потом все восстановим, сразу, как только начнем отделку. Ну, а пока у нас идет снос и разборка.

- Не мое, конечно, дело, но непонятно, зачем вам было сносить эту перегородку и объединять ванную с туалетом? Ну, сколько места вы от этого выигрываете?

- Не знаю! Так захотел мой сын, а точнее, его молодая жена. Они недавно поженились и собираются перебраться сюда после ремонта, - оправдывался новый сосед, уже наблюдая обрушившуюся и загромождившую всю ванную Амирана штукатурку.

- Вот, пожалуйста! Смотрите, господин Гурам, к чему привели ваши неосторожные и нерасторопные действия по отношению к нижнему соседу. Вы сами терпели бы больше года вот такое? Я ведь уцелел лишь по счастливой случайности!

Гурам все заметнее сходил с лица и рассыпался в бесконечных извинениях.

- Подайте мне веник и совок, я сейчас же выгребу в ведра этот строительный мусор, - переживал он.

- Не надо выгребать, я и сам это прекрасно сделаю! Но примите наконец хоть какие-то меры, - строго назидал его Амиран.

Под конец, беседа приняла все же доброжелательный характер.

- В общем, так, батона Гурам, - учтиво обратился Амиран к своему новому соседу, - мы сейчас заключим нижеследующий контракт, соглашение или договор, как вам будет угодно назвать, о ненападении друг на друга, - улыбнулся он, тотчас же получив ответную благодарную улыбку. – Я обязуюсь перед вами никогда не заливать вас от себя водой, и вы пообещайте мне то же!

- Обещаю! – перехватившим горло восторгом пожал руку Амирана Гурам и с миром направился к двери, добавляя по дороге, - я

надеюсь, в будущем у нас будет неплохое соседство, а когда ремонт кончится, посидим у нас за стаканом кахетинского.

- Да, конечно! А до этого, ни-ни, - подшутил Амиран в свою очередь. – Это вам еще нужно заслужить.

- Заслужим, заслужим! Вот увидите! – сулил новый сосед, покидая Амирана, который еще долго возился с выгребанием мусора и уборкой ванной, прежде чем принять душ.

«Ну, вот, опаздываю», - заметил он, заперев за собой входную дверь, и взглянув на часы, торопливо побежал вниз по лестнице.

На лестничной площадке на уровне междуэтажного перекрытия первого и второго этажей заметил, что на стене недостает двух, до того прибитых к ней длинными металлическими дюбелями, металлических почтовых отсеков из четырех спаренных почтовых ящиков каждый.

- О! Вот это новость! – воскликнул он удивленно.

«Газовые счетчики, что ли, из квартир собираются выносить и пристроить рядом с электросчетчиками? Да, но тогда почему оставили один нижний отсек? – задался он вопросом, тут же предположив ответ. – Наверное, и его скоро снимут».

« Странно. К дюбелям можно было подобраться, лишь отперев запертые на ключ дверцы почтовых ящиков. Явно их отрывали поддетьми с наружных верхних и боковых сторон ломami. К тому же сильные, видно, ребята. Нужно будет порасспросить, может, кто-нибудь из соседей знает. Да разве сейчас до них доберешься? Засели по норкам, как суслики, заперлись изнутри, и никому ни до чего нет дела!»

Первая, к кому он позвонил, была его старая, давняя восьмидесяти летняя соседка, бойко державшаяся, несмотря на годы.

Батоно (обращение) – господин (груз.)

- Что творится, тетя Марина, с почтовыми ящиками? Вы не в курсе? Кто их снимал и зачем?

- Ар вици, швило, вчера у моей дочери Анны были друзья из Москвы, и мы весь вечер провозились с ними. Утром, выйдя в магазин, я увидела их брошенными возле парадного.

- Тетя Марина, давайте все-таки решим, нужны они нам или нет? А вдруг еще понадобятся, кто его знает? Да и сейчас... бывает, нас нет дома, так почтальон кидает что в почтовый ящик!

- Не знаю, сынок, что я могу сделать, - завелась соседка, - вон, сколько вас, мужиков, в подъезде, и обратись к ним, а я ничего не знаю и мне одной ничего этого не нужно. К тому же, Амиран, кто сейчас посылает письма по почте, ведь это же устаревший метод общения. Переписка! Смешно. Все пользуются интернетом и электронной почтой.

« Нет, теперь это уже дело принципа! Как это Тарас Бульба говорил: «Не хочу, чтоб моя трубка ляхам досталась».

- Лия, похоже, что это дело рук наших дворовых молодчиков, - объяснялся Амиран уже со своей молодой, незамужней соседкой, моложе него на несколько лет, - если они сдадут эти отсеки в приемный пункт металлолома, то выручат всего лишь несколько лари, а поди закажи такую продукцию! Чтоб тебе изготовили, понадобится, должно быть, лари сто.

- А что я могу сделать, я ничего не знаю, - пожала плечами Лия. – Вот тетя Марина еще вчера заметила, а никаких мер не приняла. Никому ничего не надо, а мне – то, говорит, что?

- Ну, а тебе это в будущем надо? – поинтересовался Амиран.

- Не знаю!? – пожала плечами Лия.

- Вот так они, Амиран, все у нас рушат, крушат, обворовывают, а мы ничего сделать не можем, - подоспела к открытой двери мать Лии, тетя Майя, женщина за 60 лет, - пусть уносят, мы и худшего заслуживаем!

Ар вици швило – не знаю, сынок (груз).

- Звиад, так у нас, оказывается, почтовые ящики сорвали и бросили у входа, жалко ведь, унесут эти оборванцы, - пожаловался вскоре Амиран соседу пятидесяти лет с самого верхнего этажа.

- Да ну, брось! Дураки они все, и весь наш подъезд дурдом, не знаешь, что ли? Лучше-ка пойдём покажу тебе мои новые компьютерные достижения.

- И вправду, наш подъезд – номер шесть, - вспомнил Амиран, следуя за сильно увлекающим его, на пристроенную подвесную лоджию соседом, где у того располагалась портативная радиостанция и компьютер.

- Ты знаешь, я недавно залез через интернет в материалы NASA-похвастался Звиад, - хочешь, покажу?

- Некогда мне, опаздываю, в другой раз, - взмолился Амиран, - сейчас лучше помоги спасти эти бедные почтовые ящики. Снесем их на время к нам в подвал, а?

- Нет! Ты что? Разве он может? – подоспели на защиту сына мать Звиада, семидесятилетняя старуха. – Не видишь, еле дышит. Даже на работу не пошел. А когда это было, чтоб он работу пропускал?

- Молчи, мать, сама больная! Ступай в комнату! – огрызнулся сын.

- Звиад, чего ты так с матерью? – одернул его Амиран.

- Да ну ее! Бред это все. Не слушай! – вернулся Звиад в интернет.

- Простите его, тетя Лали, - крикнул Амиран.

- Он все время так, я уже привыкла, - пожаловалась та, впрочем, без всяких эмоций, - лучше втемяшь ему, как все нынче дорого на базаре, не то он меня чуть не съел, когда я ему призналась, что потратила там целых двенадцать лари.

- А что сегодня двенадцать лари? Ничего! – подтвердил Амиран.

- Вот, Звиад, слышишь? – обрадовалась поддержке старуха.

« Нет, к Отару не стоит и заходить, - думал Амиран на ходу, поспешно спускаясь от Звиада, о своем молодом тридцатилетнем соседе, - во-первых, его и дома может не быть, во-вторых, вполне

возможно, что это дело рук его и его дружков. Остается только к новым соседям, к Омару и Циале, может, они чем помогут».

- Нет, я толком ничего не знаю, Амиран! У нас ведь тоже ремонт полным ходом, - пояснил новый сосед, этот самый Омар, высокий, представительный мужчина лет шестьдесят, - просто утром, когда я сносил мешки, увидел эти отсеки у подъезда. Так я их и придавил своими мешками со строительным мусором, за ними вот-вот придет машина и все заберет.

- И почтовые ящики вместе с ними? – опешил Амиран.

- Да, наверное! А кому они сейчас нужны, отодранные?

- И нам не нужны? Никогда не понадобятся, батона Омар? Ну, давайте же решим!

- Если никому не нужны, то и мне... - пожал флегматично плечами новый сосед.

- Черт знает, что творят эти уличные ребята! Торчат у нас во дворе. Причем не свои, а пришлые, чужие парни. Играют в карты, матерятся, дерутся, - подключилась к беседе жена Омара, Циала, - мы вот уже больше года как переехали, а я их раньше и не видела!

- В этом она права! – подтвердил в душе Амиран.

- А недавно я видела из окна, как эта четырнадцати-пятнадцати летняя шантрапа во дворе, там, возле столика, озираясь, подкручивали в сигареты травку – скорее всего, это была анаша, - а потом с удовольствием курили. Ну, а после нее, сам знаешь, на «подвиги» тянет.

- Оставь эти разговоры, Циала! Лучше берись-ка за дело. Там еще вау его сколько!

- Батона Омар, я очень прошу вас, больше некого, спустимся вместе со мной, помогите припрятать отсеки в подвал.

- Ну, ладно... Раз уж вам так хочется, - нехотя согласился новый сосед.

- Понимаете, батона Омар, - обрадовался его согласию Амиран, - ну, что эти ящики, дело не в них, а в том, что они висели в нашем

доме и были его частью, а на дом наш, вы же видите, покушаются буквально со всех сторон, ну, и эта дворовая шантрапа.

Вот на прошлой неделе, например, побивали мячом нижние отсеки водосточных труб, поколотили стекла у соседа с нижних этажей. Ладно бы на этом все кончилось, но нет, день ото дня все новое и новое, если не прервать, то кто его знает, во что может все это перерасти.

- Это да, разношерстная в доме публика, - согласился сосед, - кто строит, а кто разрушает. Но в общем мало кто думает о доме в целом. Разве что вы...

- Ну, строители, конечно, строителям рознь, - подумал Амиран, - но вот вам всем, новым соседям, а то и многим из старых, хорошо бы от равнодушия переходить к активной защите и установлению комфорта у нас в доме и во дворе, - добавил он вслух.

- Возможно, ты и прав, Амиран, - не на шутку задумался новый сосед.

Вскоре, отодвинув мешки, Амиран и Омар снесли отсеки вниз, в подвал и привалили их к стенке общего коридора.

При помощи металлической цепи и ржавого висячего замка кое-как прикрыли и обезопасили деревянную дверь, с пробоиной вместо врезного.

- Вот что они творят! – продемонстрировал ее Амиран.

- Это ладно, это еще дверь деревянная, с ней легко справиться, а как они отогнули входную межлестничную решетчатую из арматурных прутьев, уму не постижимо! – удивился Омар. – Видать, крепкие ребята повзрослее?! – предположил он.

- Вот так они с нами обращаются, а мы никаких ответных мер... Что ж, наглеют с каждым разом. Все подвалы разграбили, двери повыбивали, видите ли, компотиков захотелось...

- Да не только! Кое – у кого и подогревом разжились. А какие примешь меры, вон ходила соседка, Марина, в милицию. И что же? Сказали, что ничего не могут сделать, если не поймают на месте.

« Раньше делали втихаря, прятались, а сейчас так обнаглели, что ничего и никого не боятся», - огорчился он.

Прежде, чем перейти улицу, подождал ослабления движения. С интервалом проехали несколько автобусов с надписями на стенах: « Не укорачивай себе жизнь наркотиками» и « Нет наркотикам».

Три дня спустя Амиран припозднился на работе, порядком подустал, едва тащил небольшую сумку продуктов с центрального рынка.

Верхушки трех пятидесятилетних тополей были уже подрезаны бригадой из пяти человек, направленных из санитарной службы мэрии, со специальной машиной «ЗИЛ» с люлькой.

Подрезка шла полным ходом. Службе мэрии требовалось завершить ее до конца дня.

Амиран заметил приставленный вплотную к застроенным по изначальному проекту лоджиям своего дома грузовик «Камаз» с голубой кабиной. С пятого этажа, куда собирался переехать после ремонта сын Гурама с женой, в кузов летели обломки разодранных стен чуть ли не в блок и более каждый, вперемешку с мешками, коим при падении не всегда удавалось сохранить свою целость, отчего по всему двору носилась подхватываемая ветром густая пыль.

- Нелличка, спасайся! – крикнул Амиран, предупреждая старую соседку.

- А что? – вздрогнула и отпрянула от окна та.

- С последнего этажа летят бомбы!

- Какие еще бомбы? – совсем встревожилась соседка.

- Глыбы и мешки с мусором, - уточнил Амиран.

- Они что, совсем с ума сошли? – изумилась Нелли.

- Разве только они? Извини, Нелличка, не могу остановиться и поговорить. Жуткая пыль! – Бросил напоследок Амиран, ныряя в свой подъезд.

На лестничных пролетах было слышно, как еще недавняя жилища дома, навестив свою пожилую мать, изумительно играла на пианино. Вскоре к пианино подключилась и скрипка.

«Не разучилась еще, вот молодец!»

Музыку перебил визг электропил, мерные удары дровосеков, грохот глыб и мешков.

- Прямо-таки наисовременнейший симфонический оркестр, со специфическими эффектами, в виде разносящейся по двору строительной пыли.

В одном из квартир второго этажа сцепились друг с дружкой, видимо не на шутку, два злобных, мужской и женский, голоса.

«Вот тебе и арии из оперы» - мечтал Амиран благополучно добраться и донести свой груз.

« Или же... неужто задели Неллины окна?»

- Амиран, с тебя два лари, - напомнила ему соседка со своего этажа, подметая площадку перед своей дверью.

- Ой, Лия, ты как грабитель с большой дороги, - возразил Амиран, - почему так много и сейчас? Не видишь, я с грузом?

Распроститься с последней двухлариевой купюрой таки пришлось.

- Ты знаешь, сколько на сей раз пришло по счету, за подъездный свет?

- Нет.

- Шестнадцать лари.

- Как? Почему? Мы же всегда платили гораздо меньше.

- Вот еще! Непонятно, что ли? Кто-то ворует, а расплачиваемся мы! А хорошо все-таки, что вы с Омаром снесли эти почтовые ящики в подвал. Я и сама говорила, но меня никто не послушал.

- Вот, оказывается, когда пошла жизнь нашего подъезда под откос! Когда мы тебя перестали слушать! - не без некоторого изумления пошутил Амиран, закрывая за собой дверь соседки.

Через пару часов ему позвонила Нелли с первого этажа.

- Амиран, спустись, если можешь, ко мне, - попросила она проникнутым тревогой голосом.

- Нет, Нелличка, никак не могу! Только если у тебя острая необходимость, плохо со здоровьем или нет еды!

- Ну, вот, сейчас у меня хуже, чем острая необходимость.

- А что случилось?

- Новые соседи со второго этажа залили мне сверху весь туалет. Зайди, посмотри, что творится. И с ними, пожалуйста, поговори.

- Поговорить? Что ты, Нелличка! Меня самого давеча кухню и ванную заливают. Так ты думаешь, я справился с ними? А твои и вовсе меня спровадят. Скажут, вот новости, кем ты ей приходишься?

- Причем тут это? – удивилась Нелли.

- К тому же я недавно говорил с их родственником, который проводит у них ремонт и строго – настрого предупредил, чтоб он ничего не рушил и не разбирал, не то может рухнуть весь дом.

- И что же он? – удивилась Нелли.

- Сказал, что наоборот укрепляет дом, показал в лоджии мощные металлические угольники, собранные в стальную пустотелую балку, в которую зальет бетон.

- А на что эта балка опирается?

- На новую стенку из блоков.

- А эта стена новая?

- На небольшие консоли лоджий дома.

- А эти консоли выдержат?

- Сомневаюсь.

- А ты им сказал это?

- Ну, конечно.

- Ну, и что?

- Что ну и что? Сказать сказал, а воз и ныне там!

- Они же разрушат дом!

- Не только они! Вот в Москве, например... я сам недавно смотрел телепередачу, сколько требуется бумаг и разрешений,

чтоб, скажем, переставить окно или перегородочку. А у нас? Кто что хочет, то и делает.

- Ну, ладно, Амиран, раз ты не можешь...

- Да, Нелличка, извини, - уклонился Амиран.

- Ничего, ничего! Они сами снова пришли...

- Скажи, пусть отключат воду хоть ненадолго.

- Скажу, скажу! Ну, я пошла, - слышно загремела второпях костылями Нелли.

Дня через два, Амирана застигла и подозвала к себе, и двух сидящих рядом, соседка Марина.

Амиран нехотя подошел к ним.

- Амиран, сынок, что это у нас творится в подъезде? И во дворе... Видишь? Безобразия! И никому ни до кого и ни до чего нет дела и всем на всех наплевать. Мы прямо как беспризорные!

- И вообще... выдержит дом столько навесов, пристроек, балконов? – посетовала Марина.

- Поживем увидим, - устремил Амиран взор на верхние этажи всех шести подъездов и ужаснулся в душе, не буз ухмылки, - тоже самое говорил и Альберт Камю, в свое время.

- Натворили делов! – поспешила на подмогу Марине торговка.

- Хорошо, хоть ты, Амиран, почтовые ящики подобрал...

- Молодец! Что там говорить, молодец!

- Без вас, тетя Марина, я бы... - под рокот похвал попятился и отретировался к себе Амиран.

- Алло, тетя Инна? Это вы, Амиран говорит, - позвонил он вскоре на третий этаж, старой восьмидесятилетней соседке. – Не узнали?

- Узнала, как не узнать! Сколько нас еще осталось? Раз, два, и обчелся!

- Тетя Инна, вы не в курсе, почему нам не дают воду?

- Это все мои новые соседи по площадке, - пожаловалась она.

- Ах, да, ведь у вас тоже, новые соседи. Везде, куда не поглядишь, новые. И надо мной, и рядом со мной, и над

Нелличкой, и рядом с вами. Вообще – то я сам надоумил Нелличку, чтоб там ненадолго отключили стояк, потому что ее залили новые соседи. Но неужели они до сих пор не устранили поломку и не пустили воду?

- Нет, должно быть! У меня тоже не идет. Но зато в ванной есть секретный стояк, о котором никто не знает. И ты помалкивай!

- Какой еще секретный? – удивился Амиран.

- Ты вот, что сделай. Попробуй открыть воду в ванной. Если не пойдет, спустись ко мне.

- Хорошо, спасибо, - поблагодарил, опустил трубку Амиран.

- Подожди, подожди! Ты со Звиадом давно не говорил?

- Нет, а что?

- Вчера он проговорился, что каждый вечер по интернету общается с высшими, космическими мирами. Так вот, сходи к нему, он расскажет, за нами присматривают высшие существа из космоса.

- Этого только не хватало! – ужаснулся и чуть слышно пробормотал Амиран.

- Да, да, пойдй послушай и перезвони мне. Хорошо?

- Хорошо... - пообещал Амиран и пошел поглядеть, не пошла ли тем временем вода.

« Нет, видимо, все – таки, - думал он на ходу, - если б дали, я бы услышал шумок из бачка».

С досадой окинул взором скопившуюся посуду в отсеке мойки.

« И питьевая почти на исходе, осталось чуть-чуть на чай, и Хатуне с ребенком именно сейчас захотелось пожить у мамы, - посетовал он на жену, - хотя, может быть, это и к лучшему. Дом ведь и вправду превратился в палату номер шесть».

- Это теперь надолго, - то и дело слышались ему жуткие предсказания тети Инны из недавнего разговора по телефону.

Не добрав номер, бросил трубку обратно.

«Нет! Я сейчас просто не в состоянии с ней говорить. Любопытно, однако, что за секретная труба у Инны?» - вспомнил вдруг Амиран причину неподачи вода.

Вентиль не до конца открыли, и напор заметно упал, к тому же забило вентиль в шланге бачка. Он приоткрыл вентиль шланга, и вода с веселым шумком полилась в бачек.

Отлегло от души, и Амиран, не в силах преодолеть любопытство, помчался наверх к Звиаду.

Звиад долго убеждал Амирана в точности своих наблюдений, побуждал его послушать какие – то сигналы, сам передавал что – то по азбуке Морзе, якобы высшим мирам, лазил в интернет на разные сайты.

- Ты думаешь, это сложно! Они общаются с нами путем двоичного кода, по азбуке Морзе.

- Звиад, ты не боишься? – удивился Амиран.

- А чего? Ведь в них может проникнуть каждый.

Прощаясь, Амиран советовал Звиаду быть осторожнее и осмотрительнее и заняться делом посерьезнее.

- Да ну! – отмахивался Звиад. – Ты занимайся подъездными делами, а я возьму на себя связь с внешним имром. Каждому свое! Вот у тебя с подъездом вроде получается, хоть результатов в общем – то и не видно. Если честно, то я спугнул ребят, когда они отдирали ящики. Утащить не успели.

- Ну! – удивился Амиран. – И ты их видел?

- Да! Знаю, кто они и сколько их! Двое, но незнакомые, не из нашего двора, совсем молодые. Нашим незачем это самим делать. Приводят из других дворов и улиц. Наверняка наши дали накол, а те работали.

- Тоже мне, нашли, на чем выгадать? – удивился Амиран. – Не могли найти дело покрупнее и посерьезнее, что ли? Копейки, а сколько вреда.

- А шпане и этого достаточно, - пояснил Звиад.

Всю ночь Амирану снились и слышались какие – то кошмары и инопланетяне.

Утром он с ужасом обнаружил, что его кровать расположена в центре замкнутого контура антенны радиостанции Звиада, а тот возится обычно до поздней ночи, а то и до утра.

« Нет, я этого всего не выдержу. Когда же мои вернутся? Без них мне страшно».

Острота ощущения происходящего возросла, как ему казалось, в несколько десятков раз.

Но то, что произошло в последующие несколько дней, значительно превзошло все предыдущее.

В одно из утр, собрав наспех спортивную сумку, он запер дверь и сбежал по лестнице вниз.

Во дворе суетилась новая партия подрезальщиков деревьев с электропилами и разрешением на подрезку оставшихся во дворе пятидесятилетних тополей – исполинов.

С подкатившего самосвала выгружали блоки и мешки с цементом и песком, подымая их на верхние этажи.

- Только ты надолго не уходи, возвращайся скорее, - просила его тетя Инна по телефону, - мы тут без тебя пропадем!

« Спасаются только те, кто уходит, - мелькнуло у Амирана, - не обязательно путем бегства».

Вскоре Инна, расстроившаяся от того, что Амиран перебирается на некоторое время к теще, позвонила матери Звиада – Лали:

- Ты слышала новость? Нет? Насчет Амирана? Остались мы без опекуна, и придется твоему сыну стать им.

- Еще чего! – удивилась Лали. – Больше нечего ему делать. У него своих дел по горло! Ничего, как – нибудь продержимся. Да, Инна, звонила Манана с почты и сказала, что на твое имя два письма. Прихвати, пожалуйста, там и наше. У меня сегодня давление, выйти не могу из дома, а сын этого письма ждет не дождется...

- Нет, я недавно упала дома и теперь боюсь выходить. А чего же Манана не бросила мои письма в почтовый ящик, как я ее просила?

- Ты что, с луны свалилась, разве не знаешь, что почтовых ящиков у нас уже нет?

- Как? Почему? – возмутилась Инна.

- Мальчишки их отодрали со стены, и если бы я вовремя не вмешалась, их бы наверняка утащили!

Беседа вокруг этой темы и следующей продолжилась еще долго...

- В Америке дом после пятидесятилетней эксплуатации считается амортизированным, и его сносят строители путем взрыва, - вспомнилось по дороге Амирану, - а у нас это делают сами жильцы.

Прежде чем скрыться за угловой стеной и выйти на улицу, он окинул свой дом прощальным взором.

«Лучше жить с нелюбимой тещей».

Впрочем, нелегко было и предугадать, на сколько дней у него хватит терпения на эту самую тещу, встречу с которой он отодвигал неторопливым пешим походом до ее дома в дальнем, противоположном конце города.

Он шел, и ноги его словно прилипали к земле.

«Какой же все-таки предатель, - прокралось в него сомнение, - бросил родительский дом, начало всех начал, - так, кажется, поется? – оставил его, и на кого? На съедение волкам – новым соседям! Только и пекутся о своем благополучии, а участь дома им до лампочки. Еще, чего доброго, взбредет в голову и вовсе продадут, как гаражи. Мало того, что сначала вытеснили ими чудесно огороженный сад, так еще и ... Нет, - напирали колебания, - не оставлю дом на съедение, как Тарас Бульба в свое время не желал свою трубку ляхам оставлять, пусть даже ценою жизни. Мама провела последние годы и дни в этом доме, и я порой чувствую ее, где-то рядом. Так что, оставить ее там одну?»

Дорогой Амирану встретился старый сосед, давно переехавший из их дома.

- Ну, как там наш дом, Амиран? – поинтересовался он.

- Эх, Зура, даже не спрашивай, - пожаловался Амиран, - скучает по всем нам, старым жильцам! Обнищали, пришлось продавать квартиры, переезжать в худшие условия. Понаехали новые, денег куры не клюют.

- Деньги есть, ума и совести не надо, да? Не так ли? – расхохотался Зура.

- Вот именно, что хотят, то и городят, - подтвердил Амиран, - помнишь, как в том анекдоте про чукчу и его жену: скоро люди с большой земли приедут, с моей женой знакомиться будут, экспедиция называется! Так и наш старый дом и наши новые соседи. Все рушат, крушат, переделывают, тоже, наверное, экспедицией называется...

- Ну, а что же старые говорят?

- Мало их осталось. Раз, два, и обчелся! То слушаютих, то нет...

- Ничего не поделаешь. Великое переселение народов! Вот уже пятнадцать лет. И не только у нас. Такова жизнь и философия распада. Распад порождает распад! Ну, вы – то хоть, те, кто остались, держитесь друг за дружку?

- Да если бы, как в старое время, -посожалел Амиран, -куда уж там!

Расстались, и каждый продолжил свой путь.

Амиран все замедлял шаг. Всплывали воспоминания, давние, даже из детства.

Новые соседи противились его жизненной позиции, вынуждали перестраиваться на новый лад, который он активно отторгал.

Пристройки росли по всему городу, но все же, как казалось Амирану, таких, как в их подъезде номер шесть, не было во всем их большом городе.

01.2006

Похищение Луны

Действующие лица:

Мзия – подруга, продавщица магазина

Луна – Мтвариса – 23 года

Людовик – 25 лет

Кока – 27 лет

Русико – одна из его последних подружек (Белая Нива)

Джерри – собака дворняжка

Тамаз – сосед, односельчанин, охотник

В магазине: Тома, Хута

Луна: Выбирай или земная любовь, или же небесная жизнь

Любовь земная, – это любовь с моим телесным обликом,

Небесная жизнь, – это любовь и жизнь совместная с моей душой там, на небе, далеко и высоко от грешной земли.

Людовик: Но я люблю тебя нераздельную.

Но меня такой уже, после этого случая не существует.

С самого раннего рассвета слабый туман на небе понемногу стал рассеиваться.

Последние приготовления перед предстоящей охотой протекали с большим волнением и нетерпением, которое особенно заметно отражалось на собаке дворняжке, по кличке «Джерри», которая нервно моталась по сторонам, потом подбежала, виляя безостановочно хвостом и обнюхивая немудреную экипировку охотников и их полупустые вещевые мешки.

Выйдя через заднюю, небольшую калитку двора, охотники направились вглубь леса.

Впереди, не далеко от охотников, бежала Джерри.

- Джерри близко, - напоминал то и дело впереди идущий охотник.

- Знаю, - отвечала собака, взглядом назад на своего хозяина, на мгновение застывая в неподвижной позе и затем вновь принимаясь за работу, тщетно пытаясь уловить хоть какой-то след, любой, наземной или же воздушной наживы охотника.

- Зря ты ее взял с собой Кока, что может простая дворняжка, когда порой самые опытные и породистые собаки не справляются хорошо со своим делом, надо было у Тамаза одолжить его охотничьих собак.

- Спокойно Людовик, - успокоил своего друга Кока, - Джерри свое дело знает, не хуже любой выученной породистой собаки, вот увидишь, я ведь его не первый раз беру в дело, не правда Джерри, - крикнул хозяин вдогонку своей дворняжке.

Собака высунула свою красивую мордашку из кустов, услышав обращение своего хозяина к нему, и взглядом подтвердил его слова.

- Работать Джерри, работать, - призвал его к делу хозяин.

Охотники шли томным шагом, один за другим держа наготове свои двухствольные охотничьи ружья. То тут, то там, на их пути перелетали с одного дерева на другое тучные, успевшие за зиму набрать солидный вес, черные желтоклювые дрозды,

предупреждая сожителей леса, а так же своих сородичей о надвигающейся на них опасности, в лице таранящих лесное пространство, планомерных и напористых шагов охотников.

- Мы забыли с тобой вчера на ночь верхнюю одежду выставить во двор, чтобы проветрить ее от домашнего запаха, - припомнил Людовик.

- Не имеет смысла, - пояснил Кока, идущий впереди, - не видишь, какую истерику затеяли эти летающие желтоклювые чернушки.

- Знать бы их язык, а?

- А зачем, что поменял бы ты этим им, чем-нибудь или что? - пояснил Кока.

- Да нет, но...

- Лучше гляди по - сторонам по внимательнее и будь на чеку, - предложил Кока, - вообще то, наверное, не мешало бы подстрелить парочку самых галогласных их разведчиков, но от этого шума и паники в лесу сотвориться еще больше и не стоит не то, они такие тучные и жирные сейчас, что одно объедение.

- Да ты, что совсем с ума сошел, это ведь такой страшный грех, стрелять в певчих ангелов, в дроздов, ты только послушай, как они поют, - приостановился на мгновение Людовик, вслушиваясь в сладостные перекликания черных, певчих, пернатых леса, похищая тем самым и внимание своего друга.

Джерри тоже, шныряющей впереди охотников, вернулся к ним и из-за любопытства стал смотреть на верхушки разных деревьев, которыми был богат лес, но потом решил продолжить свою работу на земле и вскоре из близлежащих кустов встрепенулась ввысь перепуганная до смерти куропатка.

- Стреляй Людовик ну чего же ты, стреляй, - выкрикнул Кока на своего друга, находящегося в более удобной позиции, чем он.

Один за другим послышались запоздалые выстрелы охотничьих ружьев сперва Людовика, а потом уже и Коки.

- Эх ты растяпа и мазила, какой случай упустил, досадовал

Кока, - ведь она у тебя из под самого носа взлетела.

Молодец Джерри, молодец - похвалил Кока свою дворняжку с досадой поскуливающей и словно оправдывающейся перед своим хозяином.

-Да, мой хороший, да, - поглаживал Кока собачонку, - ты здесь не причем, это мы виноваты, тем, что упустили тобою найденную добычу.

- Да, тобою, - оправдался в свою очередь Людовик, - небось первый раз то он и пробежал мимо нее.

- Ладно, довольно ссориться, пошли дальше, охота только начинается, хотя и наделали шуму и переполоху в лесу со своими выстрелами, - утешил Кока своего друга и собаку, увлекая их все дальше и дальше в глубь леса.

Через небольшую, но быструю и наполнившую горными талыми водами реку, охотники переходили вброд.

С небольшими потугами переплыл ее и Джерри, хотя и снесло его течением немного вниз.

Но до этого были еще несколько промахов, выстрелами охотников по бегущей цели, зайцу удачно увильнувшему от каскада дробных картечей охотников.

- Лучше было бы нам прихватить удочку и порыбачить в тихих заводях этой реки, - признался Людовик на переправе, благо сапоги у нас по пояс.

- Простоять весь день с удочкой в руках и принести домой к голодающим домашним пару килограммов мелкой рыбы, утешение не большое, - ответил ему Кока.

- Возможно это куда лучше, чем подстрелить летающую дичь, с распространенным так сильно на сегодня, птичьим гриппом и заразить затем им своих домочадцев, - предположил Людовик.

Будто бы не знаешь, что на сегодня запрещена всякая охота на перелетную дичь, - напомнил он другу, - еще чего нас схватит природный, экологический патруль и взымут с нас солидный штраф.

- А что они возьмут, того чего нет? - пояснил Кока, - а потом большая дичь сейчас не летает, а готовится к смерти на земле, в укромном местечке.

Довольно с них и того, что ходят по семьям и заставляют нас сдавать им всякую домашнюю птицу, которую потом уносят в специальное место и умершвляют.

В деревне денежной работы почти не осталось, а сидеть на иждивении у своей бабки, у которой после добавления пенсии всего лишь тридцать три лара, я не собираюсь.

- Как там говорили спартанцы? - припоминал Кока.

- Лучше смерть от птичьего гриппа, чем от голода, - напомнил ему Людовик, перефразирую слова легендарных исторических героев.

- Вот, вот, только поразительно, но как столько веков удалось прожить этому проклятому вирусу, - недвусмысленно изумился Кока, - и дожил до наших времен.

- Благодаря тем же птицам и мутации вирусов, которую как предполагают ученые, они проходят, перезимовывая в птичьих клювах, - пояснил Людовик.

После недолгого пути охотники подошли к небольшому, заросшему с одной стороны, по краям камышом, озеру.

- Тсс..., - предупредил Кока своего друга, прикладывая указательный палец правой руки к губам.

Джерри рядом. Кока пригнулся и достал из рюкзака военный бинокль своего отца, доставшийся ему от одного из пленного немецкого офицера, со времен второй мировой войны.

Он долго глядел в него, пока на его лице не засветилась улыбка.

- Тсс... - повторил он свое предупреждение, - там их навалом, - протянул он бинокль своему другу, - вон там на противоположном берегу, возле камышей, видишь?

- Ага, вот это да, - обрадовался в свою очередь и Людовик, поглядывая пристально в бинокль своего друга.

Заскулил и Джерри, словно упрасывая охотников ему тоже дать поглядеть в бинокль.

- Одно дело чувствовать их запах на расстоянии, а другое, - видеть добычу своими глазами, - проскулил Джерри.

Лари - бумажная денежная единица в Грузии.

- Слушайте мою команду, - произнес Кока, - мы с Джерри зайдем справа, подходя к ним берегом, заросшим тростником, а ты Людовик, обойдешь озеро слева и устроишься там, в укрытии за камнями.

- Первым нивкоем случае не стреляй, дождись наших выстрелов, после которых, большая часть уток полетит в твою сторону, тогда ты их и встречай своими выстрелами, понятно? А после снова возвращайся к нам.

- Понятно,- повторил Людовик.

- Пошли Джерри, - позвал за собой Кока и охотники разошлись.

После первых двух выстрелов Коки, как он и предполагал небольшая утиная стая, с разноцветными оперениями устремилась в сторону Людовика, встретившего их в свою очередь тоже двумя, промашистыми выстрелами.

- Тьфу ты, мазила! - плюнул в сторону раздосадованный Кока, дожидавшийся своей собаки на берегу, с уже второй в зубах подбитой, водоплавающей дичью.

- Ладно, не горюй, - успокоил он вскоре, вернувшегося к ним своего раздосадованного неудачного друга-охотника, - вскоре начнутся их утренние перелеты, и будем дожидаться их в камышах.

До полудни они простояли почти в камышах, дожидаясь все новых и новых перелетов отдельных уток или их небольших стай.

Коке удалось добавить к своей утренней добыче еще три подстреленные утки, в то время как Людовик, продолжал мазать один выстрел за другим.

Та же картина повторилась и при вечерних перелетах, после которых Коке удалось добавить еще две подстреленные утки против мажущего по летящим живым мишеням Людовика.

- Что с тобой сегодня? Я тебя не узнаю, - поражался Кока на обратном пути домой, после охоты, - Никогда с тобой такого не было.

- Надоело все Кока, ничего не хочу больше в жизни, - пояснил Людовик.

- Хм, вот чудной, ведь жизнь у тебя, только то начинается, - изумился Кока, - в твои то двадцать пять лет не рановато ли?

- Поздновато, а не рановато, - пояснил Людовик.

- Как? - еще больше возмутился Кока, - я на два года старше тебя и такого еще надеюсь еще долго не скажу, а ты?

- Ты это другое дело, а я - это я, - пояснил Людовик.

- О..., погоди, погоди, дружище уж не влюбился ли ты?

Людовик ответил долгим молчанием.

- И в кого же? - любопытствовал Кока, - ну не томи же меня, говори по- скорее, знаешь ведь, все равно не отстану, пока не допытаюсь от тебя.

Людовик, хорошо зная характер своего друга покорно указал взглядом, в сторону зависшего над горизонтом Луны, отражение которой сверкало в быстрых водах сельской реки.

- Погоди, погоди, в Луну, что ли? - изумился Кока.

Людовик утвердительно покачал головой.

- Никак рихнулся парень! - заключил Кока.

Тут же на ходу проскулил и Джерри, словно соглашаясь с умозаключением своего хозяина.

Ну ладно, ладно, старина, не отчаивайся, - поспешил утешить друга Кока, долго не дождавшись от него ответа.

- Я помогу тебе похитить ее.

- Правда? - молчаливо спросил его взглядом в глаза Людовик, приостанавливаясь на время, в пути.

- Ну конечно же, в чем проблема?! - подтвердил он, - хотя и вправду не знаю как, - добавил он про себя, устремляя взгляд на святящееся полумесяцем небесное светило.

- Хм, надо же, прямо, так как и в романе нашего грузинского классика. Это становится уже интересным.

- Похитителей Луны всегда ожидает смерть, - пояснил Людовик.

- Как и Людовика четырнадцатого или шестнадцатого? - попытался припомнить Кока, - самого короля Франции.

- Все против меня Кока, - пояснил Людовик.

Джерри продолжал устало плестись рядом со своим хозяином, то и дело поскуливая, в знак поддержки друга своего хозяина.

- Точно, он явно перегрелся сегодня на солнце, - подумал Кока, про себя и решил выбивать клин клином.

- Послушай, дружище, - предложил он своему другу, решив, что если сходить с ума, то вместе с ним и на полную катушку, - а на какой нам сдалась эта ночная красавица, когда вот светило - солнце, - предложил Кока.

- Я пока еще не голубой, - пояснил Людовик, - солнце не женского рода, понятно, и вообще отстань, ты ничего в любви и женщинах не понимаешь, та как еще по-настоящему не любил!

- Ха-ха-ха, - распустился в смехе Кока, - это я не понимаю?

- Что ты в них понимаешь несчастный девственник, а то я то уже их порядком поменял на своем веку.

- Ну, а я о чем тебе говорю? - указал ему на мысль Людовик.

Кока задумался ненадолго.

- Да, вообще то это вопрос спорный, - согласился он со своим другом.

- Но согласишься, что влюбиться в природное, небесное светило, это тоже извращение.

- Бесспорно! - согласился Людовик.

- Ну вот, так то оно и лучше, - успокоился Кока.

Некоторое время охотники шли молча, торопясь до сумерек попасть домой.

- Слушай Людовик, хочешь мы с Русикошкой найдем для тебя хорошую "girlfriend", - предложил Кока на ломаном английском.

- Не хочу "girlfriend", - отозвался вздохом Людовик, - а хочу только одну, ее - единственную!

- Кого же, черт побери? - не сдержался Кока.

- Мтварису, - проговорил Людовик.

- Что? - протянул с удивлением Кока, - эту кривоногую уродку?

- Не смей так о ней говорить, - пригрозил другу Людовик.

- Прости, прости, но на кой она тебе сдалась, - продолжал возмущаться Кока, - ведь у нас в деревне полно девок куда по - лучше нее.

- Сердцу не прикажешь, - пояснил Людовик.

Оставшуюся часть дороги охотники прошли до дому, не заметив,

Мтвариса - (груз.) - имя девушки в переводе означает Луну.
"girl friend" - (англ.) - подружка.

как прошло время, во взаимных спорах и уговорах.

Вечерняя работа по дому не смогла убить опечаленность Людовика и тревогу за друга, у Коки.

С наступлением сумерек слышались то тут - то там первые перекликивания мелких насекомых друг с другом.

В мыслях Людовика все чаще стала муссироваться бредовая идея похищения Луны, предложенная ему другом.

Богатое разнообразие, обилие и широкий ассортимент продовольственных товаров, завезенных недавно из районного центра, явно баловали своей роскошью, бедновато выглядывающие снаружи и изнутри, по сути дела, продовольственный, небольшой сельский магазин, названный и расписанный на его наружной, фасадной стене супермаркетом, до требований которого ему нехватало много показателей.

Но тем не менее, находясь на непосредственной близости от главной сельской дороги, он как один из немногих, находящихся в селе, весьма рационально и эффективно удовлетворял, все наиболее необходимые потребности сельчан.

Он, так же как и многие другие здания в селе, стоял на неких куриных ножках, на специальных каменных ножках, которые предохраняли его от затопления в случаях наводнения, так часто бывающих в селе, в основном по сезонам дождей.

Так, чтобы попасть внутрь него, нужно было подняться по нескольким ступеням, дощатой лестницы, выстроенной перед его деревянными дверями.

Все для вас и вашего дома, зазывала покупателей еще одна надпись над дверьми магазина, который скорее подходил на жилой дом, чем на называющий себя супермаркет.

Особое расхождение между формой и содержанием, между его внешним и внутренним убогим видом и разнообразием, броско бросающимися в глаза, этикетками и разноцветными кулками, в

которых были запакованы завезенные товары, придавали магазину некую пикантность и загадочность.

В его внутреннем интерьере, словно соприкасались и сожительствовали рядом друг с другом, и один в другом, два времени, прошлое и настоящее, так как-будто бы они подсказывали и предсказывали сельчанам их будущее, светлое, райское, безоблачное, которое им обещали все средства массовой информации, вот уже на протяжении многих последних лет, и которое, так упорно не спешило к ним в село, а подавала знаки, только своими пестро запакованными, в яркие многоцветные специальные кульки товарами, забрасывая их время от времени, небольшими партиями в их село.

Многие в селе, продолжали надеяться, думать и ждать своего святого, и счастливого будущего, но еще больше были те, которые свыклись уже, с пустыми обещаниями прошлых лет, продолжали тянуть тяжелую лямку нынешней сельской жизни, в полной индифферентности и в абсолютном безразличии, в пожеланиях и обещаниях завернутых словно конфеты карамели, в разные и разноцветные шелестящие и шуршащие фантики.

- Так или иначе, но до этого нужно построить новые хорошие дороги, современного, европейского стандарта, - пояснил один покупатель другому, в ожидании пока молодая девушка, продавщица отвесила ему на весах нужный товар.

- Их строительство то уже давно началось в столице и его пригородах, но когда они доберутся до нас Тома, не известно, - пояснил, стоящий за ним другой мужичек, выше среднего возраста. Могу уверить тебя, что нас уже к этому времени в живых не будет, - подготавливал он папироску в руках, чтобы выкурить ее в ближайшее время.

- Ты чего это Хута, проклинаешь нас, что ли?

- Куда там, что сам не видишь, что творится, как опустошаются деревни, молодежь бежит в города, а на наш век и таких дорог хватит, как служили нам в прошлом, так и послужат в будущем.

- Пожалуй ты и прав, возможно, в чем-то Хута, но меня волнует твой сильно угасший, прежний оптимизм. Наша страна невольно

стала полигоном для действия внешних и внутренних сил, а мы испытываемыми кроликами.

В нашей стране многократно повысился фон депрессий, безнадежности и нас уже почти ничего не радует, и не интересует, кроме материального благополучия.

Удовольствия и сладости мирских усад шумной, и бурной рекой увлекают в своих водах все больше, и больше человеческих душ из молодого, нашего будущего поколения.

- Но они забывают о главном, что Господь всемогущ и все их машинные механизмы воздействия на нас, в один миг разрушатся и улетучатся, если мы будем вместе, со своим Творцом, - обнадежил Тома.

- Да, вот уж ничего не скажешь, обнадеживают, - удивилась молодая покупательница, обращаясь к продавщице, после ухода из магазина, стоящих перед ним старцев – односельчан. Их послушать, так только от этих разговоров сбежишь из деревни.

- Да, не рассчитали немного, - согласилась с ней продавщица.

- Чего тебе Луна?

- Яйца у тебя свежие?

- Да, только позавчера завезли.

- Понятно, значит свежее завезенные, а когда снесенные?

- Не знаю, - рассмеялась продавщица.

- Дай мне лоток, пожалуйста.

Продавщица направилась в ближайший угол магазина за товаром - «Когда было, что мы покупали яйца и в таком количестве - поддержала подругу продавщица, - я сама тоже вчера один лоток к себе домой унесла, пока есть, когда завезут еще не известно.

- Не говори, слушай Мзия, худо бедно, но наши домашние куры снабжали нас не только мясом, но и яйцами, а теперь эти проведенные зимой мероприятия, по пресечению возможного распространения птичьего гриппа, совсем нас подкосили на корню.

- Обещали ведь вроде бы какую-то компенсацию вначале, за пять лари за каждую умершленную курицу и десять за утку и индюшку.

- Какой там, списали все на эпидемию, еще указали нам на то, что мы должны быть им благодарны за то, что они нас предостерегли от этого коварного заболевания,- возмутилась Луна.

А то это компенсация была равноценной нашему ущербу?

- Да, но хоть какая-то, - предположила Мзия, - странно, но мне почему-то казалось, что у нас в деревне всякие службы и ведомства давно закрылись, а вот видишь, когда им понадобилось, сразу же ее собрали, сан - эпидемиологическую службу.

- А много ли для этого надо? Достаточное финансирование и пару хороших специалистов из районного центра, а на простую рабочую силу и у нас, как видишь, немало людей нашлось в деревне, - пояснила Луна.

- Взвесь мне, пожалуйста, пару килограммов сахарного песка.

- Говорят, что сахар еще подорожает и дойдет до двух лари,- предупредила Мзия, отвечивая подруге сахар на весах.

- Ай, на всю жизнь все равно не напасешься, нам на чай хватит, а там пусть мужики горюют, им ведь нужно много сахара, после уборки винограда.

- Как, а на варенья и компоты? - напомнила Мзия.

- А на них мы используем оставшийся от ртвели сахар - усмехнулась Луна.

- Ловко устроилась, - поддержала подружку с улыбкой Мзия, - и что мужики без нас бы делали.

- Да ничего, вот сбежим все девки в город, так они тоже за нами побегут, вот увидишь, - пояснила Луна.

- Они, что тоже, как тараканы? - засмеялась Мзия.

- Почему же? - любопытствовала Луна.

- Недавно купила лекарство от тараканов, эти китайские мелки, ты знаешь, как там, в инструкции, в целях экономии, предлагают использовать только мелок для изгнания самок, после чего как они предполагают, исчезнут и самцы, - вновь рассмеялась Мзия.

- Взвесь мне еще Мзия, пару килограмм макарон, и по килограмму гречихи и манки, - попросила Луна.

Ртвели - сбор винограда в Грузии.

- Не знаю Мзия как ты, но мне уже тоже надоело жить в деревне.
- Да не дури ты подружка, ты чего это вдруг?
- В город хочу.
- А кто же здесь останется?
- Другие, какое мне до этого дело.
- А как же твой Людовик?
- Ай, какой же он мой.
- Ну..., он же приударяет вроде бы за тобой малость.
- Ай, да таких как он в городе полно и даже получше, устала я Мзия от всего, от этой грязи, пыли, бездорожья и разгильдяйства, никто ничего делать не хочет, работают в основном только по сезонам, а в остальное время, что? Смотри на этих мужиков как упиваются ежедневно, а потом устраивают какие - то невыносимые разборки. Я не собираюсь выходить здесь замуж и потом гнить здесь всю жизнь, - пояснила Луна.
- Ты его совсем не любишь?
- Кого?
- Людовика, твоего, он ведь такой симпатичный парень, многие бы в деревне не отказались бы от него.
- А что толку, только с красоты воду ведь не пьем. Этого мало.
- С любимым ведь рай и в шалаше как говорится, - продолжила отвешивать Мзия нужные продукты своей подружке.
- Когда нужда стучится в дверь, говорят, любовь выскакивает через окошко, да и потом, достаточно я уже отмучилась здесь в деревне, хочу хорошо одеться, обуться и немного погулять, а здесь что?
- Ну почему же, есть ведь дискотека в клубе, вот недавно и интернет кафе открыли, радио, телевизор, хорошие, крепкие и красивые парни, чего же тебе еще надо? Кстати сегодня мы с тобой приглашены вечером ребятами в клуб, на дискотеку, придешь?
- Не знаю, надоело все Мзия, пойми меня.
- А как же твои домашние?
- А, что домашние, у моего отца и брата работы в лесу навалом, рубить дрова и заготавливать их на зиму, а моя сестра старшая с мамой как-нибудь справятся с домашним хозяйством.
- Они знают о твоём желании?

- Знают, я им уже все уши прожужжала и вроде бы не должны сильно противиться моему окончательному решению.

- А где и у кого ты будешь жить там, в столице?

- На первых порах у тетки, а там видно будет.

- Ну, смотри, если удачно устроишься, может, потом и мне свистнешь.

- Конечно же, ты ведь знаешь, куда я без тебя, - пообещала Луна, задержавшаяся еще на некоторое время в разговоре с подружкой на разные другие темы, после покупки необходимых ей продовольственных товаров.

Возвращалась Луна домой, погруженная мыслями о своей желаемой и предполагаемой, будущей поездке в город, отчетливо понимая, что там ее ожидали другие, возможно не меньшие, чем в деревне, проблемы.

- Хорошо там, где нас нет, - вспомнила она поговорку.

Но в любом случае, надо будет предварительно съездить к тетке в город и посмотреть там, что к чему и по -чем? - решила она для себя, - вот летом можно будет это сделать, а пока придется покорно тянуть лямку тяжелой деревенской жизни.

Хотя в каком городе, можно лицезреть и наслаждаться той природой, которая у нас в деревне и питаться теми натуральными и питательными продуктами, как у нас, - взвешивала все за и против Луна.

По небольшому сельскому стадиону, устроенному наспех, почти в середине деревни, гоняли мяч, играя азартно в футбол, деревенские мальчишки, время от времени покрикивая друг другу отдельные фразы.

Первый день лета, природа встречала яркими лучами восходящего солнца.

Не высоко над землей. в небе, протянулись на небольшом расстоянии друг от друга размазанные длинные полосы перистых облаков.

Стрижи с утра парили по небу важно и чинно время от времени выкрикивая протяжными визгами.

Воробьи, верные воробьи, делившие с сельчанами их участь во все времена года, совершали близкие перелеты над землей.

Просьпалась вся живая и неживая природа, обласкиваемая и согреваемая теплыми лучами щедрого и доброго солнца, увеличивающего свою щедрость до максимума, к полудне.

Односельчане в один голос подтверждали то, что по сравнению с прошлым и позапрошлым годами, начало лета выдалось жарким, в опасении жаркого разгара лета, увеличивающего частоту проведения мелиоративных работ.

Поливать свои земельные участки приходилось им по крайней мере два раза за день, утром и вечером. Исключения составляли разве, что дни когда расщедрившееся небо посылало им живительной влаги и воды в виде дождя, сверху.

Первый день лета этого года ознаменовался сразу же несколькими знаменательными церковными и мирскими праздниками, самыми главными из которых были соответственно, Вознесение и день, когда в их страну пришла ее просветительница-святая Нина, а также международный день защиты детей.

Как и в стране в целом, каждый по разному встречал и отмечал этот праздник.

Церковные люди в церквях, мирские же, кто на небольших демонстрациях и сборищах, а кто и вовсе у себя дома, кто за небольшим столиком, кто за работой у себя дома или на участке.

К вечеру, после жаркого трудового дня спешили пользоваться такими праздничными днями молодежь, в большей степени, кто отпрашивался у своих старших домашних, а кто и самостоятельно производя вылазку в места отдыха, вместе со своими друзьями.

Большой клубень ароматной краской клубники медленно и вызывающе скользил по набухшим девичьим губам, внимая аромату их свежести и девственности. Словно по последнему

предсмертному своему желанию губы пытались выжать и красного сладкого плода, дарованного матушкой природой все экзотические вкусы ее нутра.

Он так сейчас захотел быть на месте этой клубнички, в ее пальцах, скользя по ее губам.

Она виртуозно играла на его чувствах и волнениях, и не чувствуя меры подавалась все глубже и глубже, в своих сладострастных ощущениях преимущества перед ним.

Ей так нравилось чувствовать себя выше него, не смотря на старшинство в возрасте, доминирующей, диктующей свои условия и ведомой в их взаимоотношениях, что ради этого чувства она способна была поступиться многим.

Под конец, облизав губами кончик клубники, она сделала медленный надрез своими передними зубами и поглотив большую часть плода, нежно облизнула свои губки, не переставая ими двигать и манипулировать.

Она сейчас играла перед ним не только глазками, но и губами, с удовольствием наблюдая за его унылостью и беспомощностью.

- Нет, что и говори, а клубника в этом году выдалась на редкость сладкая, - подметила Мзия, - хотя и дорогая.

- Это потому, что привозная и все наши посева уничтожило наводнение, - подметил Кока.

- Интересно успеет ли у нас в этом году урожай хотя бы чего-то? - поинтересовалась Мтвариса.

- Если и другие подобно тебе будут посматривать в сторону города, то вряд ли, - пояснил Людовик, - землю некому будет обрабатывать и поливать.

- Не говорите, ребята, какой все-таки сложный год выдался для страны, куда не глянь везде прошлись страшные наводнения и потопа, как у нас в западной части страны, так и в других частях, что будем делать?- с волнением подметила Мзия.

- Больше надо работать и меньше праздновать, - был короткий ответ Людовика.

- Помоги себе сам, - советуют мудрецы, - напомнила Мтвариса, едва сдерживая смех.

- Давайте друзья этим бокалом выпьем за сегодняшний великий день,... - предложил Кока, чокаясь с друзьями бокалом из под шампанского.

-Шампанское клубника это великая вещь!-подметила Мтвариса.

- Сильнее чем ананасы в шампанском? - любопытствовал Кока.

- Какое сравнение, - подтвердила Мтвариса.

- Какое вкусное пирожное, но к сожалению я от него так полнею, - пожаловалась Мзия.

- Ничего, ешь смелее, все лишнее потом в огороде сбросишь, - утешила ее Мтвариса.

- Что, в огороде? - неожиданно обрадовалась Мзия, у которой безумно расширились глаза от счастья, - в огороде, в огороде, - расхохоталась она, заражая улыбкой и смехом сидящих за столом друзей.

- А что я такого смешного сказала? - изумилась Мтвариса.

- Ты ничего, - пояснил Кока, - это она другое подумала.

Беседа за столом приняла более увеселительный характер. Только Людовик, чувствовалось, как он неохотно и тяжело подавался этому увеселению, несмотря на то, что он старался не отставать в тостах от своих друзей.

В разгаре беседы друзей, он редко включался в их беседу, а все чаще и больше устремляя свои взоры и мысли под магнитофонную тихую музыку сельского ресторана, в сторону и вокруг своей возлюбленной.

- Если ты ее упустишь из села в город, хотя бы не на долго, то ты потеряешь ее навсегда, - говорил ему его внутренний голос.

- А что же мне делать? - сокрушался он про себя.

Времени для раздумья и действий у него оставалось все меньше и меньше.

Аналогично плодам клубники, просторы ее губ бороздила теперь спелая черная вишенка.

Прокручивая ее не надолго во рту, она достала ее косточку своими тоненькими пальцами и продавливая ее с двух сторон неожиданно выстрелила в лицо своему приунывшему,

опустившему в этот момент голову, возлюбленному, который аж вскочил на месте, от неожиданности.

- Мтвариса, что за шуточки? - возразила Мзия, первой прервав продолжительный смех друзей.

- А что, сидит весь вечер, как на панихиде и не веселится вместе с нами, - возразила Мтвариса.

- Он оплакивает твой отъезд в город, Луна, - пояснил Кока.

- Так это ведь еще не уточнено когда? - пояснила Мтвариса.

- Не важно, он ведь знает, что скоро, - напомнил Кока.

- Не волнуйся Людовик, Луна появляется и исчезает, затем вновь появляется и вновь исчезает, и так испокон веков, со времен сотворения мира.

- Если исчезнет она, то она уже не появится, - пояснил уныло Людовик.

- Да прям уж, бросит она, так вот свой дом, своих родных, родителей и запропаستится в город, - пояснила Мзия.

- Пускай съездит себе в город, как ей угодно, может хорошо там обживется устроится, а там и глядишь, может и нам свистнет, если будет хорошо, неправда ли Луна? - поинтересовался Кока.

- Конечно же, ну куда я без вас, - согласилась Луна.

Друзья незаметно погрузились в полемику, перебирая все плюсы и минусы сегодняшней городской и сельской жизни. Темы бесед сменяли одна другую.

Под поздний вечер Кока увозил из сельского ресторана своих увеселенных друзей на автомобиле своего дяди, на белой «Ниве», на которой первой до дому довезли Мзию.

Сидящая впереди Мзия, рядом с водителем - Кокой, не спешила сходить с автомобиля стоявшего уже возле ворот приусадебного участка ее дома, а делилась с друзьями чувствами и ощущениями от приятно проведенного вечера с друзьями и благодарила их за дружбу.

Под конец расцеловавшись с друзьями, она на веселее, прыгнула с машины и с легким перекачивающимся шагом по сторонам и со смехом, направилась к калитке своего дома.

- Это тоже так, - протянул Кока небольшое четверостишие
Расстались с днем и солнцем,

Мзию – солнце, проводив до дома,

Остались с ночью и луной,

Мтварису – Луну, увозя до ее порога!

- О, погляди Людовик, наш Кока сделался на конец дня поэтом, - рассмеялась Мтвариса, сидя на заднем сидении, рядом со своим возлюбленным.

- Лучше поймай по радио хорошую музыку, - предложила она водителю - и вези нас по - осторожнее, не то меня уже всю раскачало, - продолжала увеселительно смеяться Луна.

- Тогда придется везти по обходной, лучшей дорогой, если хочешь чтобы не трясло, - пояснил Кока.

- Да хоть какой, лишь бы до дому довези, целым и невредимым, - весело согласилась Мтвариса, под тихую музыку салонного приемника автомобиля.

- Да но, это будет немного дольше пути, - предупредил Кока.

- А куда спешить, - слегка покачивала Мтвариса головой и телом, под такт музыки.

- Тебе, что так охота с ней скоро расстаться? - вымолвил наконец Людовик.

- Ну хорошо, как скажете, - прибавил газу Кока, разворачивая машину в противоположную сторону.

- Или сейчас или никогда, - екнуло вдруг сердце Людовика, не в силах больше выдерживать натиск ее улыбок и увеселенного взора, потянулся было в ее сторону, пытаясь заключить ее в свои объятия, но тут же был отбит от нее, энергичными движениями ее рук.

- Прекрати, сказала я тебе, иначе совсем меня потеряешь, - пригрозила Мтвариса, оттолкнув своего возлюбленного в противоположный от себя угол правого сидения.

- Людовик, не приставай к девочке, дай ей нормально послушать музыку, - предложил Кока, посматривая через салонное зеркало автомобиля назад.

Какое-то мгновение Людовик сидел смирно, понутив голову, но вскоре не сдержав своего очередного порыва неожиданно набросился на Мтварису, заключив ее в своих объятиях и поцеловал ее в края губ.

Мтвариса очень быстро выпуталась из его объятий и левой рукой шлепнула своего возлюбленного по щеке хлестким ударом.

Людовик от неожиданности оторопел, ухватился правой рукой за щеку и тотчас же подался на свое прежнее место.

- Вот дружище, я ведь предупреждал, - подметил Кока, вновь поглядывая на друзей через салонное зеркало.

- Если хочешь, то могу и тебя вознаградить тем же, по затылку, - смеясь предложила Мтвариса.

- А меня то зачем? - удивился Кока.

- А так, для профилактики, чтобы прямо смотрел, а не по сторонам, и назад поглядывал бы, - пояснила увеселенная Мтвариса.

- Делай то, что тебе друзья говорят и слушай их, - подтвердил Людовик.

Кока по тону своего друга уловил его намерения, о которых он признавался ему на днях, но не решившись на этот поступок сразу же переспросил своего друга.

- Ты твердо уверен в этом?

- Делай то, что тебе говорят, - повторил строго Людовик, - иначе получишь и от меня, - смотри вперед и не поглядывай назад.

Вскоре автомобиль Коки выехал на асфальтированную автостраду.

- Черт, - проговорил Кока.

- Что такое? - поинтересовался Людовик.

- Через патрульный пост слишком быстро проскочили, кажется они что-то заподозрили.

- А что? - поинтересовалась вдруг Мтвариса, словно вынырнув из музыкального омута, приподнимая голову.

- Да нет ничего, просто он ведь как и мы немного выпивший, а сейчас за это, сама знаешь какие штрафы, если поймают.

- А..., - протянула Мтвариса, поглядывая через окна автомобиля по сторонам.

- А куда вы меня везете? - спохватилась она вдруг.

- Домой, успокойся, - утешил ее Кока.

- Это дорога не к моему дому, - встревожилась она вдруг.

- А к чьему же еще? - подтвердил Людовик, - Кока давай жми, чтобы патрульная машина нас не догнала.

- Куда вы меня везете сволочи, анука остановите, остановите сейчас же, вы, что меня похищаете что ли? - запаниковала Мтвариса.

Эти опасительные и тревожные возгласы Луны словно переключили в головах друзей, в один миг и одновременно, их умы на желаемый канал, подбросив им подсказку в их дальнейших действиях.

- Сама напросилась, - мелькнуло вдруг у обоих друзей в головах, толчок был дан, теперь оставалось действовать окончательно и бесповоротно.

- Конечно, и что тут такого, - пояснил вдруг Людовик.

- Подумаешь велика важность, - поддержал друга Кока.

- А меня вы спросили, хочу я этого или нет? - расплакалась вдруг Мтвариса, барабанила руками по плечам водителя. - Сейчас же остановитесь и поезжайте обратно, я не хочу, чтобы меня похищали, - прибавила в голосе плача Мтвариса.

- Что скажут в деревне обо мне, какой век сейчас, чтобы похищать, совсем уже очумели?

- Езжай дальше и не слушай ее, - уговаривал друга решившийся на отвагу Людовик. Если мы сейчас повернем обратно, то наверняка уже наткнемся на патруль и тогда у нас будут большие неприятности и проблемы.

- А за мое похищение, как вы думаете, у вас будут меньше проблем, вы знаете сколько сегодня лет тюрьмы дают за это?

- Это не моя идея была Мтвариса, уверяю тебя, - попробовал оправдаться Кока.

- Какая разница, все равно ты соучастник, в любом случае, - надрывалась Мтвариса.

- Мтвариса, дорогая, любимая, - полез опять было Людовик в сторону своей возлюбленной, - я люблю тебя и без тебя я не смогу жить, без тебя и жизнь на воле для меня тюрьма,... - Людовик разговорился в своих сердечных признаниях, так словно пытался возместить свое не многоречие, за проведенный вечер за столом.

- Отстань от меня, псих ты ненормальный, - кричала на него Мтвариса, отбиваясь от своего возлюбленного кулаками.

- Где ты доченька до сих пор, почему до сих пор не отвечала, - зазвонил отключенный за весь вечер мобильный телефон Мтварисы.

- Где, где- похищают меня, вот где, - крикнула в трубку Мтвариса, швырнув мобильник после разговора в сторону Людовика, продолжающего лезть к нему, угодив ему в лицо.

Мтвариса продолжала плакать и умоляла похитителей не похищать ее, Людовик отправился от удара, пришедшего мобильником, от возлюбленной в бровь глаза.

- Ты же могла ему так и глаз выбить, ненормальная, - разгневался Кока.

- Мой отец вам еще не то выбьет, когда узнает, - пригрозила Мтвариса.

- Ладно Кока, сворачивай обратно, отвезем ее домой, - согласился вдруг Людовик, - я любви насильной не хочу,- сломался не только в голосе Людовик.

- Ты что с ума сошел, напороться на патруль желаешь, что тут осталось минут пять-десять езды и мы на месте, - предложил Кока. Не бойся красавица никто тебя трогать не собирается, просто приедем на место, отдохнем немного, а там поступай как хочешь.

- Разворачивай машину сейчас же обратно, - строго повторил Людовик.

- Как скажешь, - согласился Кока, нехотя подчиняясь приказу друга.

Мтвариса вдруг от неожиданности умолкла, словно язык проглотила и растерянно поглядела на друзей и по сторонам, словно не веря тому что происходит.

- Пожалуй ты и прав Людовик, не стоит она этого, чтобы из-за нее столько хлопот иметь, - нарушил вдруг молчание в салоне

Кока. - Сейчас и вправду столько можно схлопотать за похищение человека, что о го-го.

В салоне вновь воцарилось молчание.

Белая «Нива» Коки гнала по автостраде в обратном направлении, в сторону деревни, в которой они жили и которую так любили все трое.

- Что вы делаете ребята? - возмутилась вдруг настороженно, немного погодя Мтвариса.

- Как что? Везем тебя обратно, в деревню, домой, - пояснил Людовик, - разве ты не этого хотела?

- Зачем? - удивилась еще больше Мтвариса.

- Как зачем, затем, что ты так желаешь, - поддержал друга Кока.

- Я не хочу, - осторожно вымолвила она, понуриив голову.

- Что? - протянул удивленно Кока.

- Я не хочу, - повторила Мтвариса.

- Что? - переспросил Людовик.

- Возвращаться обратно домой, везите меня туда, куда везли.

- Что...? - почти в один голос протянули удивленно, обескураженные друзья.

Кока успел скинуть скорость езды автомобиля.

- Не слушай ее, поезжай обратно в деревню, - махнул рукой Людовик.

- Я не хочу домой, обратно в деревню не хочу, похищайте меня до конца, если похищаете, - еще больше расплакалась Мтвариса.

Но ее долго не слушались, очумевшие от ее поведения, друзья, пока вновь не проехали патрульный пункт на автотрассе, неподалеку от поворота, с сторону их деревни.

- Ну, что же мне делать наконец, скажите мне толком, - взревел разгневавшийся Кока, притормозив машину на обочине автострады. - Один говорит «похищаем ее», потом второй говорит « не похищайте меня», потом они меняются ролями и все говорят наоборот, черт знает что, - стукнул Кока рукой по рулю автомобиля.

- Должен вас предупредить, что я не люблю, когда со мной играют в кошки мышки, я вам не позволю этого и не собираюсь катать вас на машине взад-вперед, целую ночь, ясно?

- Ясно, - пояснил Людовик.

- Так, что же мне делать, куда ехать? -спросил Кока.
- В деревню, отвезем ее домой, - пояснил Людовик.
- Не хочу в деревню, похищайте меня до конца, если похищайте,
- расплакалась Мтвариса, - там уже мои домашние наверняка подняли уже всю деревню «на ноги» и я не хочу туда возвращаться под именем похищенной.

- Нет, ей Богу, какой-то дурдом, - разгневался Кока, оставаясь еще некоторое время в растерянности и не зная что делать, пока друзья спорили об этом.

Ну, что же в таком случае, решение будем принимать большинством голосов, учитывая желание женщины, - почти взревел Кока, вместе с заводящимся мотором автомобиля и еще раз развернув автомобиль, погнал его подальше от своей деревни, вновь, с большой скоростью проехав патрульный пост автоинспекции.

- Спасибо тебе Кока, ты настоящий друг, - заулыбалась вдруг Мтвариса.

- А с тобой то, что стряслось жених, не уж то ты не рад, чего приумолк, как - будто бы мы похищаем не Мтварису, а тебя, - подразнил его Кока на веселее.

- Сейчас оно так и есть, - философствовал Людовик.

Мтвариса почувствовала вдруг как у нее запрыгало сердце от радости, словно произошло сейчас то, чего она так долго ждала и дождалась наконец, хотя и не подозревала раньше, что она этого ждала.

- Прибавь музыки, - попросила Мтвариса.

Постепенно салонная музыка автомобиля превращалась в светомузыку и находящиеся внутри автомобиля «Нива» друзья толком и не поняли происходящего, пока не раздался сзади них глухой сигнал и призыв патрульной машины остановить их автомобиль на обочине дороги.

- Ох, черт побери, патруль,-испуганно вывалилось у Коки изнутри.

- Догнали все-таки, - уныло произнес Людовик.

- Догнали бы конечно, - раздосадовался Кока, остановив автомобиль на обочине дороги, - маячили у них перед глазами, сколько раз, эх.

С остановившейся сзади патрульной машины неторопливо вышел ее водитель и направился в сторону автомобиля «Нива».

- У меня ведь и документов с собой нет, - вспомнил еще больше раздосадованный Кока.

- Ваши документы молодой человек, - попросил патрульный, представивший себя и осмотревший сидящих в салоне «Нивы» пассажиров.

Кока нервно стал шарить по карманам руками.

- Знаете лейтенант, кажется, я забыл документы дома, - нервно и судорожно взмолился он.

- В таком случае выйдите из машины и пройдите в нашу машину, - предложил ему лейтенант, - и прихватите с собой, если имеется какое-нибудь другое удостоверение личности.

Кока, словно, опомнившись опустил верхний противосолнечный щит над рулем и из его чехла вытащил какой-то документ и так протянул его лейтенанту, что выронил его из рук и лейтенанту пришлось за ним нагнуться.

Воспользовавшись этим минутным замешательством Кока быстро завел машину и буквально пулей сорвался с места.

- Что ты наделал дурень? Теперь ведь нам всем хана! - завопил Людовик, оборачиваясь и поглядывая назад, оставившего в распloch лейтенанта, который уже бегом направлялся к своей патрульной машине.

- Ой, что же теперь будет? - встревожилась не на шутку Мтвариса.

- Теперь нам всем хана, крышка, - пояснил Людовик, ухватившись за голову руками.

- Не бойсь, проскочим, не догонят, - уверял Кока, прибавляя газу своей машине.

- Как же, он ведь нас в лицо видел, - спохватился Людовик.

- А..., темно все равно, толком бы и не разглядел бы, - утешил Кока.

- А твой документ, который у него остался в руках? - вспомнил Людовик.

- А это был старый комсомольский билет моего друга, который давно уже как укатил в кордон, - рассмеялся Кока.

- Нет, ты все равно дурак, - не успокаивался Людовик, - ты знаешь, что за неповиновение они имеют право открыть по нам огонь, из их табельного огнестрельного оружия. Вот они уже гонятся за нами.

- Все равно не догонят, вот увидишь, проскочим. Надо же начатое нами дело доводить до конца или же позволим патрульным срывать его на пол пути, а, Мтвариса?

- Ты настоящий мужик Кока, спасибо тебе, но все - равно я очень боюсь, может остановиться и подчиниться им?

- Все это время я слушался и повиновался вам, а теперь доверьтесь мне, вот довезу вас до места, куда надо, а потом вернусь и сам сдамся им, а куда еще денусь и заодно объясню им причину своего такого поведения.

- Придурок, что еще сказать, - покачал головой по сторонам Людовик.

Музыка не переставала играть в салоне, но она уже никому не доставляла удовольствия, а только водителю прибавляла жару в его похоти.

Раскрашенный в бело-голубых тонах современный автомобиль патрульной машины медленно подъезжал к небольшому перекрестку главного автомобильного магистрального шоссе, неподалеку от которого виднелось небольшое скопление людей и машин.

Покрапывал небольшой дождик и дворники переднего лобового стекла изредка, нехотя включались в работу, прочищая водителю видимость дороги от свежее набегающих капель дождя.

Точное место происшествия указывало еще и освещало, помимо горящих передних мощных фар автомобилей, мигающие маяком красно-голубые мигалки, остановившейся впереди, другой патрульной машины.

- Подъезжай медленно и остановись за машинами наших ребят,
- последовало указание в салоне патрульной машины.

- Слушаюсь командир, - последовал ответ водителя.

Вскоре раздались поочередные хлопки закрывающихся дверей патрульной машины.

Сошедшие из него сотрудники полиции направились к стоящему неподалеку перед ними, новой машине скорой помощи, с красными росписями на ее белом фоне «03» и «AMBULANCE».

Не успев до конца дойти до задней двери, в месте скопления нескольких людей раздались звуки закрывания задних двустворчатых дверей машины скорой помощи.

- Быстро, в районную центральную больницу, - скомандовала водителю скорой молодая девушка-врач в белом халате и накинутом на себя серого цвета плаще.

Оба они почти бегом направились на свои места, и автомобиль скорой помощи с ревом сорвался с места.

- Что произошло? - поинтересовался командир только, что подъехавшей патрульной машины у полицейского первой машины, несмотря на то, что он владел уже некоторой предварительной информацией, полученной по рации, в салоне своей машины.

- Да вот командир, не подчинились нашим требованиям остановиться, потом все-таки остановились, но когда подошли и попросили у них документы, водитель «Нивы», - патрульный указал в сторону валявшейся неподалеку от второстепенной дороги в поле, разбитой и перевернутой вверх дном машины, - выкинул нам вот этот старый комсомольский билет и воспользовавшись нашим замешательством, вновь тронул машину с места и попытался уйти от нас. Естественно мы погнались за ними. Уходя от нашей погони, видимо на большой скорости завернули на эту проселочную дорогу, а тут еще и этот морозящий дождичек, ну вот и перевернулись.

- Что с пассажирами?

- Водитель остался целым и невредимым с небольшими ушибами.

- Где он сейчас?

- У нас в машине, в наручниках сидит, к тому же видно, что немного подвыпивший.

- В отделение его и допросить как следует.

- Конечно же.

- А с остальными что?

- Молодые парень и девушка очень пострадали, они в бессознательном состоянии и их срочно повезли в больницу.

Вскоре первая патрульная машина уехала с водителем «Нива».

К месту происшествия подъехали еще две другие патрульные машины для работы на месте.

- Сколько же их понаехало? - успела мелькнуть мысль в чуть сотрясенной от ушибов голове водителя «Нивы», которого вскоре ожидала неприятная процедура допроса по задержанию, в ближайшем пункте полиции.

Уже к полуночи родители и близкие пострадавших от автокатастрофы молодых пассажиров тщетно пытались повидаться со своими детьми, в обновленной и оборудованной на современном уровне, районной больнице, шумно сокрушаясь по поводу произошедшего в ее фойе.

Тихо было только в палатах, где спали больные и еще тише, в отделении реанимации, куда были отправлены двое молодых, пострадавших от недавней автокатастрофы, за которыми тщетно ухаживали сотрудники медперсонала больницы.

Следить за их состоянием, после проведения всех мер по их спасению, поручили двум медсестрам, одна из которых постоянно находилась неподалеку от них, а вторая то и дело то входила, то вновь входила в отделение реанимации и дежурила по этажу больницы.

Похоже было, что день празднования Великой Октябрьской революции в деревне был забыт всеми сельчанами, но несмотря на это перед известным и почитаемым зданием села отмечалось небольшое сборище людей.

Выходившую из этого здания счастливую и красивую молодую пару, сопровождали несколько человек с красивыми букетами цветов и с улыбающимися, счастливыми лицами.

Из салона, специально оборудованного легкового автомобиля неслась, национальная, романтическая музыка.

Молодых спешили поздравить, близкие и друзья.

- За все в жизни приходится расплачиваться, - мелькнуло у жениха в голове, устремляя свой взгляд, в ясное безоблачное, солнечное, осеннее небо.

- А, что за день отмечают сегодня? - поинтересовался подошедший до сельчан малоизвестный мужчина.

- Всемирный день мужчин, - услышалось в ответ.

- Странно, а я думал, что все-таки 7 ноября, - удивился незнакомец, - а что его уже совсем у Вас отменили?

- Нет, просто заменили его еще более грандиозным.

- Куда же еще более грандиозным? - возмущился незнакомец.

- Ай, дедуля, сказано же было Вам - Всемирный день мужчин, - пояснял другой женский голос, - так ведь радоваться нужно, а вы?

- Ай, оставь его в покое Мзия, не видишь, что он вне себя, - услышался женский совет.

- А кто его утвердил, интересно? - поинтересовался незнакомец, не без радостного удивления.

- Утвердил его с легкой рукой, наш последний президент, - пояснила Мзия, - покончив раз и навсегда с мужской дискриминацией, после чего, с мужской дискриминацией было покончено, и мировая общественность стала отмечать этот день – World Men's Day.

- Какой сегодня оказывается прекрасный день и праздник, - воскликнул радостно незнакомец, - вот за это я сегодня пожалуй не пил и пойду сейчас же восполнять это упущение, - промолвил он, - спасибо, что сказали.

- Ты, что и вправду это так или ты сочинила? - поинтересовалась подруга.

- И вправду - прохихикала Мзия.

- Откуда ты все это взяла?

- С интернета, - пояснила она, - сейчас оттуда все кроме детей и жратвы берется.

- И спрашивается теперь, зачем в город молодежи подаваться, когда сам город и весь мир пришел к нам в деревню, через интернет.

- Ну, так, - согласилась Мзия, - продукты все можно приобрести у меня в магазине, и своего спутника жизни, кстати тоже, а все остальное нам любезно предоставит интернет, - продолжала усмехаться Мзия вместе со своей подружкой.

Больше всего из этой истории досталось конечно же его зачинщику, расплатившемуся за нее белоснежной «Нивой» своего дяди и лишение вождения на целый год, а все остальные финансовые расходы ему сейчас казались ничем, по сравнению с коронацией самого Людовика XIV,- как он любил называть своего друга.

- Эх, и вправду говорят в народе, что женщина подобна пуле со смещенным центром тяжести, попадет мужчине в сердце, бьет по карману и выходит боком, - поплыла у Коки улыбка по лицу.

- Кто же будет возмещать все твои улыбки, - поинтересовался стоящий рядом с ним друг.

- Небеса, - пояснил Кока, улыбаясь и поглядывая в небо, - небеса и их потомство.

- Ну да, конечно же, за деяния своих родителей и предков всегда приходится расплачиваться их потомству, - пояснил мужской голос.

- Людовик солнце привел в жены Лунную красавицу, - выкрикнул кто-то из немногочисленной толпы.

- Друзья, это самый счастливый день в моей жизни, - поблагодарил с радостью молодой жених.

- Я так хочу, чтобы счастье это никогда не кончалось, - напевалась в голосе невесты мелодия, - щедро одаривая направо и налево своей радостью и счастьем окружающих.

- Один великолепный роман « Похищение Луны» - написал сам известный национальный классик, а второй наши молодожены, - слышалось в толпе.

- Первописателями настоящей истории жизни являются все же не классики, а сами люди, а потом уже классики, своим изящным мастерством, описывают жизнь этих людей, героев, своих творений, - слышалось в ответ.

Лишь избранным, среди поздравляющих был слышен падающий с Неба колокольный перезвон, славящий заключенный только, что союз любви молодых.

- Все только начинается, - пробубнил под нос незнакомец, покидая место своего случайного пребывания, - но в любом случае я конечно же желаю счастливой жизни молодоженам. Ведь все всегда счастливо начинается....

07.11.2006

От дурака – до теоретика биопсихосоциальных колебаний и дальше

Среди множества книг и журналов, раскиданных почти по всей комнате, уложенных на второй, пустующей кровати справа, на тумбочке слева, на письменном столе спереди и слева, на книжном шкафу и его полках спереди и справа, в памяти часто маячила тонкая книжка, ныне в потоках бумажной реки.

Школьный учебник стереометрии, для десятого класса, где сразу же после обложки, на чистом белом бумажном поле красивым почерком одноклассницы владельца, были выведены два слова: « Мишка дурак». В то время, это почти ничего для Миши не означало и приравнялось им разве, что к простой школьной шутке, – удару по голове школьным портфелем.

Но с течением времени эти слова и почерк становились для него в жизни все значимее, и тем более, чем глубже уходил он в реалии, далекие от этих слов. Сейчас они звучали для молодого профессора, философа, доктора наук, магистра человеческих судеб и предназначений – Михаила Каткова, эхом в громадных, холодных скалах.

Все с большей силой ощущал он бремя давнего пророчества, словно всем существом и поступками только к этому и стремился. Осознавал слабость человеческой речи, неспособной выразить чувства, которые все убыстряли свой бег к нему и, настигая, всякий раз наносили удары. Предчувствовал, что натиск их продлится долго, пока дух не покинет его тело. Порой, впрочем, ему казалось, что дело может пойти и дальше, туда, где...

Все отчетливее проявлялась жестокость судьбы, представляющей шанс лишь однажды, в лучшем случае – дважды, и неумолимой к тем, кто его недооценивает и упускает его.

- Брось эти глупости! Если бы человек не упускал своих шансов, то они не оставались бы шансами, а обращались в лучшем случаи ошибками.

«Может, ты и прав, Санька, - думал Миша, - но от этого не легче».

Худая, костлявая Санька, вся промокшая, стояла у порога, и дрожала от холода.

Миша вынес ей одеяло, укутал, усадил у электропечки. Она, вздрагивая, умудрялась сохранять равновесие и высказывать разумные суждения.

- Горячая вода идет? – задала прагматический вопрос.

- Наверняка нет, - отвечал Миша. – Пойду, на всякий случай, взгляну.

Его долго не было, потом он появился, принес в одной руке поднос с яблоками, шоколадом и коньяком, в другой – полотенце и белье. Застал Саньку раздетой, обернутой в одеяло.

- Извините, - смущенно пролепетала Саня.

Миша стыдливо отвел взгляд, протянул руку с бельем и полотенцем. Поставил поднос на столик с разрешения владелицы, унес мокрую одежду развесить на батарее, с радостью обнаружив, что она горячая.

Затем была долгая, аж до полного высыхания одежды, беседа за рюмкой коньяка.

Миша пошел за одеждой. Вернувшись, заметил, что Саня как-то изменилась. Проступили признаки женщины, принявшей для себя ответственное решение. В недоумении он немного помедлил, потом осторожно приблизился к ней:

- Вот, уже высохло, можешь надеть...

Она приняла ворох, отбросила его сторону, потянулась к Мише, прильнула к нему со всей страстью. Он в растерянности отвел руки. Одеяло соскользнуло, упало поверх одежды. Саня метнулась к дивану, увлекла за собой Мишу, попыталась расстегнуть ему сорочку.

Совсем огорошенный, Миша попятился назад.

- Что с тобой? – удивилась Саша, - разве ты не этого добивался от меня в последнее время, а теперь, я решилась, и ты отступаешь?

- Нет.

- Так в чем дело?

- Ни в чем, только сейчас, прошу тебя, оденься и уходи.

Саня все более изумлялась.

- Миша, ну, прости меня, - протянула она руку, чтобы погладить его лицо, - разве от такой женщины, как я...

- Да нет же! – резко отвел ее руку Миша и вскочил, как ужаленный.

- Ну и дурак! – взвизгнула Саня. – Ты не можешь мне простить, что я долго колебалась. Думаешь я не знаю. Но кто виноват, что ты все это время выкидывал какие то дурацкие штучки, гонялся за каждой юбкой. Послушал бы, что о тебе говорят на работе. Профессор! Только с протекцией такие, как ты, и добиваются своих корыстных целей...

- Да ведь это же ложь, – взорвался Миша. – Бог свидетель, каким упорным трудом добился я своего положения на работе.

- Да, лизоблюды способны на большее.

- Да я тебя! – затряс он ее за обнаженные плечи.

- Ударь, ну, ударь! Еще мужчиной называешься. Только голову морочишь.

От сильного удара по лицу она с криком перемахнула через диван и грохнулась на пол. Он в ужасе подскочил к ней. Она лежала без движения, и на ее слегка треснувшей губе проступили капельки крови. Он втащил ее на диван, уложил, накрыл одеялом.

Она пришла в себя только вдохнув нашатырь.

- Санечка, пойми меня, я уважаю тебя, возможно и люблю, но... - услышала она, понемногу приходя в себя.

- Но что? – спросила она взглядом.

- Я не люблю себя. Я однажды предал себя, а тот, кто предает себя, способен предать и другого.

Саня продолжала спрашивать глазами.

- И в этом суть моего дальнейшего бытия. Это очень долго объяснять. Боюсь, ты не поймешь меня. Нет физически я здоров, но и не более. И с умом вроде все в порядке, просто... Ну, как тебе это объяснить? Понимаешь, это как бы отражение профессиональной деятельности в сознании.

Саня напрягалась, пытаясь уловить из информации нечто ценное.

- Это – все теория социальных колебания, открывшаяся недавно передо мной. Механика поведения всех материальных и социальных систем в динамике колебательных процессов.

Сане было известно это направление, начатое и вроде бы доведенное до логического конца молодым профессором несколько лет назад.

-Но ведь мы давно эту работу завершили, - все удивлялась Саня.

- Но я скрыл от вас всех очень важное заключение, которое вытекало из проделанной работы.

- Что же? – напрягалась Саня.

- Извини, но я не могу этого сказать сейчас.

Она притворилась, что вот-вот потеряет сознание.

- Ну, хорошо, я солгал. На самом деле все так, как говорила ты, и прости, ради Бога.

Он подтянул холодную мокрую тряпку на ее лбу. Она была уже в состоянии возобновить беседу, но горькая обида сковывала ее.

- Вот тебе ключи от дома, сегодня переночуй у меня, а я отправлюсь к другу. Утром, когда будешь уходить, закрой дверь, а ключи принеси мне на работу. О'кей?

Саня индифферентно кивнула головой. Ключи опустились перед ее взором на столик.

- Проголодаешься, поищи что-нибудь в холодильнике. Хочешь я попрошу сестру присмотреть за тобой, если тебе надо.

Саня резко, энергично мотнула головой в знак отрицания.

- Ладно, прости меня, ради Бога!

Дверь скрипнула и захлопнулась.

« Мужчина, не мужчина, но силу воли я потерял, это факт... вот только человечность, к счастью, пока еще нет».

В ту ночь Миша долго бродил по любимым местам города.

- Если материальным системам свойственно колебаться, то и человек, как биопсихосоциальное творение – далеко не исключение, - внушал он себе.

Шли годы, время отбрасывало события одно за другим, но бесследно стереть их, не дано даже времени. Более того, каждое материальное и нематериальное живое существо оставляло свой след в электромагнитном поле памяти жизни. Во всяком случае, так полагала Саша.

В ее жизни с тех пор произошло много всякого – замужество, материнство, вот и в молодых бабушках довелось оказаться.

События той ночи и случай с Мишей, хоть и утратили остроту, заставившую ее сменить работу, и даже переселиться на время в другой город, но все же сохранили некую таинственность и привлекательность, которую нагнетают обычно островки неполной ясности. Островки этих нет и да и всплывали порой в памяти Саши.

В тот яркий солнечный день бабушка – Саша возвращалась, нагруженная сумками, с базара домой. Неожиданно сбоку от нее остановилась машина. Она услышала, как ее позвал женский голос.

- Боже, это же Мадонна! – чуть сомневаясь, воскликнула она.

Подруги юности бросились навстречу друг дружке и обнялись.

- Господи, как ты? – спрашивала одна.

- Ничего, так себе, живем понемножку. А ты как? – отзывалась вопросом другая.

- Да тоже вроде бы ничего!

- Где ты? Не зайдешь, не позвонишь?!

- Но вспоминаю!

- Верю, а что же остается делать...

- Как ты изменилась!

- А ты нет! Совсем! Такая же шаловливая, как и раньше?

- Правда?

- Ой, что это я?! Пойдем, я тебя с моим мужем, Олегом, познакомлю, заодно и подвезем тебя на машине, расскажем, что, где, когда и что там нового.

В машине, не сразу решившейся сдвинуться с места, завязался разговор, обещавший стать не коротким.

И вновь Саша ощутила наплыв «Мишиных островков».

- Да, кстати, Саня, помнишь Мишку Каткова?

- Кого? – удивившись совпадению, переспросила Саша.

- Ну, как? Нашего заведующего – профессора, все за девочками нашими увивался.

- Разве?! – голосом, выдававшим безусловную память об этом человеке, пробормотала Саша.

- Ты, что, защищаешь его?!

- С чего бы это?.. Так что же?

- Скончался, увы!

- Когда?

- В прошлом году. А ты не знала?

- От чего?

- Сердце. Вроде несколько лет лечился. А вообще, помнится, он тогда много странного вытворял. Даже удивлялись, как такой человек в профессуры пролез. Помнишь?

- Помню.

- Совсем молодым.

- А вообще, он был симпатичнее. Правда, потом немного сдал. Говорят, после школы хотел жениться на одной девочке, любил ее, но мозги тогда увели его от счастья. Ну, как это обычно бывает. Зеленый, неопытный, думал, наверное: куда спешить, надо продолжить учебу, потом устроиться на хорошую работу, а потом уж остальное.

- Ха-ха! Какая дурочка стала бы его ждать! Потом, говорили, он вопреки душе, заигрывал со многими, добивался, но не доводил дело до конца, порывал, переключался на новые «жертвы». Ну, не псих был, скажи? Сказать, что не мог, - нет, жил все-таки с одной. Так и шло. И плохо кончил, как видишь. Эх, хотя, кто его знает. Ну, да ладно. А мы вот с семьей собрались в этом году в горы. Говорят, на море в этом году ездить не стоит – и радиация, и вода не Бог весть какая чистая. А вы что надумали.

- Не решили еще, - уклончиво улыбнулась Саша.

Договорившись о будущей встрече семьями. Расстались.

После двух, а то и трех месяцев работы в библиотеках и дома, и неустанных размышлениях и воспоминаниях о совместных исследованиях поведения по тематике материальных колебательных систем, Саша на примере динамики систем механических, с опорой на «Мишины островки» пришла, а точнее, как ей показалось, уверилась, что добралась до подступов теории биопсихосоциальных колебаний Каткова.

Основные положения изложила следующим образом:

« Так как каждая материальная система колеблется как в пространстве, так и во времени, с собственной частотой колебаний, при взаимодействии двух и более систем устанавливается частота

колебаний доминирующей системы, которая как бы заставляет колебаться подсистему или подсистемы на своей частоте, то есть подстраивает их на свой лад, производя так называемый «захват частоты». А если частота колебаний доминирующей системы совпадает с частотой свободных колебаний подсистемы, то произойдет резонанс, «фейерверк», разрушение...»

Перенося уловленную природу колебаний механических систем, через мостик материальности, в систему биопсихосоциальную, в частности в сферу человеческих отношений, в том числе, конечно же, и интимных, Саша представляла себе теорию колебаний Каткова следующим образом: как один человек может завоевать другого, если тот, другой, этого не желает? Очень просто: нужно сначала очень внимательно присмотреться к нему, узнать о нем как можно больше, на основании полученных данных попытаться определить собственную частоту его свободных биопсихосоциальных колебаний, - и дело в шляпе! Дальше нужно постараться настроиться, может быть, даже вопреки своему желанию, на эту частоту и сблизиться с интересующей системой. От того, насколько правильно и удачно человек определяет эту неизвестные, искомые частоты, и насколько успешно настраивает себя на них при взаимодействии, и зависит весь успех. Есть, однако, и маленькое «но». Теория жестока тем, что часто побуждает человека уходить от своей частоты к другой, а потом, добившись своего и возвращаясь к исходной, он видит, что новая оказывается не вполне той, какой стремился, и происходит противоречие с ней.

- Вот где собака зарыта! – воскликнула бабушка-Саша. – Вот почему Миша называл себя предателем самого себя. Мерзавец, если даже к концу и полюбил меня...

- А-а, значит, - задумалась, - тогда бы мог быть со мной, хоть вначале просто проказничал, и не только со мной.

- Подонок! – теперь уже вскрикнула бабушка Саша, да так, что даже переполошила весь дом. Но как же можно было экспериментировать со своей душой и с судьбами людей?

- Ба, это ты кричала? – испуганно заглянул к ней в комнату внук.

- Да!

- Что-нибудь случилось?

- Нет!

- Может быть, ты хочешь сказать...

- Да, Андрейка, - отогнала сомнения Саша, - у меня к тебе просьба, совет, или называй, как хочешь, неважно. Ты уже не маленький, и если не полюбил еще, то полюбишь и никогда не обманывай ни себя, и не любимого твоего человека, будь искренним перед ним и действуй от чистой души и сердца. И помни, души человеческие ранимы, и тем более раненой нужно касаться легко и мягко. И никогда не испытывай любовь, а всегда старайся чувствовать и понимать ее.

- Ба, ну ладно тебе плакать! – попросил Андрей и утер бабушке прослезившиеся глаза.

Она крепко обняла внука, но в душе сотрясалась от рыданий:

« Мерзавец, подонок, теперь я понимаю, почему он ничего не сказал мне в тот раз. Ухаживал, флиртовал, экспериментировал со мной и со многими, но не любил, все вычислял частоты душевных колебаний людей при любви и тем самым только отпугивал других от меня и наработывал мне «лестную» репутацию».

- А ты его сильно любила? – спросил не по возрасту смущенный Андрей.

- Сначала нет, потом, из жалости – да, а сейчас уже опять нет! – не совсем уверенно призналась Саша.

- Он был красивее дедушки?

- Да.

- Лучше?

- Нет, но сердцу не прикажешь ведь.

- Ладно. Хватит, пойдем к папе, заждался уже наверное?

Саша все явственнее чувствовала, как чаша любви перетягивает чашу предательства и вновь пытается возвратиться на свое прежнее место. Она устремила свой взор на Небо, прося у него помощи и сил в преодолении своего душевного противоборства.

Любовь прощала. Любовь прощает всегда.

02.1991

Возмущенная

**Мухи тоже иногда
залетают в Церковь.**

Теплый осенний дождик всю ночь накапливал силы, но излить свою душу начал с раннего утра. Выходя из метро, пассажиры ненадолго задерживались в вестибюле, присматривались к поведению небесного посланца. Стояли, обдумывали, но вскоре большинство принимало решение продолжать путь под проливным дождем, прикрываясь кто чем мог, а кто и вовсе без прикрытия, до необходимого им пункта назначения.

Добежать до остановки привезенных из-за рубежа новых комфортабельных желтых автобусов «Богдан» удалось за редко короткий промежуток времени, но все же и дождевым струям удалось промочить часть верхней одежды.

Отряхиваясь от капель дождя, пришло и в автобусе.

- Фу... вот это да, вот это дождь льет не на шутку, - пожаловался водителю забежавший в автобус и усевшийся за сиденьем водителя очередной пассажир.

- Да.... – согласился водитель, улыбаясь, - воскресенье выходной день только для людей, но не для погоды и дождя!

- В случае аварии разбить стекло молотком, - заметил надпись только что вошедший пассажир, а вслед за ней и вторую, наклеенную на прозрачную пластиковую перегородку между водителем и первым за ним пассажирским сиденьем «Аптечка находится у водителя».

- А кто молотки-то снимал, начальник? – поинтересовался пассажир улыбаясь.

- А молотки я сперва припрятал, а потом и вовсе отнес домой, - улыбаясь, ответил водитель.

- А как же в случае аварии? – поинтересовался теперь уже пассажир.

- А до аварии дело не дойдет. Не знаешь, что ли, наших людей? И без аварии стекла чем хочешь расколотят, так, ради удовольствия. А тут еще исервиспредоставляй им для этого, фирменные молотки! Нет уж, не дождутся!

- Ну, хорошо, а аптечка у вас, в самом деле, в кабинете имеется, согласно этому заявлению?

- Аптечка имеется, но только осталось в ней только самое необходимое, что требуется мне.

- А что?

- Что, что? Выпивка и закуска, конечно же, в первую очередь, когда выходишь в рейс, мало ли, что может случиться, - улыбался водитель, - мало ли кто по пути может повстречаться!

- Ну, ты даешь, друг, - похвалил его пассажир, - а не боязно то, патруль может остановить, отберут документы, без работы останешься, хлопот не оберешься.

- Э-э, мой друг, слышал или нет, что с кошкой надо переспать так, чтобы она тебя не исцарапала!

- Господи, чего только не услышишь! – ошеломился пассажир. – Ну, ладно, а автобусы хоть хорошие?

- Автобусы и впрямь хороши, не зря ведь по двадцать пять тысяч евро платили за каждый.

- Да ну?! Так дорого? – изумился пассажир. – И сколько таких машин завезли?

- Штук, наверное, сто пятьдесят!

Пассажир быстро прикинул общую кругленькую сумму.

- А тех, длинненьких, тоже желтых, из Голландии, тоже столько завезли? И по той же цене?

- Нет, тех меньше. И цену за них платили меньшую, так как от наших новеньких автобусов, те амортизированные и уже отработали свое, за двадцать лет службы в Голландии. Не зря они так часто нуждаются в ремонте. Наши ребята водители замучались с ними.

- Понятно, они из «бывшего употребления», и их ловко сплывили нам. Нашли фраеров!

- А как же, все умнее нас, - объявил водитель, - но с другой стороны, как говорить, дареному коню в зубы не смотрят.

В автобус вошла, отряхнув у дверей зонтик, молодая девушка в рыжем пальто.

- Бакур, привет, - мило улыбнулась она, потянувшись к знакомому за дружеским поцелуем.

- Привет, Лиичка, - радостно поздоровался и Бакур со знакомой.
- Сколько лет, сколько зим, давненько тебя не видели, уж все в Церкви соскучились по тебе.

- Да, вот, видишь, совсем я отбилась от рук. Сам знаешь, как нас бранят невидимые враги.

- Да и видимые не меньше, - добавил Бакур.

Автобус, набрав пассажиров и захлопнув двери, медленно двинулся дальше по маршруту, добирая пассажиров по дороге.

- Да что там говорить, все мы в таком положении, а я еще в худшем.

- Да, не говори! Ходим в церковь только от случая к случаю. Какие же мы все-таки грешные. – подметила Лия.

- И бессовестные тоже, - согласился с ней Бакур, - вспоминаем, только когда нам нужно.

- Да, каждодневная суета и быт заедают и как тинной втягивают и засасывают нас в житейское болото, - призналась Лия.

- А в итоге летит время, а с ним и жизнь. Ничего толком не успеваешь, а что успеваешь – какие-то крохи, несущественные плоды наших каждодневных посильных потуг, - с сожалением покачала головой Лия.

На одной из остановок Бакур обратил внимание на рекламный щит. На нем рекламируют какую-то продукцию, большая фотография молодой женщины с маленькой дочкой за спиной.

- Какой чудный ребенок! – воскликнул, обращаясь к Лии, Бакур. – Вылитая внучка моей старшей сестры!

- Стало быть, и ты уже дедушка?! – подметила Лия.

- Да, так получается, - согласился Бакур, - молодой дедушка.

- Не огорчайся, я тоже молодая бабушка, - поддержала его Лия.

- Да ну, не может быть? – изумился Бакур.

- Да, у меня внучатые племянники, внуки моего старшего брата.

- Да, это уже сигнал нам обоим, - покачал головой Бакур. – В прошлый раз был в гостях у сестры, так эта маленькая ее шпана

внучка забросала меня вопросами: почему я до сих пор не женат, почему у меня да сих пор нет детей, с которыми она могла бы поиграть...

- Чудные они какие! – улыбнулась Лия, - мои малыши тоже атакуют меня вопросами, и к тому же получают, настаивают, чтоб я вышла замуж и нарожала кучу своих детей, чтобы им было веселее, - заразила она своим смехом Бакур.

- Да! Слышат, видимо, что говорят взрослые, – предположил Бакур.

- Да не скажи! Ушки на макушке, но и сами хороши!

- Пожалуй, ты и права, - согласился Бакур, - чего только от них не услышишь!

- Но в них дольше удерживается святой дух, чем в нас, взрослых.

- Да, так утверждают святые отцы, - подхватил Бакур.

- Вот так и помогает им святой дух постигать и излагать истину.

- Да, не зря говорил нам Спаситель, что если мы, взрослые, не будем как дети, то не сумеем войти в Царство Небесное.

- Ну, конечно!

- Я-то, понятно, кем был, тем и остался. А чего же ты, такая умная и красивая, и одна?

- Да вот дома тоже достают меня все домашние. Даже предложили принять участие в популярной теле игре « Из тысячи один шанс», в которой молодые парни и девушки выбирают себе спутников жизни.

- Ну, и чего же не попробовать?

- Ну, уж нет, такой метод знакомства и выбора далеко не для меня, - грустно произнесла Лия.

- Да, вот и вам батюшка проповедовал, что выбирать себе спутников жизни нужно не в кафе-барах, на вечеринках и вообще в мире, а в церкви.

- Ну, конечно же, - подтвердила Лия, – свои общаются со своими! Что общего может быть между верующим и неверующим, и браки между ними, как правило, не счастливые и недолгие.

Незаметно друг для друга Бакур и Лия, отводя души в откровенных признаниях, уловили не только совпадения, но и

взаимопроникновение мыслей, тяготения к беседам и оба уже не прочь были попытать счастья друг с другом.

Раздумья об этом не оставляли их и особенно обострялись во время службы, и потом, до очередного «случайного залета» в церковь.

Обоим хотелось, и было боязно сделать первый смелый, решительный шаг. И все же первым дрогнул Бакур. Сердце его истаяло в потоках любви, после одной из служб в церкви. Он приближался к ней и чувствовал на расстоянии, как она этого ждет.

Нега разливалась по их телам и душам, и вскоре они в улыбке оказались рядом и улыбались друг другу.

- Лия, знаешь, мы могли бы отметить сегодняшний праздник где-нибудь в городе, в кафе, если, конечно, на то будет твое согласие.

- Да, но как, если я тайком от начальства смоталась с работы и сейчас нужно быстро возвращаться.

- А после работы? Хотя после работы будет, наверное, поздно?

- Ну и что, вечером даже лучше, - обрадовалась Лия, - давай-ка я тебе дам мой номер телефона. Позвони мне на работу.

Она направилась в дальний угол храма, где располагались два стола, с одного из которых покупали свечи, крестики, иконки, быстро черкнула два номера телефона, один рабочий. Второй мобильный и протянула Бакуру.

- О-кей, очень хорошо, позвоню обязательно, - обрадовался Бакур, укладывая листочек в карман.

Еще некоторое время Бакур и Лия оставались в церкви, им было, что просить у творца.

Лия зашла за спину Бакура и, стоя в нескольких метрах от него, с зажженной свечей молча обращалась к лику Спасителя, на верхнем внутреннем куполе храма, над алтарем.

Она беседовала с Ним, но его не слышала. Больше того, отвлеклась, принялась детальнейшим образом рассматривать своего нового поклонника сзади. «О Боже, какая у него плоская голова сзади, - с тревогой заметила она вдруг, - и уши торчком. Начал уже лысеть с макушки, явно старше меня. А куртка какая

старомодная, а брюки, потертые, на интимном месте, кажется латка какая-то.

Он не может присмотреть за собой, а присмотрит за мной? Нет, так он, видно, душой хороший парень, добрый, откровенный, начитанный, хотя кому это сегодня нужно, - продолжала Лия свои размышления. - Боже, подскажи, что мне быть, - молилась она, - идти с ним на сближение или нет? Ты знаешь, я всю жизнь везде и во всем была отличницей, и какие у меня были поклонники. А я, дура, их отшивала и вот теперь докатилась до таких. Если бы возраст и время не поджимали?»

«Боже, помоги мне хоть на сей раз обрести свое счастье, - молился в свою очередь Бакур. – Обрати ко мне свое милосердие! Всю жизнь я прожил в каторжном труде, почти всегда и во всем был в числе первых и преуспевающих. Но внешние, объективные условия не позволяли создать семью. Ничем хуже других никогда не был, а теперь это холостяцкая жизнь опускает меня с каждым днем и топит меня все глубже и глубже, и дальше уже некуда. Помоги мне не ошибиться в своем выборе».

Вскоре Лия побежала на работу, а Бакур решил пройтись по центральному проспекту города, загодя подыскать подходящее кафе.

Прежде, чем вернуться домой, переодеться к вечеру с Лией, он успел даже постричься в парикмахерской.

В шесть часов, с трудом преодолев волнение сердца, собравшись с силами, набрал номер мобильного Лии.

- Да, я слушаю! – раздался тревожный голос Лии, видимо, догадавшейся, кто ей звонит.

- Лиичка, это Бакур. Ну, где же мы встретимся?

- Бакур, ты знаешь, сегодня никак не удастся, - тяжело, с перепадами задышала она в трубку.

- Ну, а завтра или послезавтра?

- Нет, на этой неделе никак не могу.

- Ну, ладно, очень жаль, конечно... Всего доброго тебе...

- Ага, тебе тоже!

«Ломается, как и многие женщины в первый раз, цену себе набивает, - подумал Бакур, - ох, как я от них устал в жизни.

Какие они все же , эти незамужние колеблющиеся девушки. Ну, ладно, ничего тут не поделаешь, придется набраться терпения и ждать как решил однажды гражданин Саахов из известного кинофильма «Кавказская пленница».

- До наступления нового года Бакур и Лия еще один раз встретились, в церкви, на службе, мило поздоровались и даже перецеловались по-христиански.

- Лиичка, ты на меня случайно не обижена? – поинтересовался Бакур, долго не звонивший ей после первого звонка, когда она отказала ему во встрече.

- Да нет, что ты, за что? – удивленно ответила лия.

Перебросились еще несколькими словами, и Лия отошла к своим подружкам.

Свой второй, очередной звонок, скорее из вежливости, Бакур, раздосадованный первым отказом, сделал ей по мобильнику уже после Нового года, сердечно поздравил ее, пожелал ей счастья, успехов, всех благ и всего наилучшего, и не забыл прибавить, что был бы рад поздравить ее в этом году со счастливым замужеством.

Лия мило поблагодарила за звонок, и Бакур, наученный горьким опытом прошлых неудач, решил не форсировать событий, а, наоборот, изводить избранницу некоторым ожиданием, и к тому же намекнул ей о своем желании пару раз, при очередных встречах после долгих пауз:

- Отвергаешь меня, так сиди одна, - вполголоса шептал ей на ухо, целуя в щечку.

- А-а-а, - протянула Лия, весело смеясь, отвечая ему аналогичным поцелуем.

Паузу до очередного звонка Бакур явно затягивал, и в церкви они тоже давно не встречались, не совпадая в довольно редких приходах.

Близился праздник Восьмого марта. Он выпадал на середину недели, и Бакур решил-таки преподнести Лие давно задуманный небольшой подарочек к этому дню, тщательно подобранный на ярмарке.

После завершения очередной службы, в ближайшее к восьмому марта воскресенье, Бакур застал Лию в храме и передал ей сверток.

Лия с легкостью отозвалась на предложение Бакура отойти с ним на минуточку, в дальний задний угол храма, возле столов – прилавков, но потом вдруг насторожилась:

- Нет не надо, прошу тебя, Бакур, - попросила, скорее из вежливости, как посчитал Бакур.

После недолгого противоборства, Бакур наконец преодолел ее сопротивление.

- Неудобно. На нас же смотрят. Я это купил для тебя и прошу принять, - настоял на своем Бакур.

- Ну, хорошо, хорошо, - согласилась Лия и взяла подарок убедившись в том, что сопротивление ее никакого смысла в данном случае не имеет.

- Ну, вот, так-то оно и лучше, - быстрым движением руки поправил ей челку Бакур, и взял ее руку и прижал к груди. Их взгляды встретились и пронзили друг друга, нежностью и смущением.

- Я люблю тебя, Лия, - бросил ей Бакур и повернулся к выходу из церкви. - Может увидимся на праздник?

- Нет, никак не могу, восьмого марта меня не будет в городе...

В день праздника Бакур не посмел позвонить ей, решив отложить выслушивания приговора своей участи на ближайшие субботу-воскресенье.

Но Лия ни в субботу, ни в воскресенье в церкви не появилась. Бакур же в субботу, после заутрени, остался помолиться перед причастием. Молился долго, было о чем молить Господа, и не заметил, как к нему сзади подошел один из священников и обратился со странным сообщением:

- Бакур, Лия сказала мне, что ты преподнес ей подарок, - начал издали батюшка. – Она отказывалась его принять, но ты всунул его насильно. Потом ты взял у нее телефон и теперь не даешь покоя, звонишь все время. Встречал в церкви, не даешь проходу, уговариваешь пройтись по городу, посидеть в кафе и поговорить. Девочка запаниковала, терроризирована и напугана до того, что

боится приходить в церковь. Такое поведение в церкви абсолютно не приемлемо!

- Простите, батюшка, но все это неправда, - вспыхнул Бакур и от обиды и удивления буквально потерял дар речи.

- Прошу тебя, не приставай к ней. У нее своя жизнь. Если бы она хотела выйти замуж, уже бы вышла.

- Да, но ведь... - чуть слышно лепетал Бакур, сраженный услышанным, и вновь потерял дар речи.

- Я прошу тебя, - повторил свою просьбу батюшка.

- Простите меня, ради Бога, - выдавил из себя Бакур вслед священнику.

- Бог простит, - вежливо отозвался тот.

Всю ночь Бакур не находил покоя, озадаченный и сраженный наповал услышанным, пал духом и с ужасом осознал, что силы покидают его, а сердце разрывается от боли.

Облегчение принесло принятие таинства евхаристии, после чего Бакур ощутил значительный прилив жизненной энергии.

Он долго колебался: подойти к священнику объясниться, рассказать, как все обстояло на самом деле, или не стоит, оправдываться? С одной стороны да, но с другой...

Все же он решился, подошел:

- Простите меня, батюшка, - начал вежливо, - что беспокою вас, утомленного после целого дня служб и служения, но у меня вопрос жизни и смерти. Если вы меня не выслушаете я могу умереть от разрыва сердца, и не думаю, чтобы это вас обрадовало бы.

- Говори, Бакур!

- Батюшка, я хорошо помню слова спасителя: тот, кто будет препятствовать приходу ко мне человека, тому лучше повесить себе на грудь камень и броситься в море. И очень боюсь этого обвинения, и это побуждает меня объясниться с вами. Прошу принять мои слова как исповедь. То, что произошло между мной и Лией, дело не одного и не двух дней. У нас большая взаимная симпатия и, теплые чувства друг к другу уже несколько лет.

- Так между православными и должно быть. Лия и мне говорила, что относится к тебе хорошо, но сейчас возмущена твоим

поведением. Не думала и не ожидала, что ты так воспримешь ее хорошее отношение к тебе.

- Да, но, батюшка, поверьте мне, пожалуйста, что и с моей стороны никакой напористости, настойчивости не было, просто мои чувства к ней постепенно росли и вылились, как мне, казалось, в любовь, хоть я и не смог ей толком даже признаться...

- Но если девушка против, нельзя настаивать на встречах с ней. Женщины равны в своих правах с мужчинами, - мягко поучал священник.

- Да, батюшка, я знаю об этом равноправии, но ведь и я имел право попытать свое счастье!

- Один, ну, два раза... вежливо и осторожно. Но не настаивать на этом все время, если девушка против.

- Я не настаивал, поверьте мне.

- Как? Разве ты не звонил ей постоянно, не уговаривал ее, мол хочешь или не хочешь - выходи, пройдемся в город и посидим где-нибудь? Сколько раз вы встречались?

- Ни разу! - взвился Бакур, - но все остальное клевета с ее стороны Батюшка.

- Вот видишь. И давай больше не будем, Бакур. Мы все приходим сюда с одной целью единения с нашим Творцом, чтобы молиться, получать благодать, прощать другим и самим просить прощения.

- Да, но все-таки, простите меня, батюшка, но разрешите мне передать вам этот листочек с написанными ее собственной красивой рукой номерами ее телефонов. Она дала мне их сама, и не думаю, чтобы они еще мне понадобились.

- Ты бы, прежде чем пытаться свое счастье с ней, посоветовался бы со мной. Я бы тебе помог.

- Батюшка, я все же очень хочу, чтобы вы дослушали меня до конца.

- Я многое знаю о ней, знаю о трагедии, связанной с кончиной ее отца. Здоровье только недавно поправилось. Вот такая у нее своя жизнь, Бакур.

Батюшка поднялся с места и направился в глубь храма.

- Нам нужно молиться друг за друга, а ты приходишь и принимаешься за разборки...

- Простите, батюшка, - воскликнул вслед ему Бакур.

- Да простит нас всех Господь Бог, - теперь отозвался батюшка, удаляясь от Бакура все дальше и дальше.

С удивлением успел поймать взглядом как две мухи случайно залетели в церковь.

- Надо же в такое время, откуда они взялись? Мы с Лией тоже, так же случайно, лишь от случая, к случаю ходили в церковь и не разузнав еще толком друг друга решились и отважились на более близкие отношения, тогда когда наверное оба к тому же и побаивались этого, наряду с нашими желаниями боязнь очевидного взяла верх над желанием, а потом ведь говорит Спаситель о том, что мы без него ничего не можем и во истину это так! Что подтвердилось лишний раз этим случаем.

Бакур вышел из церкви в унынии и раздумьях. Своего исповедника не застал, его увезли на машине освящать могилу. Застал, к счастью, у трапезной прихожанина, с которым дружил. Вместе они прошли до центра города, и Бакур поделился с ним своей грустью и переживаниями.

- Ладно тебе, Бакур! Если некоторых отцов женщины ложно обвиняли и в гораздо, больших грехах, то считай, что по сравнению с ними тебе круто повезло!

- Да уж, куда мне до них, - признался Бакур.

- Но ты все же не отчаивайся, - подбодрил друг Бакура, - сказано ведь: нет такой тайны, которая бы не стала явью, и к тому же, помнишь ведь, у лжи короткие ноги, иди себе с миром и молись и за себя, и за нее.

Бакур шел по центральной улице города, пытался развеяться, отвлечься от навязчивых мыслей и душевной боли.

На длинном плакате над проезжей частью проспекта было выведено крупными буквами: « Гендерное равноправие»

- Гендерное, понятно, что за слово, - вспомнил Бакур, - но почему равноправие, что оно означает? И почему, если гендерное, то не эквивалентность, а равноправие.

Если писать на иностранном, то уж до конца, а не на половину. Да и где были иностранцы, когда наши великий Шота Руставели писал о равноправии мужчин и женщин. Хотя порой, к чему это равноправие приводит, известно всем. Ни волнения, ни боль в душе не проходили, и в мысленных поисках выхода из создавшегося положения Бакур прошел весь проспект до конца.

У первой гимназии и дома правительства окинул взором противоположную сторону проспекта три раза перекрестился крестным знаменем на Кашветскую церковь.

- Помоги, Господи, - взмолился он из самой глубины души и услышал в ответ: « Придите ко мне, страждущие духом, и я успокою вас». Бакур шел, все убыстряя шаги и его душу наполняло все больше сознание того, что нельзя изменять своему зову сердца и призванию свыше, в любом деле, если даже в каком-либо месте придется остаться недослушанным и недопонятым до конца!

Когда тебе плохо, собери свои душевные силы и постарайся понять смысл боли, через которую Бог открывает тебе Небо, вспомнитись ему вдруг почему-то, слова святителя Ефрема Филофейского.

После недолгих раздумий и прилива очередной волны внутренних переживаний он немного погодя, устремил свои взоры к небесам и почувствовал вдруг прилив некой, небесной энергии и полное освобождение от своей душевной боли, и радостно воскликнул в душе:

- Что смысл боли, перед открытым небом, - поменялось у него настроение с точностью до наоборот. Пусть говорят кому-то заблагорассудится, воистинну главное быть правдивым перед Ним. Да будут радостны, правдивые перед Ним!

14/15.03.2006

Ветер перемен

Слабый, теплый, южный ветер, гнал легкую череду сероватых мелких туч над городом.

По улицам летали брошенные одноразовые разноцветные целлофановые кульки.

Уже больше суток погода капризничала, начинал, но вскоре переставал накрапывать дождик.

Погода, казалось, давно и тщетно пыталась полностью выплакаться, но некие тайные силы природы словно мешали ей в этом.

Редкие стрижи отваживались взлететь в волнуемое ветром небо, но носились с визгом на привычной бешеной скорости. Как разведчики небесного пространства, они словно прогнозировали погоду и на своем языке передавали метеосводку на землю.

« Как не много в общем-то надо, чтоб так стремительно носиться по небу, - всмотрелся в стрижа - смельчака вышедший из наземной станции недавний пассажир метро, - всего лишь избавиться от лишнего веса... Сколько успели понастроить! Толком и не разберешься, в какую сторону идти», - растерялся он, переведя взгляд с неба на землю.

Прибывших на метро встречала уйма ларьков, киосков, навесов, ряды продавцов с рук, предлагающих разнообразные товары и как бы говорящих: купите хоть что-нибудь, если хотите пройти сквозь наш кордон.

Если усилием воли и удалось удержаться от соблазна купить что-либо, шалуны-глаза все равно разбегались и притягивали то к одному, то к другому ларьку или киоску. И так или иначе, взор окидывал почти весь спектр предлагаемого и продаваемого.

- Сандро, привет, - послышался в движущейся толпе веселый, радостный женский голос.

- О, Нино, привет, - с не меньшей радостью отозвался Сандро,
- что ты тут делаешь?

- Тоже, что и ты, любопытствую, рассматриваю.

- Ай, ай, ай, какой это грех! - подметил Сандро поучительным тоном.

- Ты это о себе? - смеясь, отпарировала Нино.

- Отчасти, - согласился Сандро.

« И Александр, увидев столь большие завоевания и наплыв всевозможных товаров, заплакал, ибо больше нечего было выставлять на продажу продавцам» - перефразировал он известные слова деятеля исторического прошлого.

- Ну, раз так, то пошли отсюда, - предложила Нино, сохраняя веселость и посмеиваясь.

- А тебе в какую сторону? - осведомился Сандро. - Здесь, у выхода из наземной станции, перед бетонными ступенями вверх, чувствуешь себя, как Илья Муромец на распутье.

- Налево пойдешь, коня потеряешь, - подхватила Нино, - прямо пойдешь - одежду и деньги, а направо - голову и жизнь! Так что выбирать тебе, - предложила она.

- А тебе куда? - повторил свой вопрос Александр.

- Мне направо, - указала Нино в свою сторону.

- И мне туда, какое совпадение, - обрадовался Сандро.

- Не боишься потерять голову?

- С тобой рядом - нет, - с уверенностью произнес Александр.

- Ну, тогда пошли, - повлекла она его за собой.

- И куда же ты и к кому собрался, если ни секрет? - полюбопытствовала Нино.

- Для тебя не секрет, к своей возлюбленной, - не растерялся Сандро.

- Ой, как хорошо! В таком случае знай, что у меня счастливая нога.

- Посмотрим, - бросил он на ходу, едва поспевая за ней.

- Не отставай, не то потеряешь меня, - предостерегла его Нино, заметив в нем некоторую растерянность и озадаченность.

- Что с тобой? Ты, кажется, хочешь увидеть или встретить здесь еще кого-то?

- Нет, - объяснил Сандро, - просто я подумал: нехорошо, наверное, идти к ней с пустыми руками. Как ты думаешь?

- Ну, да, конечно же, - словно опомнилась Нино, замедлив шаг, - и что же ты думаешь ей преподнести?

- То, что обычно преподносят девушке на день рождения.

- Так у нее день рождения?

- Да, то есть нет, то есть и да, и нет, - помялся Сандро.

- А она очень избирательна, капризна?

- Пожалуй, - почесал затылок Сандро. - Понятно, в таком случае в подарок нужно попасть, не разочаровать ее!

- А ты бы, например, что с удовольствием приняла в подарок от своего возлюбленного? - поинтересовался Сандро.

- Я? Ну, не знаю, право, - смутилась Нино, - я не капризная и обрадовалась бы любой вещичке. Главное для меня не столько подарок, сколько то, кто мне его дарит.

- Вот молодец, понимаю! - похвалил Сандро.

- Она отвечает тебе взаимностью или ломается? - уточнила Нино.

- Ломается, кривляется, отнекивается, - состроил гримасу Сандро.

- Тогда понятно, - решила Нино, - цветы конечно же, цветы! Дюжина роз, каждый вечер, в течение нескольких лет способна растопить сердце любой девушки.

- Ты думаешь?

- Уверена!

- Если бы так! Хотя на столько времени я все равно экономически не потяну, - с грустью заметил Сандро.

- А ты начни, там видно будет, - предложила Нино.

Вскоре Нино выбрала у цветочника розы для возлюбленной своего друга.

- Выбирай, как для себя! - попросил ее Сандро.

Вскоре Нино выбрала букет шикарных темно-красных, переходящих в черный цвет роз, с длинными толстыми стеблями.

- Ого, какая прелесть, - любовалась она дарами природы, наслаждаясь их ароматом и грациозностью, - за такой букет я бы сама вышла за любого, кто бы мне преподнес его, - произнесла она с уверенностью, вливая такую же уверенность в идущего рядом друга, - так что будь сам уверен, Сандро, в том, что она перед такой прелестью не устоит и согласится стать твоей.

- Обещаешь?

- Обещаю! Вот увидишь.

- Дай Бог, - пожелал ей Сандро.

- Если хочешь, я пойду к ней с тобой, ненадолго, и немножко порекламирую тебя, расскажу, какой ты хороший парень, и даже скажу, что за такого я и сама бы пошла, не раздумывая, с закрытыми глазами.

- Ты это серьезно? - приостановился Сандро.

- Ну, конечно, - подтвердила Нино, тоже остановившись и аргументируя и развивая свою позицию, - где сейчас девушка найдет такого парня, как ты. Будто мы совсем уж не знаем, какие нынче пошли парни, не разберешь, что и кто за ним кроется, и кто чем занимается. Как подумаешь, так страшно становится даже знакомиться.

- Да уж и в самом деле, сложно очень не согласиться с Бернардом Шоу, утверждавшим о том, что мир настолько сгнил, что даже влюбиться в кого-то это самый большой риск, который мы можем себе позволить, - припомнил Сандро.

- А ведь когда это было еще сказано, а в наше время - то и тем паче, - согласилась с ним Нино.

- Ты знаешь, твоя поддержка и участие в этом деле, мне вот как позарез нужны, - провел Сандро рукой по горлу.

- Считаю, что они у тебя уже есть! - решительно подтвердила свое согласие Нино.

- Точно?

- Точно!

- Поклянись...

- Клянусь! - воздела вертикально ладонь Нино, весело вдруг рассмеялась, - вспомнила, как Штирлиц каялся в баре математичке, что он выйдет к ней после того, как она выведет несколько формул в его машине.

- Чтоб я сдох! - подхватил с радостью Сандро.

- Да, - рассмеялась Нино.

- Ну, вот, незаметно мы и подошли к моему дому, - объявила Нино, у одного из подъездов, протяженного в плане, современного блочного жилого здания.

- Как? Так быстро? - изумился Сандро.

- Да, представь себе, мне сюда, на девятый этаж, а тебе?

- Мне? - помялся Сандро, вопросительно озираясь по сторонам.

- А мне вон туда, - указал он взглядом на дом рядом.

- Ну, так, как решил, мне пойти с тобой или не надо?

- Нет, не стоит, не буду тебя беспокоить, - заплелся у Сандро язык.

- Как знаешь! Тогда на вот, бери свой букет, - протянула она его Сандро, - иди ее завоевывать, и не пуха тебе ни пера.

- К черту! - чуть слышно пробубнил Сандро, неохотно протянул руку за букетом.

- Что случилось? - поинтересовалась Нино, заметив в нем некое замешательство.

- Нет, прости меня, Нино, мне, право, так неловко, но, - Сандро указал на часы, - дело в том, что я к ней попадаю

рановато, она наверняка еще не вернулась домой с работы, а проводить это время с ее родителями, как-то неохота.

- О-а, понятно, конечно, - помялась теперь уже Нино и ненадолго задумалась, - нет проблем, - решила под конец, - мы можем подняться ко мне, я приглашаю тебя к себе на чашку кофе. Отсидишь у меня, сколько надо, а потом можешь идти к своей радости.

- Ты серьезно?

- Ну, да, конечно, нет проблем, - повертела Нино головой по сторонам, - пошли!

- Спасибо тебе, - обрадовался Сандро, - только, может быть, я чего-нибудь еще прихватю с собой, из магазина?..

- Пошли, пошли, ничего не надо, у меня все есть, - увлекла Нино за собой, смутившегося Александра.

- Сандро, можно тебе задать один нескромный вопрос? - поинтересовалась Нино за небольшим сладким столиком у себя в лоджии.

- Пожалуйста, - с готовностью отозвался Сандро.

- Зачем тебе столько изобретений? Ведь ты их поднабрал у нас, в нашем ведомстве, чуть ли не три десятка за последние несколько лет.

- О-о, - удивился Сандро, - признаюсь, удивлен этим твоим вопросом. Словно ты и не рада этому, хотя должно быть на самом деле по-иному, ведь ваше ведомство и вы зарабатываете на нас, изобретателях! Именно от тебя не ожидал, поверь...

- Вопрос не иждивенческий, с профессиональной стороны, а чисто и сугубо человеческий, - призналась Нино.

- А-а, - протянул Сандро, - ну, если чисто человеческий, тогда понятно. А вы, патентоведы, что не человеки? Изверги?

- В некотором роде да, наверное!? - рассмеялась Нино. - Если судить о нас, по тайным помыслам изобретателей.

- Вы проникаете не только в суть изобретений, но и в глубинные тайны душ, и мысли ваших изобретателей?

- Нет, гораздо проще, - утешила Нино, впадающего в уныние Сандро, - просто иногда к нам доходят слухи о мнении и суждениях, о нас отдельных изобретателей.

- От кого же?

- От самих же изобретателей!

- Они, что же, исповедуются перед вами?

- Нет, одни говорят о других, другие о третьих, и так далее, все как обычно бывает в мире, нераздельной частью которого являемся и мы.

- И все же, некорректно как-то с нашей стороны, - признался Сандро, - я - то думал, что мы, изобретатели, должны поддерживать с вами сугубо прагматические отношения.

- Ну, почему же, мы ведь тоже люди, - запальчиво возразила Нино. - По той же причине, по какой вы сегодня у меня гость?

- Нет, пожалуй, - признался Сандро, - причина этому абсолютная случайность.

- Ты веришь в случайности?

- Ну... да, в некотором роде, - протянул Александр, - которыми мы, люди, по желанию, имеем возможностью или воспользоваться ими или нет.

- И ты воспользовался!?

- Твоей любопытностью и гостеприимством, - подтвердил Сандро.

- Не думаю, чтобы это слово подходило к нашей сегодняшней встрече и беседе, - призналась Нино.

- Нет, конечно же, - согласился с ней Александр.

- Или ты таким путем думаешь вытащить у меня свои зарезанные мной изобретения, о которых я сразу после предварительной экспертизы высказалась отрицательно? - полюбопытствовала Нино.

- Нет, конечно же, - возразил ей Александр, - у меня и без них набирается добрых три десятка, как ты уже успела подметить,

хотя, признаться, некоторых отвергнутых мне кажется, не совсем справедливо, моих заявок на изобретения тоже жаль.

- Надеюсь, мы не будем их обсуждать сегодня и здесь?

- Нет, конечно! Для этого существует ваше учреждение и ваша работа.

- Спасибо, - искренне поблагодарила Нино.

- Вина моя вся в том, что я с самого начала уклонился от твоего вопроса, - признался Сандро. - Изобретения я считаю по сути своими детищами, которых я сотворил, а для человека, не имеющего семьи, сама понимаешь, это очень актуально.

- Понятно. По-твоему, лучше делать изобретения, чем детей? - надкусила Нино пирожного.

- О, это неплохая мысль, - ухватился за ее слова Сандро, отпивая из чашки, ароматный цейлонский чай, - не лишенная пользы. Дети неизвестно, если даже все-таки пригодятся, когда их вырастишь, ну, а изобретения, если даже и не пригодятся, то во всяком случае, и не подведут, не испортят жизнь.

- Аналогичная позиция в прошлом сделала меня главным патентоведом отдела, - рассмеялась Нино. - Уж не метишь ли и ты к нам на работу?

- К вам? О, нет, Боже упаси, только не это, - признался Сандро, - когда я вижу и вспоминаю, со сколькими и какими разными людьми вам, в отделе, приходится иметь дело, мне аж дурно становится.

- Ну, это не так опасно! Смотря как к этому относиться. На все вещи и явления можно смотреть по-разному, - напомнила Нино.

- Здесь как и с какой стороны и смотри, для меня одно и тоже.

- Одно только то, чего стоит, что всем вам, в отделе, приходится спорить с изобретателями даже из-за одного, порой пустякового слова, - вспомнил Сандро.

- А какой ответ нам надлежит держать за каждое неверное, лишнее слово в свой самый страшный, свой судный день, перед Творцом! Представляешь, если мы патентоведа, да и не только

мы, а люди вообще так придираются друг к другу? - задумалась Нино.

- Ну, а я о чем? - поддержал ее Сандро. - У вас это происходит еще более или менее культурно, а в других местах, а на улице? Порой ведь пререкания доходят и до летальных исходов.

- Да и мы порой, совместно с изобретателями, доводим друг друга до такого состояния, что можем нарваться на нервные и психические расстройства, со всеми вытекающими из них последствиями, - призналась Нино.

- А вам случайно на работе молоко не выдают, за вредность? - пошутил Сандро.

- Нет пока, - усмехнулась Нино. - Зарплата слишком средняя для этого, на фоне сегодняшней тотальной безработицы и безденежья.

- И все же я не думаю, что именно это толкнуло тебя на твою работу?

- Нет, конечно же! - отозвалась Нино, угадавшая по глазам Александра его следующий вопрос. - Тяга к художественной литературе, - указала она взглядом на выстроенные стопки томов, аккуратно уложенных на длинных и широких полках вдоль всей стены.

- Разрешить? - попросил Александр, и не дожидаясь согласия Нино, получив его уже на ходу, привстал с места и направился к книгам, вычитывая на их ребрах названия книг и их авторов.

- Здесь столько чего, - подтвердил он увиденное, медленно продвигаясь вдоль книжных полок.

- Все, что удалось накопить за всю жизнь!

- Когда же ты их намереваешься прочесть? - удивился Сандро.
- Многие уже прочитаны, а остальные за всю оставшуюся жизнь, - сообщила она, тоже приподнимаясь и направляясь в его сторону.

- Зачем тебе столько, ведь существуют библиотеки? - изумился Сандро. - Для однокомнатной квартиры не многовато ли? Обычно стараются роскошно украсить серванты. А ты?

- Они мне такие же дети, как тебе твои изобретения, - пояснила Нино, - для незамужней женщины книги одно из немногих утешений, поверь мне. Их авторы и герои подсказывают, поучают, поддерживают в самых критических ситуациях. В нужное время из нужной книги ко мне выходят нужные мне герои, и общаются со мной, доставляя мне большую радость, поддержку и утешение.

- Извини, Нин, но почему ты не выходишь замуж? - смущаясь, спросил Сандро. - У такой девушки, как ты, проблем с этим быть не должно...

- Ну, наверное, по той же причине, по которой не женишься ты, - полусмешливо, но и с пробившимся оттенком серьезности ответила ему Нино.

- Как все в жизни сложно, тривиально и даже банально, порой одновременно не правда? - ласково коснулся Сандро руки Нино.

- Если бы все зависело от нас... - задумчиво проронила Нино, не отстраняясь.

- В чьих же руках счастье человека?

- Во всяком случае, не в воле случая, - все же отпрянула и отвернулась, пряча взгляд.

- А в чьих же? - осторожно обнял ее за плечо Сандро.

- Не надо, - вежливо уклонилась она, - это все равно не поможет твоим отклоненным изобретениям.

- Если их судьбу решаем мы, то кто же решает судьбу нашу? - настаивал на ответе Сандро.

- От того, кто и как отвечает на этот вопрос, зависит и его последующая судьба, и жизнь вообще, - не вполне конкретно высказалась Нино.

- Я хотел бы услышать ответ на этот вопрос от тебя, - стоял на своем Сандро.

- Чтобы сопоставить его со своим? - выдержала Нино паузу. Она неторопливо перебирала книги на полках и, найдя нужную, достала и протянула ее Сандро.

- Что это? - воскликнул Сандро, прежде, чем прочел название. - А-а... «Как добиться успеха»? Да, но в чем? - запнулся он, не найдя в названии опорной идеи.

- Во всем! Там ответы на все жизненно важные вопросы... тем кто хочет добиться чего-то, в какой бы то ни было области жизни человека.

- И ты в это веришь?

- Если хочешь успеха, нужно верить! Успех в жизни - большой поезд, состав, ведомый локомотивом.

В нем последовательно сцеплен ряд вагонов, и из каждого можно перейти в следующий и дойти до самого локомотива. Так и в жизни человека. Один небольшой успех ведет к другому, и так далее. Вопрос лишь в том, что мы называем успехом и куда и к чему он нас ведет, так как то, что для одного человека успех, для другого поражение, и наоборот.

- Понятно, теория относительности и квантовой механики. То, чего не успел соединить в единую теорию покойный Эйнштейн, - предположил Александр.

- На все в жизни можно найти свое объяснение, при условии загадочности поясняемого нами необъяснимого.

- О, нет, лучше, пожалуй, смотреть телевизор, чем читать столько мудреных книг. Там, по крайней мере, все так просто и ясно! Даже в фильмах и ток-передачах, - признался Сандро.

- Ты не замечал за собой, что от телевизора душа опускается, а от книг наоборот - обогащается, - вернулась Нино на свое прежнее место, удобно усаживаясь в кресло. - Правда, все зависит от того, какая книга и какая передача. Вот, пожалуйста, могу продемонстрировать! - зашелестела она телепрограммами перед опустившимся в кресло рядом с ней Александром и потянулась к пульту дистанционного управления.

- О, нет, - взмолился Александр, - прошу тебя, избавь меня от этого, не нужно мне сейчас ни телевизора, ни книг...

- Ты все еще надеешься выудить у меня план поведения со своей возлюбленной, которая ожидает тебя в доме напротив?

- Да нет, - растерялся вдруг Сандро, - просто я, наверное, пытаюсь продлить время пребывания в твоём обществе, вот и все. Мне интересно знать, чем ты живешь вне работы?

- О-о, не многовато ли? Это так легко и безопасно, как ты думаешь? Вон, погляди на бегущую строку, - указала Нино взглядом на экран телевизора, выхватив и прочитав вслух одну из них « Двое голубых это уже сила, да здравствуют голубые!»

- Какой ужас!? - возмутился Сандро. - И к тому же это пишет твоя тетка Нино.

- Ну, почему же? Это наше сегодня, наша современность, в которую мы все понемногу и незаметно погружаемся и втягиваемся, - поспешила отключить телевизор Нино, прерывая на другом канале песню Ирины Аллегровой со словами: « Лучше расскажи, как ты будешь жить?» - А розы и вправду очень красивые, - переключила она внимание чудное творение природы.

Темные розы, сколько в них нежности, грации, аромата, энергии, таинственности...

Научиться бы у них и нам, людям, извлекать из своей жизненной среды, недр земли, все необходимое и нужное, чтобы хоть один раз в жизни, распусться во всей красе, и мощи, пусть даже перед смертью, чтобы было, чем оправдать свое пришествие в этот мир, и свое предназначение.

- «На том свете меня спросят: что ты сделал со своими дарованиями и что ты дал людям?» - писал в свое время Экзюпери, - вспомнил Александр.

- Да, - усмехнулась Нино, - как много с тех пор изменилось. Сегодня люди задаются вопросами типа: Что я успел урвать из этой короткой жизни и чем прославился?»

- Связь времени прерывается в истории человечества настолько часто и на столь небольшой временной дистанции, что, пожалуй, ни одному из поколений людей не удастся избежать ее разъятия, которое многим приносит такие потрясения, к которым они часто оказываются не готовы. Разрыв, бифуркация времени вызывает в нас и биопсихосоциальные разрывы, со всеми тяжелейшими их последствиями.

- Всею вина наше пристрастие и тяга к консервативности, к привычному и установившемуся мировосприятию и мироощущению, - выдвинула свою концепцию Нино.

- Историческое развитие человечества, оказывается, куда более гибкий процесс, чем мышление и адекватное восприятие происходящего вокруг, - с горечью покачал головой Александр.

- Может быть причина в том, что мы по уши влезает в окружающий мир, мир, в котором живем и как бы прилепляемся, при том, что, наверное в жизни нужно быть скорее статистом, как бы извне наблюдающим за жизнью, чем деятелем, варящимся в этом котле.

- Как могут нас не задевать и не касаться жизненные вопросы, раз уж мы живем? - поинтересовался Сандро.

- Просто нужно, видимо, быть философом, - посоветовала Нино, - на подобии той спокойно спящей в клетке свиньи, на палубе терпящего бедствие корабля.

- Говорят, на этот счет имеется множество поучений в творениях мудрецов, но что же делать нам, простым смертным?

- Да, некоторые из них имеются и у меня, вон в той части полки, - указала взглядом Нино, - но все-таки я думаю, что каждый человек должен нести свою ношу, свой крест, насколько он способен его осилить, и не посягать на непосильную ему ношу... но свою нести с честно.

- Неси свой крест и веруй, - вздохнул Сандро.

- На этот счет рассказывают очень интересную историю о двух человеках, несущих свои большие кресты, один из которых

постоянно просит Творца об уменьшении своего креста, который и исполнил его просьбу. В конце же пути в лучший мир они набрали на глубокую пропасть, которую сумел перейти только тот, кто донес до нее свой крест, большим и тот помог ему, а малый крест перебросить не удалось, и он свалился на дно.

- Эх, - вздохнул Сандро, - и все-таки, многие детеумные люди предпочитают жить в этом мире сегодня, а не в ином, но в будущем. Но мудрые отказываются от здешней, мирской жизни - чтобы жить в будущей вечной. Что же делать нам, смертным и грешным, увы, не умным и не мудрым, которые разом и отказываются от земной жизни ради небесной, и опасаются, что не удостоятся небесной, так как жили на земле. Получается, мы ни того, ни другого не получим!

- В любом случае все-таки нужно стараться!

- А там как получится?

- А там как получится! Обязательно получится!

Город понемногу погружался в сумерки, в небе вспыхивали звезды, в окнах домов, усеявших, как грибы после дождя широкое поле, электролампочки.

Сандро и Нино с балкона последнего, девятого этажа вглядывались в снующих внизу, по земле, людей и машины, откуда интересно было наблюдать и за тем, что происходит на небе. На одном краю его завис полумесяц, а на другом плавно и медленно закатывалось солнце.

- Такое сочетание двух громадных светил увидишь не всегда, - восхитился Сандро.

По небесному куполу неуклюже пробегали гроздь облаков разной формы, словно побуждающих сравнивать себя с разными предметами и обитателями земли.

- Что-то прохладно стало, - пожаловалась Нино, предложив гостю вернуться в комнату, где она поспешила накинуть тонкую кофточку.

- Нино, знаешь... - подошел к ней Сандро, пригладил воротник кофточки...

- Я думаю, тебе пора, Сандро, - не дала она ему договорить, - твоя девушка уже, наверное, давно вернулась домой и ждет не дождется тебя. Не заставляй ее волноваться.

- Да... конечно, - согласился Сандро, опуская руку, - ты права. Пожалуй, я пойду, - неторопливо направился он к выходу.

- погоди, куда же ты, а цветы, бонбоньерка? - спохватилась и бросилась ему вслед Нино.

Сандро уже у открытых дверей обернулся, долго молча и пристально, смотрел на Нино.

«Все это было для тебя», - прочла она в его глазах.

- Что ж, - просто без отнекиваний и жеманства ответила она на взгляд, как на слова, - я об этом догадалась сразу, - мысленно благодарила она гостя. - Но возьми хоть это, - сбегала и принесла книгу «Как добиться успеха».

- Она мне больше не понадобится, - чуть слышно пролепетал Александр. - Всего доброго и спасибо за чудный вечер!

- Это тебе спасибо! - восклицала Нино вслед спускающемуся неторопливыми шагами к лифту Александру. Но тот не воспользовался услугами лифта, а спускался пешком, и только внизу, у самого выхода на улицу услышал, как захлопнулась дверь Нино.

Нино между тем выбежала на балкон и проследила за продвижением своего недавнего приятного ей гостя, который направился отнюдь не к многоэтажному дому напротив, а в противоположную сторону, к станции метрополитена.

В тот вечер она не ужинала, не смотрела ничего по телевизору, не прочла ни страницы, а свернувшись калачиком на постели, погрузилась в глубокие раздумья.

«Какие все-таки глупые эти мужчины, - поражалась про себя, - и как порой их чувства, вытесняют у них ум».

- Бессовестная, как тебе не стыдно, - раздались вдруг в ее адрес брань и ругань, по мобильнику, - он ведь так ждал и надеялся еще раз увидеть тебя перед отъездом, а ты...хоть бы позвонила по телефону...

- Прости, сестричка, не смогла, - извинилась Нино.

- Извиняйся перед ним, перед отцом, когда еще увидишь его? Будто бы не знаешь, какая проблема сейчас с визами, приездами и отъездами в Россию. Он там на нас пашет, а мы даже проводить его толком не можем и не желаем, - разволновалась в трубку сестра Нино.

- Ну, почему же? Были же вы там, с мамой, - возразила Нино.

- С мамой! Видела бы ты, какую она ему истерику закатила, буквально на ходу обвинила в том, что он будто бы завел там себе кого-то и потому и не думает возвращаться, - пуще разнервничался голос по телефону.

- О Боже, - воскликнула вполголоса Нино, - как она сейчас?

- Кто?

- Мама!

- Спит!

- Ну, ладно, завтра я зайду к вам, - пообещала Нино, отключая мобильник.

- Сандро, ты что, белены объелся? Забыл, где должен был быть сегодня, кретин? - обрушились вдруг на него из мобильного суровая мужская брань и ругань:- Придурок, ты ведь все завалил, не понимаешь, что ли? Они нас из дела выкинули из-за того, что ты не пришел на встречу.

- Но вы же там были? - попробовал оправдаться Сандро.

- Козел, да они без тебя с нами и разговаривать не стали, ты ведь обещал прийти, - недоумевал теребящий его нервишки голос.

- Обещал, но не смог, - виновато проронил Александр.

- Что же могло быть более важное, безотлагательное? - крикливо возмутился в мобильнике голос. - Я, скажем, для тебя

уже не существую, ты подвел нас всех, из-за тебя мы все потеряли хорошую работу, сиди теперь себе один, грызи один свои любимые семечки, да изобретай, я еще посмотрю, как ты на них проживешь.

Голос по мобильнику резко оборвался.

Только со временем Сандро начал осознавать, трагические для его дела последствия, проведенного им неожиданного вечера с Нино.

- Главное не война, а маневры, - успокоил он себя на ходу и, подняв воротник легкой куртки, попытался укрыться под ним от попутного ветра в спину.

«Странно, - вспомнил он вдруг, - но когда мы шли к Нино, в противоположном направлении, ветер тоже дул нам в спину. Стало быть... стало быть... что?» - задумался он на мгновение.

Стало быть, стало быть... и ответ ему успела подсказать слышанная им однажды у Нино известная певица Ирина Аллегрова, из музыкального киоска метрополитена: «... но не было измен, лишь ветер перемен... колышет в доме занавески».

«Точно, во всем виноват ветер перемен! - заключил он про себя, лихорадочно шаря по карманам в поисках красного жетона метро.

Ветер перемен, так часто дует он в мыслях и по желаниях женщины, как часто порой меняется вдруг на совсем, на абсолютно противоположное направление, их отношение к тем, от которых они, пусть даже в самых малых дозах, почувствуют переход в мужчине, от чисто дружеских отношений, какими они сильными не были, к отношениям претендентов на из руку.

Какая непреодолимая грань и стена воздвигается ими между понятиями друг и жених, в одном и том же мужчине и как жестоко и хладнокровно порой они могут порвать окончательно и бесповоротно, даже с самым лучшим другом, пожелавшим

вдруг попытать счастье и оказаться избранником, - поражался Александр.- Как быстро все меняется в жизни».

« Ветер перемен к дождю! - подумал он вдруг, убыстряя движение по ступеням эскалатора вниз, нужно успеть сухим добраться до дому.

В своих оценках и в анализах происшедшего с ним и с Нино, в тот памятный вечер, как показало будущее, Александр не ошибся. Их отношения с Нино, в будущем стали еще более сугубо прагматическими и сухими.

- Ну, что же, как говорится, попытка не пытка, - успокаивал себя Александр, хотя и сокрушался по поводу того, что в лице Нино он потерял по ее вине своего лучшего друга, хотя и удалось ему спасти все свои отвергнутые ею, его изобретения, но стоило ли это того?

1.04.2006 г.

Мemento мори

В слабо освещенной ночником комнатухе послышался легкий звук, похожий на скрип металлорежущей электропилы.

- Что такое? Что там? Нана, ты слышишь?

- Звук нарастал, усиливался и невольно вызвал в памяти скрежет зубов и подтеки слюны к губам.

- Нана, ты слышишь? - повторился вопрос, сопровождавшийся протягиванием руки к подушке на соседней кровати.

- Нана опять получается до сих пор не легла, - заключил голос, - с внуком, видимо, возится. Интересно, который час?

Протянувшаяся рука включила второй ночник.

Глаза с трудом привыкали к яркому свету.

Рука подняла с тумбочки модные наручные часы и отвела их на удобное для просмотра расстояние.

- О-о, - протянул голос, - скоро час ночи. Почему же она до сих пор не легла?

Звук назойливо ныл и сверлил уши.

«Похоже, что-то во дворе, - подумал голос, - что же это может быть? Точно, наверняка залезли воры и режут стальные решетки на окне в кухне нижнего этажа, - встревожено заключил испуганный голос, - но почему в таком случае помалкивает собака? Щенок, еще нет и года, хоть и крупный. Уснул, видно. Выходит, зря я на его родословную столько денег ухлопал?! А как хвалили! Уверяли, порода древняя, еще римские легионеры ценили, брали с собой в бой. Охотничье ружье вроде в чулане, но пока найдешь да зарядишь, все воры разбегутся»,

Нащупав чусты, на ходу накинув халат, высокий, худощавый мужчина лет шестидесяти выскочил из спальни в соседнюю комнату.

- Нана, вы уже спите? - спросил он вполголоса, зажигая потолочный свет и обращая взоры на жену, задремавшую рядом с внуком.

- Нана, вставай! К нам, кажется, лезут воры.

- Что? Какие воры? - пробормотала с трудом пробуждаясь женщина.

- Вот, слышишь, опять? - указал пальцем мужчина на доносящийся звук.

- А почему ты зашел к нам, Гога? А? - с подковыркой спросила Нана.

- Нет, ну... я подумал... - помялся Гога.

- Что я тебе, полиция, что ли? Это твой зять работает в полиции, а не я. Зашел бы к ним...

- Ну, знаешь... поздно как-то, неудобно заходить к молодым в спальню.

- А-а, не дадут поспать, - жалобно протянула Нана, осторожно, чтобы не разбудить внука, поднялась, накинула на ночнушку халат, - сам целый день провалялся в постели со вчерашнего похмелья, а теперь... ну, ладно, пошли.

- Может быть, зайдём в чулан за ружьем?

- Пошли, пошли, не надо ничего. Можно подумать...

- Да, но ведь это же мы, Нана, знаем. А они? Кроме того, в доме всегда найдется, что прихватить.

Нана двигалась за звуком, который привел ее в ванную на нижнем этаже.

Ванна чуть не до краев полна водой, а на дне ее, уткнувшись носом в стенку, пыталась пробить себе дальнейшую дорогу и простукивала игрушечная подводная лодка.

Супруги переглянулись, улыбками облегчения.

Засучив рукава халата, Нана быстро выудила натрудившуюся подводную лодку, и они с Гогой долго пытались остановить ее завод.

Не удалось и вытащить батарейки, так что пришлось накрыть ее на кухне всевозможным тряпьем, а поверх еще и большой эмалированной миской, под которой несчастная просвистела всю ночь, пока в ней не иссякла батарейка.

Затяжные и нудные баталии по правомерности выезда из страны проживания, в посольстве одной из самых развитых и престижных европейских стран, увенчались окончательным и бесповоротным крахом.

- Ну, что, Тенго, как дела? - поинтересовался один из охранников посольства в проходной здания.

- Плохо, - ответил удрученно Тенго, мужчина под пятьдесят, среднего роста и умеренного телосложения, с уже наметившейся лысиной, - ну, никак не пускают, паразиты... а здесь свои жить не дают, - добавил он после недолгой паузы, - вот и крутись-вертись!

Бабочка Вольная,
Не улетай,
Не прилетай,
Душу свою небу
Здесь отдай!

- Да отдам, отдам, ради Бога, только вот, что с детьми делать?

- О-о! В том-то и дело, что семья. А не то стоял бы я в проходной посольства чужой страны? Да что я? - оправдывался охранник. - Сколько наших на их автомашинах простыми шоферами работают! Зато баксы зашибают!

- Ох, уж эти баксы, чего они только не делают с людьми? - призадумался Тенго. - Ну, ладно, бывай, будь здоров, теперь то уже наверное здесь и ноги моей не будет.

- А чего?

- Да в компьютер ввели в черный список не выездных... как какого-то преступника или рецидивиста. Интересно, за что? Я ведь в жизни даже мухи не обидел, - жаловался Тенгиз.

- А как ты хочешь, браток? Если все мы отсюда уедем, жалуясь из-за трудных экономических условий, то кому же страна в конце концов достанется, - продолжал оправдываться охранник.

- А она уже досталась, кому надо. Почти все трудоспособные из нас у них в сфере услуг, поддерживают их благополучие.

Тенгиз быстрым движением вытянул из кармана стеклянный пузырек и бросил таблетку валидола из него под язык.

- Не пей, не кури, не гуляй, не работай, не живи! Во здорово, а? - воскликнул он. - Ну, ладно, бывай, - бросил на прощанье охраннику, с которым познакомился за время напрасных хождений.

- И дети, как назло, то и дело болеют. Ну, прямо... О, десять лари всего, - перепроверил свои финансовые сбережения. - На них и лекарство покупай и за продуктами ходи. Хорошо, брат с сестрой иногда помогают, не то, - ужаснулся - уже ноги бы протянули».

По дороге с базара, поднявшись с последней станции городского метрополитена, обнаружил, что в кармане осталось всего одна монета в двадцать тетри, да и та помятая и деформированная, как прожеванная и выплюнутая гигантской рептилией древнейших времен.

В маршрутке водитель даже отказался ее принять и миролюбиво и с улыбкой предложил Тенгизу оставить «несчастную» при себе, на память.

«Каков сам, такая и монета досталась», - досадовал Тенгиз, выбираясь из маршрутного такси.

Домой он вернулся усталый и раздавленный.

- Мать, на вот, погляди, что я тебе принес, - обратился он к жене, крутившейся в кухне за приготовлением пищи.

- Что там еще?

- Памятка из посольства! Уточняют, кому там, у них, в стране, не место, - пояснил Тенгиз, - спрячь, чтоб дети не нашли, а потом ознакомься. Очень интересно!

- Да спрячь сам, - раздраженно бросила жена, - видишь сколько дел! Не успеваю. Две ведь руки, не четыре.

- О-о, - восторженно протянул Тенгиз, - и вправду здорово, что две, а не четыре. Иначе такое бы творила...

- Ты что, опять выпил?

- Я каждый день выпиваю эту жизнь, и свою с вами тоже. Увы, - уныло признался Тенгиз.

Он не спеша сменил наружную обувь на домашнюю и направился в ванную, в которой не без радости обнаружил полный бак горячей воды.

- Лена, можно мне искупаться? - крикнул жене, умываясь над раковиной.

- Можно, - немного погодя, донеслось не совсем уверенное согласие супруги.

- А что это, наши верхние соседи опять заливают нас понемногу, - бросил он взгляд на потолок ванной, - вон как увеличилось сырое пятно. Ты что, ничего им не говорила?

- Говорила, Тенго, и не раз, - подошла Лена к ванной и тоже уставилась на потолок, - все обещают, что починят сантехнику, которая досталась им от наших бывших соседей.

- Не хочется с новыми с самого начала портить отношения, не то поднялся бы и такое бы им устроил, - пробурчал Тенгиз.

- В отместку сотрудиникам посольства? За то, что не пускают тебя в их страну? Да? Ладно! Я сама с ними все улажу.

- Ну, смотри, меня не впутывай...

Посплетничав немного с супругой, он собрался - таки принять ванную, но зашел сначала на кухню.

- Лучше искупаюсь, а уж потом поужинаем. Не то, как поешь, так и тянет ко сну.

Неожиданно раздался грохот, до того громкий, что трудно было определить, откуда он донесся.

Вскоре супруги, удрученно стояли в ванной и с ужасом смотрели, как она наполняется обваливающейся со всего потолка штукатуркой.

- Ведь она могла свалиться мне на голову! - в ужасе восклицал Тенгиз.

Опомнившись от замешательства, он кинулся к двери с истошным криком:

- Сейчас я им покажу!

Лена бросилась ему вслед, стараясь удержать и подняться самой, но тщетно.

Длинные мускулистые ноги бодро двигали усталое рослое тело по бегущей вниз, круто наклонно асфальтированной дороге.

«Интересно как! Зайцам, наоборот, бежать по наклонной вниз труднее, чем вверх, - на мелькнувшую мысль тут же нашелся ответ, - благодаря особому строению их опорно-двигательной и мускульной системы».

На службе, после пары-другой часов работы об усталости и не вспоминалось, а сейчас, на дороге из церкви, она давала о себе знать.

«Годы, видимо, все же берут свое, - подумалось невольно. - Хотя так получается всегда, если утром не досыпаешь своей нормы хотя бы полчаса. К тому же эти ночные чтения духовной литературы. Притягивают и открывают новые горизонты, двери в мир истинной жизни...»

Вскоре рослый мужчина, спустившийся на ближайшую нижнюю улицу, ждал на нешироком тротуаре нужную ему маршрутку и толком и не заметил, как подкатила к тротуару напротив шикарная иномарка цвета испуганной дичи, и с какой

досадой, и негодованием взгляделась выскочившая из нее симпатичная дама, в спущенное заднее колесо.

Взгляд его был устремлен влево, где недалеко на горизонте появилась нужная ему маршрутка.

«Как хорошо, не пришлось долго ждать»,

- Простите, вы не подскажете, где поблизости есть автомастерская или пункт вулканизации? - кинула ему неожиданно, через неширокую улицу, озабоченная дама.

Он только сейчас обернулся в ее сторону, и их взгляды встретились.

Оба, словно загипнотизированные, замерли, рассматривая друг друга, и казалось, что он и не думал поджидать маршрутку, чтобы поскорее уехать, а она вовсе не огорчалась тем, что очень некстати спустилось колесо ее автомобиля.

У него слегка отвисла челюсть, по ее лицу поплыла легкая улыбка.

«Вот она, алхимия любви?!» - подумал он.

«Вот она, любовь с первого взгляда?!» - подумала она.

«Почему мы не встретились раньше?» - хотели подумать оба.

Перестрелку их взглядов неожиданно прервала остановившаяся между ними маршрутка, и они на мгновение выпустили друг друга из вида.

«Неужели уедет?» - подумала она.

Остановившаяся в надежде принять еще одного пассажира маршрутка вдруг медленно тронулась с места.

Она словно отгоняла ее взглядом, пытаясь выяснить, уезжает приглянувшийся ей незнакомец или нет?

Он заметил, как она, с заметным облегчением, обнаружила, что он пропустил маршрутку.

Оба улыбнулись друг дружке и он подался в ее сторону.

Казалось, что достаточно будет одному из них распростереть объятия, как второй тот час же примет их, будто они давно

знакомы, но решимости на этот шаг ни у него, ни у нее не хватало.

- Вы не могли бы помочь мне? - вполголоса обратилась она к нему, подводя к спущенному колесу и не переставая улыбаться.

- У вас насос есть? - спросил он серьезным тоном.

- Есть, но он не работает. Испорчен! - отмахнулась она с досадой. - Я бы не побеспокоила вас, но мне нужно срочно отвезти маму к врачу...

- Дайте мне все же насос, попробуем подкачать колесо.

Пока дама отыскивала в багажнике насос, он украдкой косился на ее маму, только что замеченную им в машине.

Пожилая, хорошо одетая женщина лет за семьдесят без всякого волнения рассматривали свои холеные руки.

- Вот, - произнесла ее дочь, протягивая незнакомцу насос, который, проверив его, досадливо дернул плечом.

- У меня в принципе есть и запасное колесо, но пока его заменишь! К тому же нет ни домкрата, ни гаечного ключа. Вот если бы удалось докачать в колесо немного воздуха, мы бы смогли доехать до врача. Здесь недалеко! А потом я бы позвонила по мобильнику мужу и он уладил бы наши проблемы.

«А что вам мешает позвонить ему сейчас? - подумал было он предложить ей, но вовремя сообразил: - Тогда бы она не просила помощи у меня, - и сдержался. - Что же делать?» - разволновался и вдруг с радостью заметил спускающегося знакомого прихожанина своей церкви.

- Георгий, поди-ка, пожалуйста, сюда, на минуточку. Прошу!

- В чем дело, Миша? - сразу отозвался Георгий.

- Да вот видишь, колесо спустило. Насос не работает, ни домкрата нет, ни ключа. Но если достать ключ, мы с тобой справимся с ролью домкрата?

- Да ты что, кто же такую махину подымет? - ужаснулся Георгий, - тут же недалеко авто профилактика!

- Да, но сегодня воскресенье, не работает, наверно?

- А-а?! Совсем забыл. А может, есть кто из дежурных? - предположил Георгий.

- Где, где? - подхватила хозяйка иномарки.

Георгий принялся любезно объяснять ей, где находится автопрофилактика.

- Да не надо, - перебил его Михаил, - все равно не найдет, а скорее затеряется в этих закоулках. Лучше я пойду, подождите меня немного.

«А что, если мастер заломит цену на подмогу?» - мелькнуло в голове у Миши. Он немного помялся, платить за проблемы незнакомой, замужней, пусть даже симпатичной женщины, которую он вскоре потеряет из виду и, возможно, больше никогда в жизни не увидит, каково?

- Погодите, - успела она крикнуть вслед ему, - я пойду с вами! В другой ситуации эти слова обрадовали бы его больше, но и сейчас слышать их было не безотрадно.

- Лия, ты куда собралась? - бросила ей вслед из машины мать.

- Мы скоро, мама! Найдем мастера и тут же назад! Не волнуйся и сиди спокойно.

Всю дорогу, до самого автопрофилактория Лия, к удовольствию Миши, подскакивала в такт его шага и, ни на минуту не умолкая, повествовала о событиях, приведших к сегодняшнему инциденту.

Миша почувствовал вдруг некую возникающую близость к ней, необходимость опеки над ней, охраны, особенно обострившуюся, когда во дворе, у входа в автопрофилактория их встретила лаем целая свора собак, которых не без труда унял сторож у проходной.

Георгий оказался прав, и Миша и Лия вскоре возвращались к машине в сопровождении вулканизаторщика с домкратом и насосом.

После недолгих тщетных попыток подкачать в колесо немного воздуха пришлось смириться с тем, что его придется заменить.

Доставая запасное колесо, вулканизаторщик обнаружил в багажнике, в специально отведенном незаметном местечке и собственный домкрат автомашины.

Миша и Лия недоуменно переглянулись.

Дело оставалось за малым. Не нашлось специального гаечного ключа, но Миша тут же одолжил его у никому незнакомого водителя, подъехавшего на иномарке к неподалеку пятиэтажному дому старой постройки. Но и ключ в форме спасительного креста, увы, не помог, потому что вскоре после замены обнаружилось, что и поставленное колесо спущено и не поддается подкачке.

- У меня складывается впечатление, что машина не ваша. Вы ее случайно не угнали? Покажите ваши документы, - потребовал Миша, улыбаясь владелице и получая ответную улыбку:

- Моя! Моя, но я давно ею не пользовалась, а сегодня пришлось.

Выхода не было, и вулканизаторщик предложил перегнать машину в автопрофилакторий, на что Лия не могла не согласиться, и тот уселся на заднее сидение в ожидании владелицы.

- Может, мне поехать с вами? - предлагал ей тем временем Миша.

- Спасибо! Я и так вас побеспокоила и отняла столько времени, - отвела Лия взгляд, опустив голову и проведя рукой по его груди.

- Ну, что вы? Ради вас...

Движением вполборота она открыла дверь машины, подняла-таки на него взгляд и на мгновение замерла.

Молчаливое мгновение, которое, может быть, мелькает раз в жизни каждого человека, может, все может быть, какое-то считанное, малое число в нем перевернуть, лишить раз доказав, как жестока и беспощадна порой с человеком судьба...

Лия быстрым рывком поцеловала Мишу в щеку, поблагодарила за все, быстро села за руль и мягко тронулась с места.

Миша долго, как околдованный, смотрел ей в след.

Лия не отрывала взгляда от бокового зеркала.

Большие, старые, механические часы, вмонтированные в одно из окон здания управления метрополитена вместо бывших электронных, работали вполне исправно, так что по ним можно было смело сверять свои наручные. В час дня отмечался приличный, интенсивный поток людей входящих и выходящих из станции метрополитена «Вокзальная площадь».

Немало толпилось и ожидающих встречи, свидания в уютном и излюбленном горожанами зале станции.

Один из подошедших пополнить ряды нетерпеливо ожидающих, изобразил на лице веселье и, подойдя к ожидавшему его мужчине, дружески хлопнул его по плечу.

- Привет, Гога, старина, как поживаешь? - бодро воскликнул он.

- Ха! Привет, Тенго, привет! Сколько лет, сколько зим! А еще однокурсники! - дружелюбно отозвался ему сокурсник.

- Э-э, это называется мое тебе сказал! А сам?

- Ну, сам... знаешь, небось, какая у нас сейчас жизнь собачья...

- Что с тобой, Гога? Ты сегодня какой-то такой... - насторожился Тенго. Не стряслось ли чего?

- Стряслось, стряслось, - подтвердил Гога, переминаясь с ноги на ногу, - приспичило.

- Так в чем проблема? Вокзал тут рядом! - удивился Тенгиз.

- Ну, во-первых, я ждал, а во-вторых, если честно, у меня только один двухларик, а брать с туалета сдачу пренеприятно.

- А-а, - с улыбкой протянул и пошарил в своем кармане Тенгиз,- понятно, вот тебе помятые двадцать тетри. Никак не сплавлю уж несколько дней, никто не принимает.

- А там тоже подорожало, тридцать тетри, - сообщил новость Гога.

- Сволочи! - в шутку возмутился Тенгиз. - За тридцать я туда ни ногой!

- Вот, вот, я и сам... будь что будет!

Гога нырнул и вскоре вынырнул из подземного перехода мимо подметавшей каменную лестницу городской дурочки, распевавшей во все горло и задевавшей прохожих.

Тенгиз весело беседует с уже подоспевшим к месту встречи Михаилом.

- О-о, - обрадовался Миша, - привет, Гога! Ну, как, дружище, дела?

- Да как? Так как-то...

- Так кого мы еще ждем? - осведомился Миша, деловито поглядывая на часы.

- Может, Датошка подскочит, с надеждой выразил предложение Гога.

- Да вряд ли! - усомнился Тенгиз. - Вчера по телефону сказал, что если придет, то придет вовремя, а нет, то чтобы не ждали.

- Уже двадцать минут второго, - заметил Миша, если не пойдем уже, то опоздаем.

- Пошли, пошли, - согласился Гога.

Тройка двинулась к стоянке маршрутки.

Вскоре выяснилось, что на линии работают всего две машины вместо четырех, а толпа все пребывала.

Уговоры Гоги ехать стоя были решительно и напрочь отвергнуты, и после непродолжительных торгов с таксистом они за восемь ларей мчались «восьмерками» на стареньком жигуленке - развалюшке, рытвины и ухабы.

Дорогой то и дело подкалывали Гогу.

- Нет, надо было отправить его на маршрутке, - качал с сожалением головой Тенгиз.

- Да, провел бы человек время с пользой, постукал головой о потолок, - вторил ему Миша.

- А кепка-то у него для чего?

- Как раз для таких случаев!

Гога кривился, но не отвечал. Не хотел, видно, связываться.

- Ничего-ничего! Кругом мостят улицы! Может, и до этих мест доберутся, - огрызнулся таки чуть позже, когда Тенгиз с Мишей уже развалились на заднем сиденье и переключились на совсем другую тему.

Доехав до кольцевой развилки дороги вокруг искусственного водохранилища, замешкались, выясняя между собой и водителем, когда и куда сворачивать.

- Нет все-таки, я думаю, к пансионатам, - предположил Миша.

- Да, вроде туда, - согласился с ним водитель.

- Там, как мне объясняла Марина, должно быть здание, похожее на корабль,- пояснил Тенго.

- Оно что, в воде, плавает? - поинтересовался Гога.

- А, вот оно! И вправду похоже на корабль! - обрадовался Миша.

- Да! Точно, - удивился Тенгиз.

- Послушай-ка, Тенгиз, мне вот что сейчас пришло в голову, - заявил Гога, - ведь улица, на которой ты сейчас живешь, носит название Шешелидзе? Ведь его тоже Тенгизом звали!

- Ну, и что? - удивился Тенгиз.

- Как ну и что! Не понимаешь? - возмутился Гога.

- Нет! - возразил Тенгиз.

- Ну, ладно, потом скажу.

- Так! Ну, ладно, вам спорить! Кто за дорогу платить будет? - поставил вопрос ребром Михаил.

- Как кто? Ясно, кто, - пояснил Тенго, - кто впереди сидит, - тот и платит. Закон!

- А я-то думал, вы меня сюда посадили из уважения, - с досадой пробормотал Гога, - почтение оказали...

- Ну, ради Бога! О каком почтении ты говоришь, в наше время! Плати, если можешь, не то мы с Мишей выйдем, пойдем на панихиду одни, а тебя оставим в залог, и пусть тебя Марина или ее муж Зура, как хотят выкупают.

- Ну, в таком случае я заплачу за себя тем, что у меня есть, два своих лари. А вы сами тут оставайтесь.

- Не утруждайся, Гога, этого недостаточно даже за одного! Нас ведь трое, а договаривались за восемь лариков.

- Ребята, ну подкиньте немного или одолжите, в конце концов! - взмолился Гога, потряхивая двухлариком.

- Лично у меня никаких денег в кармане нет, - объявил Тенгиз, хохоча.

- Э-э! - воскликнул Миша.- Гога! Чего ж ты без денег садился в такси? - тоже смеясь, возмущался Миша.

- Да кто, как не я уговаривал вас ехать на маршрутке? Я бы все и оплатил, - не уступал Гога.

- А обратно на чем? - не расставался с логикой Миша.

- Пешком! - не долго думая брякнул Гога.

Водитель стоял у указанного пассажирами здания и без всякого волнения следил за перетягиванием пассажирами каната.

А ну вас, - махнул рукой Гога, - вот тебе, парень, два моих лари, а остальное пусть платят эти, - сделал он движение в сторону двери.

- Э-э?! - изумился Миша. - Держи его, Тенго, не выпускай, не то мы и впрямь тут в залог останемся.

Тенгиз обеими руками обхватил Гогоу сзади, буквально силой пригвоздил его к сиденью и велел водителю вернуть ему двухларовку.

Баталия продолжилась, но Миша завершил ее протянутой водителю десяткой:

- Вот, возьми, друг, отсюда!

Получив два лари сдачи, Миша и Тенгиз вышли из машины, между тем, как Гога с этим медлил.

- Ты, что и вправду хочешь в залог остаться? - рассмеялся Тенгиз, а вслед за ним Миша.

- Ох, если бы не уважение к Марине, ни за что с вами не пошел бы, - ругнулся Гога и с неохотой покинул свое место в такси, - нашли время шутить!

Длинная вереница людей медленно плыла вверх по открытому лестничному маршу многоэтажного, гостиничного типа комплекса, протяженного в плане здания пансионата, и вправду внешне походившего на корабль, готовый вот-вот окунуться вперед носом, а потом, уже и всем корпусом в голубую гладь искусственного городского водохранилища, на шестом этаже вереница прерывалась.

По - одному скрывались за дверью, соболезновали родным и близким, умершего человека, обходили почетный прощальный круг и выходили.

Пособолезновать после однокурснице и ее мужу по поводу кончины его отца и спустившись во двор, друзья отошли в укромное место и принялись высматривать возможных друзей и знакомых.

- От чего же это бедняга скончался? - поинтересовался Миша.

- Э-э, Миша, от чего от чего, нам уже по пятьдесят, муж Марины - Зура вроде еще старше нас. Значит, отцу было чуть не под восемьдесят. К тому же они беженцы. Вот и думай, от чего? - пояснил Тенгиз.

- Кто там из великих говорил, что жизнь самая опасная штука, от нее и умирают? - вспомнил Гога.

Вот так! Живем, крутимся, вертимся, а в конце бац, и все, - уныло протянул Тенгиз.

Веревки, поддерживая с четырех сторон, плавно опускали вниз, в землю гроб с покойным, которого пришли проводить много людей, в числе которых были члены семьи, близкие и дальние родственники, друзья, знакомые, знакомые знакомых.

Дух покойного витал высоко в небе, наблюдая сверху над своими похоронами, и сокрушался от того, какими горькими слезами обливались провожающие.

Жизнь прошла, как мгновение.

Трудное детство в деревне сменилось такими же отрочеством, юностью, молодой, сейчас убивающейся и утешаемой сыновьями, дочерью, внуками.

Долгие годы труда, но и достатка до тех пор, пока не разразилась проклятая братоубийственная война, и пока, оказавшись беженцами, не пришлось начинать все с нуля.

Вот уж новый, третий по счету президент страны вроде бы обещает мирное возвращение беженцев в их приморский город, но жизнь распорядилась по-своему.

Поднялся бугорок, и люди стали понемногу расходиться.

Вступали в силу слова - наставление: « Ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (откр., 21.4).

Тенгиз, Гога и Миша, затесавшись в небольшую толпу, пробирались узкими дорожками, то и дело останавливались у памятников, читали эпитафии, надгробные надписи.

Миша задумался над словами о том, что всякий верующий в спасителя не должен оставаться во тьме.

Тенгиз заметил некоторое смятение друга:

- Ну, что, старина? О чем?..

- Разве не о чем? На кладбище думается о многом, - признался ему Миша.

- Да уж, и в самом деле! Помню, давно уже у меня гостил знакомый из России. Он почему-то часто просил поводить его по кладбищам, не спешил уходить, от места упокоения и говорил, что удивительно заряжается и мыслями и энергией, и что этого заряда ему хватает на долго.

- Ну, насчет заряда не скажу, не знаю, но, возможно, людям чаще следует ходить на кладбище, помнить о смерти и жить с постоянной мыслью о ней. Об этом многие писали и пишут.

- Спешите делать добро! - подключился к диалогу и Гога. - А вот сравнительно недавно мне попалась газетка со статьей, в которой утверждалось обратное.

- Сейчас вообще все смешалось, и в прессе, и в телевидении. Никакой позиции... что только не услышишь, со знанием дела сообщил Тенгиз.

- Где и приобщиться, истины, как не в церкви, - задумчиво подтвердил Миша.

Люди неторопливо выходили за ворота кладбища, рассаживались по автобусам и машинам. Муж Марины просил всех почтить поминальный стол.

Столы, человек на сто, были накрыты в небольшой столовой-ресторане неподалеку от дома покойного.

Стол не изобиловал разнообразием блюд, но необходимого и ритуального было в достатке.

Ополаскивали руки, молча тянулись к столам, сразу приступали к трапезе.

- Закусили, ребята, почтим усопшего, - приглашающим жестом указал на блюда Тенгиз.

- Вообще-то, конечно, - заметил Гога, принимаясь, - бедняге ничего земного уже не нужно.

- Нужно, нужно, Гога, - перебил его Михаил, - ему нужны наши внимание, забота, молитвы.

- Оставь, Миша, ты что, веришь в потустороннюю жизнь? - заметил Тенгиз.

- Но для чего же тогда и ради чего мы живем?

- Лично я для семьи и друзей, - признался Тенгиз.

- И близких, - прибавил Гога.

- А ради Него? Без Него на человека сваливаются все напасти и беды.

- Оставь, дружище! Отчего же мы впали в такую нужду, если о нас есть кому позаботиться? - удивился Тенго.

- Как отчего? Сказано: «По вере вашей да будет вам...».

- Потому, думаешь?

- Что нужно мне и моей семье, он дает, а больше пойдет во вред, - подтвердил Михаил.

Тамада поднял первый тост за память покойного, отметил его заслуги и положительные качества.

Выпили стоя не чокаясь, добавляя к тосту от себя, кто вслух, кто соседу по столу, а кто и про себя.

- Жизнь человека ничто, - гнул свое Тенго, - живешь, крутишься-вертишься, изматываешься, а потом бац и нету тебя. И всем ты до фени, у детей своя жизнь...

- Ну! - согласился с ним Гога. - Меня, спросить, так человек не должен вообще умирать...

- А он и был создан бессмертным, а смертным стал в наказание за первородный грех.

- Это да, но жили ведь по несколько сотен лет!

- Грехи уменьшают век. Люди сами режут ветвь, на которой сидят. Чем дальше удаляются от Творца, тем жизнь бессмысленней и короче.

- Да, заметно век сокращается, - протянул Гога.

- Плод цивилизации и резкого скачка научно - технического прогресса, - заметил Тенго.

- А может, оно и к лучшему? - заметил Гога.
- Может... но детей наших они не минуют.
- Последовал второй тост, за родителей покойного.
- И все же я не желаю себе особенно долгой жизни, - признался Тенго, - вот детей бы на ноги...
- Пожалуй, и я, - поддержал его Гога, - лучше меньше да как хочу, чем больше, да как не желаю...
- Родина человека - небесный Рай, он там жил до первого грехопадения. Потому и нельзя прилепляться ни к чему земному. Кто пытается утвердиться на земле, тот потеряет небо.
- Вот потому я не люблю ни женщин, ни яблок, - улыбнулся но тут же спохватился Тенго.
- Да уж, с этими фруктами лучше быть поосторожней, - не отстал от него и Гога.
- Да нет же, ребята, просто перед употреблением их следует тщательно промыть, - нашел компромисс сосед по столу.
- И у фрукта и у человека свое предназначение, только как найти его, - вмешался теперь уже другой сосед.
- Дошли до тоста за детей покойного с сочувственными, ободряющими пожеланиями.
- И все же, важнее всего-таки труд, - вернулся к теме разговора Гога, - без него плохо...
- Согласен, Гога, - теперь уже Тенго поддержал его, - человек хочет не хочет, что-то после себя оставляет в этой проклятой жизни, дом, дерево, сына...
- Поминальное застолье подходило к концу. Кахетинское делало свое дело. Шум нарастал, тамаде не легко оказалось перекричать его и еще раз помянуть покойного под поданный заключительный шилаплав.
- Труд трудом, но главное - помнить о смерти, - не отступал от своего Миша. - Memento mori, говорили древние, и новые с ними согласны.

- Но не я! Я так не могу, - запротестовал Тенго, - нужно быть деятельным, уехать куда-нибудь, скажем, в штаты. Туда, где хороший заработок, чтоб хорошо жилось сегодня, сейчас, здесь, на земле, а там будь, что будет, - почти простонал он.

С остановки разъезжались по - одному. Каждого ждала своя дорога домой, в жизнь и к концу ее в иной, в лучший мир, ибо каждому должно было воздастся в конце концов, по вере и по делам его.

17.07.2005г.

Сукин сын!

или

Александра

Узкими тесными улочками старой части города меж одно - двух этажных стареньких домов с палисадниками, давно нуждающихся в капитальном или хоть в каком-то ремонте. Бежан неторопливо пробирался к нужному адресу, не опасаясь здесь резких движений автомашин. Взбираясь по лесенкам и подъемничкам, явственно чувствовал, как им завладевают особенно возвышенные мысли, совсем не те, что мучили его в пыльной низине.

«Так оно в принципе и должно быть, - думал он, мерно продвигаясь по ломаной траектории, вглядываясь в причудливую архитектуру, - чем ближе к небу, тем яснее мысли и тем теплее взгляд на твой, весь твой большой город, раскинувшийся внизу, перед взором.

Что же делают с человеком высоты?

Разные - физические, географические, геополитические, социальные?..

Почему так тянется к ним человек? Неужели лишь потому, чтобы править другими людьми или красоваться порой перед ними? Ведь чем выше высота, тем больше с нее падать. А падать порой приходится.

Гордыня и тщеславие, стремление к первенству, неудержимая страсть к обладанию лучшим, чем к другим стяжательство, нажива.

Все это неприятно наблюдать в других, но, увы, все это незаметно, тайком прокладывается в каждого из нас, хватая нас за шкуру, чтоб потом таскать и трепать нас в течение всей жизни.

Бежан поднял взгляд на небо и заметил двух ястребов, парящих над местностью по кругу и выискивающих внизу добычу.

Подходя к дому, к которому шел и который посещал регулярно, раз в неделю, после службы в церкви увидел словно выросшего, как дерево, из под земли, высокого, худощавого мужчину лет шестидесяти в модном сером костюме.

- О-о! Батоно Мурад! Здравствуйте! Как вы?

- Здорово, Бежан, - поздоровался и мужчина - спрашиваешь как я? Ну как?! Работы нет, цены на все бешеные. Вот, к примеру, потерял недавно пуговицу от... - показал он рукой на свой костюм, - пол города обошел пока не подобрал и купил за целых два лари. Представляешь?

- А пришивал кто? - поинтересовался Бежан.

- Ай, - махнул рукой Мурад, - лучше и не спрашивай! Жена, конечно, Венера. Кто же еще?

- А что, вы чем-то недовольны? Плохо пришила?

- Три лари у меня выманила за работу.

- Да, многовато!

- Итого, все это обошлось в пять лари, представляешь?

- Ничего, деньги, отданные жене, не пропадут, - предложил Бежан, - а вообще один мудрец говорил, что презрение к деньгам встречается нередко, и в особенности среди тех, у кого их нет.

- Говорят еще, что деньги не пахнут, но улетучиваются, - добавил Мурад, - и еще, что деньги - это лицо мужчины, а лицо - это деньги женщины. А у меня с женой чуть ли не все наоборот!

- А что вы тут, на перекрестке, делаете или ждете? - поинтересовался Бежан.

- Да вот стою, душу отвожу, заодно и думаю о смысле жизни. А ведь он, смысл жизни, тоже, оказывается, понятие динамичное и со временем то плавно, то скачкообразно меняется, а то и вовсе исчезает. Кажется, что на долго, а он глядь и появляется снова... и так постоянно. Кажется мы такие, люди, откуда пришли, куда и

к чему идем, зачем живем на этом свете? Ты никогда не задумывался над этим вопросом?

- Меня они, Мурад, с некоторых пор уже не интересуют.

- От чего же? Больно умным стал?

- Нет, просто я на них давно уже получил вполне удовлетворительные и всеобъемлющие ответы, и Теперь думаю скорее об их претворении в жизнь.

- Да ну! Откуда это у тебя ответы на них и почему ты уверен в их точности и правильности? - усомнился Мурад.

Бежан взглядом показал наверх, на небо, Мурад последовал за ним, и оба замерли при виде двух продолжительно парящих по большому кругу ястребов.

- Пожалуй, ты прав, - согласился Мурад, - все вопросы, возникающие на земле, пожалуй правильные ответы имеют только с неба. А как ты думаешь, не получают ли, вопросы, появляющиеся на небе, ответы с земли?

- Возможно, отчасти, - неуверенно пробормотал Бежан, - одно хорошо, то, что, когда у человека рождаются такие вопросы, они неминуемо, волей неволей ведут к небу, и наиболее удачливые удосуживаются уловить верные ответы. Плохо, когда такие вопросы не появляются, как должно быть, у ястребов, что сейчас парят над нашими головами. У них, как и кое у кого из людей, одни помыслы, о хлебе насущном - как бы выследить свою жертву, добычу, налететь на нее сверху, неожиданно, с бешеной скоростью и силой, захватить, удовлетворить свои физиологические потребности...

- «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать?» Да?

- Что то в этом роде, - подтвердил Бежан.

Дело в том, Мурад, что каждый человек должен сам прийти к познанию истины, посредством которой открывается все жизненно важно и необходимые ему двери, в том числе и к разрешению судьбоносных вопросов. А когда об этом кто-то

кому-то говорит, это не всегда понимается правильно и не всегда встречается с одобрением.

Некто Ротенберг говорил, что когда кто-то кому-то что-то навязывает, не оставляя права выбора, то тот перестает уважать и того, кто ему навязывает, и то, что навязывают.

Одно могу тебе сказать твердо, что на все жизненно важные вопросы уже давно имеются правильные ответы...

- Только каждому надо найти их самому, не правда ли? - опередил его с ответом Мурад.

- Да, - подтвердил Бежан. - Ну, ладно об этом, тетя Шура дома, у себя?

- Дома, куда ей деваться!

- Ну, мало ли? Бывает ведь, что выходит, то в магазин, то еще куда?

- Не знаю, не знаю! Полчаса тому назад, когда я выходил со двора, заглянул к ней, была дома. Зайди, обрадуется. Ты ведь знаешь, как она всегда ждет тебя!

- Да, вот собираюсь, - бросил Бежан уже на ходу.

- А я еще немного постою, - пояснил Мурад, - может, машина кому понадобится, хоть подзаработаю.

По пути Бежан прихватил горячего лаваша.

Отворяя черную металлическую калитку, Бежан всмотрелся в недавно выстроенной во втором этаже подвесной лоджии, с основания которой тянулась новая пластмассовая сточная труба, заходящая через арочный вход, в небольшой дворик итальянского типа, соединяющаяся со старой чугунной, подводящей к специальному сточному люку.

Первое, что он увидел в небольшом внутреннем дворике, - улыбающуюся Венеру и стоящую над сложенной из камня лоханью в его центре.

При виде его на лице ее застыл недоуменный вопрос.

Лаваш - грузинский хлеб, выпеченный в специальной печи.

- Вот смотрю, не протекает ли где? - смущенно объяснил он свое появление.

- Нет, не протекает, не бойся, - вернулась на ее лицо улыбка, - соседи со второго этажа дают полную гарантию исправности новой сточной линии!

Долгие и продолжительные звонки, а затем и стук в первую дверь на право от калитки не получили отклика из глубины квартиры.

- А ты попробуй достучаться в окошко на улицу, - посоветовала ближайшая соседка, Рита, полноватая женщина лет, как и Венера, пятидесяти, совет которой оказался очень полезным.

- Тетя Шура, здравствуйте, - приветствовал Бежан, появившуюся у отпертой двери древнюю, восьмидесяти семи лет, старуху, увернутую в шерстяные одеяния и удерживающую равновесие при помощи неразлучной клюки.

- Здравствуй, здравствуй, дорогой! - сверкнули слезы радости на подслеповатых глазах, - проходи, мой милый, а я уж думала, что сегодня, должно, не придешь.

Тетя Шура, кряхтя и вздыхая, опустилась на сундук возле входа и взглядом указала гостю на невысокий стул-табуретку напротив нее, у продолговатого столика.

- Не ждали уже, да? А как я мог не прийти, когда вы меня ждали?

- Не знаю, мой хороший, - скрипучим старческим голосом протянула тетя Шура, - вот только что закрыла дверь, а до того долго держала чуть приоткрытой. Много было сегодня народу в церкви?

- Много, тетя Шура, как всегда. Вот вам хлебушек, горячий лаваш, не хотите ли, прямо сейчас отломить горбушку, - предложил Бежан.

- Нет, мой милый, не хочу, спасибо. Ступай на кухню, положи там на стол.

- Вот вам свечки, поставьте потом, а это просфорочка, разделите на несколько частей, чтобы на несколько дней хватило...

- Ага, спасибо, дорогой, я так и сделаю. Тоже положи на стол в кухне, - поблагодарила тетя Шура.

Бежан невольно поймал взглядом пробежавшую и нырнувшую за горки посуды мышку.

- О-о, - протянул Бежан, - тетя Шура, у вас оказывается мышки тут шастают.

- Знаю, а что я могу сделать? - пожаловалась она.

- Нужно кота завести... или одолжить у тетя Риты ее кошек.

Это правда, а знаешь, у них чудные котята родились. Она их выводила недавно во двор.

- У какой же это кошечки? - поинтересовался Бежан.

- У черной и у Максимки, сиамского кота, вокруг которого увиваются все кошечки с нашей улицы.

- И она всех собирает, оставляет у себя?

- Да, пока Ритына дочь Маша, живет у матери. А так-то Ритка собиралась их утопить.

- О-о, - протянул Бежан, - как можно, это ведь большой грех!

- А она то и дело так поступает, говорит, их девать некуда.

- Так лучше уж пусть на улицу вынесет и там их где-нибудь пристроит, может, какой добрый человек пройдет и подберет.

- Да уж, - согласилась тетя Шура.

- Маша хорошая девочка, а что, она теперь с матерью не живет?

- Не-ет! - протянула тетя Шура. - Она ведь у нас вышла замуж.

- Второй раз?

- Да, сын у нее, Ромка, от первого, законного, брака. Говорит, что с первым мужем не сошлись характерами.

- Ну, дай Бог, чтоб хоть сейчас повезло, один раз нужно ошибиться, кажется, Лев Толстой говорил, - вспомнил Бежан.

- Да, она хорошая девочка, молодая еще, каких-то тридцать лет, вся жизнь еще впереди. А за Ромкой ее мать, Ритка, присмотрит, да и сам уже не маленький, четырнадцать лет. Это легче, чем с малышом возиться.

- Да, конечно, - согласился Бежан, - а что же ваши верхние соседи, над вами на втором этаже?

- Э-э, протянула тетя Шура, - что они? Они свое дело делают, а на других им наплевать. Ты ведь свидетель, Бежан, сколько я их упрасивала не ставить ванную и туалет на пристроенном балконе. Представляешь, на балконе? Как я их только не умоляла, и плакала, и просила, и пожаловаться пригрозила, все равно поступили по -своему, а что я могу с ними поделаться? Я одна, а их в семье вон сколько. Если бы мой сын, Валерик, был жив, он бы за меня поговорил бы с ними. А теперь они знают, что я одинокая, (упатроно), что у меня никого нет и что со мной можно поступать так, как им угодно. Вот и поступают!

- Ну, почему же вы так, тетя Шура, никакая вы не упатроно, - пояснил Бежан, - у вас ведь есть сестра младшая - Татьяна и племянница, ее дочь, - Валентина.

- Э-э, - снова протянула тетя Шура, слегка постукивая своей деревянной палкой о деревянный пол, - что сестра и племянница?! Они сами больные, и за ними самими нужен уход. Кстати, Валя была сегодня в церкви? - спросила она про свою племянницу.

- Нет, - не долго думая, солгал Бежан.

- А когда бывает, тоже не всегда заходит. Мне соседи сказали, проходит преспокойненько мимо, а ко мне не зайдет..? Старая я, и никому уже не нужна.

Упатроно - с груз. без хозяина.

- Ну, почему же, тетя Шура? Не говорите неправду, - воспротивился ей Бежан, - я сам свидетель, как она беспокоится и спрашивает о вас, и навещает время от времени, приносит кое-чего покушать.

- Да, конечно, так она внимательная и добрая, но, видимо, заходить ко-мне чаще не удастся, - не стала перечить гостю тетя Шура.

А вот Зоя, соседка со второго этажа, смотрит за мной, то горячего борща или супчика принесет, то кашки, пенсию приносит на дом. Все делает, что ни попрошу. Ну, как после этого портить с ней отношения из-за балкона и из-за этой злосчастной сточной трубы? Она и ее дочка Лия очень мне благодарны, и говорят, что всю жизнь не забудут этого добра и будут за меня молиться.

«Она ведь им продалась за тарелку борща, - вспомнил Бежан реплику Вали в одной из бесед с ней, по поводу верхних соседей тети Шуры, - сама разрешила им протянуть такой длиннющий балкон над головой, а теперь хочет, чтобы я с ними разбираюсь».

- Они мне этим своим балконом солнечный свет загородили. Что же мне делать, раз они человеческого, доброго языка и слова не понимают, а ругаться и драться с ними я не могу. Он мне не разрешает, - указала тетя Шура на икону Спасителя. Я и сама не люблю ругаться, тем более с соседями спроси, кого хочешь, я ни разу ни с кем во дворе не ссорилась и всегда старалась всем делать только добро. За это меня всегда и везде любили, и дома, и на работе.

- О-о, - протянул Бежан, - да вы счастливый человек, тетя Шура. Такое удастся далеко не каждому, - похвалил ее Бежан.

- Вот, помню, случай на работе был, один наш сотрудник, Шалико, крупно поспорил с нашим директором, Ильей Григорьевичем, ай, какой золотой человек был, да и Шалико был не плохой. Я подошла к Шалико и что-то спросила, нарочно, чтоб поубавить его пыла, отвлечь от спора с нашим начальником

и тем самым спасти, его, но Шалико как-то грубо от меня отмахнулся, что не укрылось от внимания Ильи Григорьевича.

- Ты кому так ответил?! - воспользовался он промахом Шалико. - Шура?! Вот только за это иди и сейчас же пиши заявление об уходе. Тут я расплакалась и принялась умолять Илью Григорьевича, чтоб он не выгонял Шалико, и стала перечислять все его заслуги, я ведь была тогда и членом партбюро нашей типографии.

Шалико уверял, что уходит не из-за меня, я просила и его, и начальство, но ничего изменить не удалось. Вот так меня любили и на работе.

Неожиданно, мимо беседующих, пулей пронесся пушистый серый сиамский кот и выскочил в приоткрытую дверь во двор.

- Максимка! Смотри-ка, опять валерьянку утащил?! - растрожилась тетя Шура.

- Как, за ним такой грешок наблюдается?

- Еще какой, как только учует запах валерьянки, ко мне за ней бросается.

- Валерьяночку чует, а мышей нет? - удивился Бежан. - Наркоман несчастный, за валерьянкой охотится?

- Шура у вас валерьянка в таблетках была? - поинтересовалась из-за двери Рита.

- Была, - подтвердила тетя Шура, - я ее вот только давеча приняла и оставила на столе, забыла поставить в сервант.

- Так вот она, ваша валерьянка, забирайте! - протянула соседка тетя Шура пузырек, едва удерживая смех.

- Ты представляешь! Так это он всегда ее у меня ворует?!

- Друг семьи! - пошутил Бежан.

- Шура, ну как, пришел твой Бежанчик, ты про него сегодня меня спрашивала?! - поинтересовался Мурад, просовывая голову в зазор двери.

- О-о, Мурадка, ты как раз вовремя! - обрадовалась тетя Шура.

- Входи, пожалуйста, хочу попросить вас с Бежаном ровно

установить холодильник, а то он у меня чего-то заваливается и дверце не закрывается.

Мурад с готовностью отозвался на просьбу, и вскоре они с Бежаном двигали холодильник из стороны в сторону.

- Гляди, Бежан, что творится с полом! - указывал взглядом на зияющие сквозные дыры в полу Мурад.

- Вот откуда лезут сюда мыши! - воскликнул Бежан.

- Да, в такие дыры и слон, наверное, протиснется!

Напрягаясь, переругиваясь со спящей и мешающей тетя Шурой, мужчины отодвинули-таки холодильник в нужную сторону и, накрыв дыры в деревянном полу кусками жести, после нескольких неудачных попыток, установили-таки его на прежнее место и плотно закрыли дверцу.

- Ой, мои золотые, - с радостью воскликнула Шура, - как я вам благодарна! - и, бросившись складывать в холодильник его содержимое, облила себе борщом ноги.

- Шура, - сукин сын! Отойти от холодильника, - взревел матом Мурад, - куда ты спешишь, мы что сами не сможем все сделать?

- Прекратите сейчас же! - потребовал Бежан. - Как вам не стыдно, так кричать на нее!

- Не надо, Бежан, ссориться, я не обижаюсь, спасибо ему, что помог холодильник установить!

- Шурочка, родная ты моя, ты ведь знаешь, что я не со зла! - рассмеялся Мурад.

«Ничего себе любовь?» - подумал Бежан.

- Ну, ладно! Пошли домой, - зашла за Мурадом его жена Венера.

- Чудик этот Мурадка, - улыбнулась ему вслед Шура. - Что правда, то правда, а соседи у меня во дворе все замечательные, - чуть не прослезилась она.

- Уж больно пестрый народ, тетя Шура, - заметил Бежан, - и по возрасту, и по уму, и по настроениям.

- О-о! Это да, - согласилась тетя Шура, - в нашем небольшом дворе с двух этажными домиками старой постройки найдешь людей всех возрастов, от младенцев до глубоких старцев, и многих национальностей.

- Не скажите, что вы здесь самая старшая, а тетя Шура?

- Нет, самая старшая Ламара, недавно мы ей юбилей справили, девяносто лет! Потом иду я, потом Маруся, ей восемьдесят пять. Бедняжку несколько лет тому назад хватил инсульт и теперь не может вставать.

- А кто же за ней смотрит? - поинтересовался Бежан.

- Сын, Мераб, приходит к ней, а так за ней женщина приставлена, - пояснила тетя Шура.

Измерив под конец беседы тете Шура давление и пульс, Бежан вскоре засобирался до следующего воскресения...

С наступлением зимы в город резко вставал вопрос отопления. Отапливались по-разному, кто как мог. Кто газом, кто электричеством, кто дровами, кто керосином. И лишь в нескольких разве местах можно было еще встретить пережитки прошлого, социалистической действительности, сохранившиеся в рабочем положении котельни, работающие под центральную отопительную систему.

Дешевле всего, конечно, было отапливаться газом, хоть он и унес жизни многих горожан, по вине неправильного использования их и газоотопительных систем, в течение последних пятнадцати лет. Кустарные печурки, нерасторопность пользователей, некачественность топлива были беспощадны к мерзнувшим людям...

Погиб от утечки газа даже премьер-министр страны, известный почти во всем мире деятель, опытный политик...

Одним февральским утром по улицам города на большой скорости, с ревом сирен и мигалками мчались привыкши к участвующим вызовам пожарные машины.

- Сюда, сюда, скорее! Там горит женщина, - встретил бригаду не менее резкий, чем во время сирены, голос женщины из толпы во дворе.

- Оставь, Рита, поздно! Бедняжку, Марусю уже не спасти! Наверное давно сгорела, - с плачем сдерживала ее Шура.

- Подожди, Шура, мы все равно попробуем, - крикнула Рита, увлекая за собой вглубь двора нескольких пожарных.

- Быстро разворачивайте систему и подавайте воду! - распорядился бригадир. - Двое, за мной!

Остальные трое в огнеупорных штормовках бросились по лестнице во второй этаж.

Все прибывавшая толпа с волнением ждала их возвращения.

Огонь подступал к лежащей больной все ближе и ближе. Мурад предусмотрительно разбил камнем стекла веранды и воздух отчасти поступал в горящую комнату.

Приоткрыв палкой дверь на веранду, больная с перепугу поднялась, но сразу упала и теперь ползком пробиралась сквозь огонь к окнам.

Она уже задышалась и не могла собраться с силами, чтоб позвать на помощь. Буквально зависшие в воздухе деревянные потолочные балки то и дело падали и преграждали ей дорогу.

Трое посланных ей на помощь пожарных волокли за руки и ноги своего попавшего под горящую балку бригадира.

Вскоре поступила вода из шлангов.

Борьба со стихией продолжалась более получаса. Во двор вынесли полностью обугленное тело Маруси.

Соседи вскрикивали, всплескивали руками, рыдали.

- Тетя Шура, вы живы? Не пострадали? - испуганно спрашивала прибежавшая с работы ее племянница Валентина.

- Я-то жива, а вот бедняжка Маруся сгорела, - захлебываясь сквозь слезы, отзывалась тетя Шура.

Водой залило несколько близлежащих домов, и их потом восстанавливали несколько месяцев.

Со смертью всеми любимой соседки в сознании оставшихся живых многое изменилось. По ночам подолгу не могли уснуть, мучимые встававшими перед взором страшные картины.

- Как же такое случилось, тетя Шура? - ужасался навестивший ее в очередной раз Бежан.

- Еще толком не знают, то ли от гнилой проводки, то ли от взрыва газа, - предположила тетя Шура, квартира которой лишь по счастливой случайности не пострадала ни от огня, ни от воды.

- До меня огонь все равно не добрался бы, а добрался, так Он бы его остановил, - показала она на большую икону спасителя, смахнула слезу, вспомнив погибшего сына.

- Что же с ним случилось и когда? - поинтересовался Бежан.

- Когда... как только началось это переходное, полное тревог и волнений время, будь оно неладно, а его жена с родителями переехала жить в Россию. Звала и Венеру с собой, а он не поехал, сказал, что не оставит мать одну. Она уехала, а он загрустил, приуныл, опускался на моих глазах, все ниже и ниже, стал пить, потом и бродяжничать, завел себе каких-то странных друзей и даже приводил их домой. Я ругала его за это, выгоняла его дружков из дому, не могла смотреть, как они с горя выпивают и губят и моего сына. Я теряла и потеряла-таки его. Обещал, обещал, что не оставит мать одну, а все равно оставил, - расплакалась тетя Шура.

- Лучше помолимся за него, - утешал ее Бежан.

- Все время молюсь, - отерла слезы тетя Шура, - только потеряла покой от того, что давно не была у него на могиле. Свозил бы ты меня туда летом, Бежан!

- Я бы с радостью, да как вас туда доставить по такому крутому подъему! Боюсь я, тетя Шура! Еще ушибетесь, а что и...

- Вот и похоронили бы меня рядом с сыночком.
- Ладно вам! Это тоже куда как накладно, - улыбнулся Бежан.
- Так что живите долго, пока не прибавят пенсию.
- И впрямь долго ждать, столько я уже точно не проживу.
- Почему, тетя Шура, вы что, проклинаете нас?
- Не проклинаю, но я знаю, когда...
- Тетя Шура, здравствуйте, я пришла за вами, собирайтесь и едем к нам, - раздался вдруг холодный голос ее неожиданно явившейся племянницы, Валентины.

- Не-ет, что ты! На кого я оставлю свой дом, - воспротивилась тетя Шура.

- Ох, да нужна кому ваша растрескавшаяся развалюшка! Поедьте, перезимуете у нас, а потом обратно домой. У нас тепло, уютно, и мне легче будет!

- Не-ет не могу...

- Ну, вот, жалуетесь что вам холодно, голодно, скучно... зову вас к себе, не едете! Но ведь и меня жалко, бегать между вами, сестрами, к тому же еще и свои дела, и работа.

Тяжкие и тщетные уговоры продолжались долго.

- Ну, что ж, дело ваше! - бросила на прощание разгоряченная Валентина.

- Не стоило все-таки так резко с ней под конец, - предположил Бежан, провожая ее до развилки.

- Ну, а что же делать, Бежан, когда она так упрямится!

- Счастливые, - подумал Бежан, при виде играющих в снежки детей, - беспечные! Им не до времени, в котором они живут.

Оглянувшись на слетающих с визгом и смехом на санках с пригорка малышей, он вдруг поскользнулся и грохнулся, вызвав еще большее оживление среди детворы.

Ему с улыбкой протянула руку молодая девушка, чтобы помочь подняться, в ответ, на что он в растерянности покачал головой:

- Если б я не упал, то непременно кинул бы в вас снежок, а вы мне за это протягиваете руку?

- А вы не догадались, почему вы упали? - улыбнулась ему в ответ девушка, продолжая свой путь вверх по улице.

Бежан приподнялся, смахнул снег с пальто, отбросил ушанку и долго смотрел вслед удаляющейся девушке:

- Нет, что ни говори, а они куда человечнее, чем мы, мужики... - продолжал свой путь вниз по улице.

Резвящаяся вокруг детвора живо напомнила ему уже не очень близкое детство.

Все громче звучащее пение и перекличка птиц настойчиво напоминали о неотвратимо приближающейся весне.

Забот прибавилось и у них, и у людей.

В деревнях пахали, в основном вручную. Колхозы, совхозы и обслуживавшие их сельхоз техника были разграблены, а что-то оставшееся приведено в негодность.

В невидимую работу включилась и пробудившаяся природа. Бежан принес несколько цветущих веточек от плодовых деревьев:

- Вот, поглядите, тетя Шура, какая красота! Просто чудо вершат растения, не доступное человеку, даже самому гениальному!

Ставя веточки в банку с водой, Бежан вдруг удивленно воскликнул:

- Вау! А это кто и откуда здесь взялся?

- Да вот, сам пришел! - бросила тетя Шура взгляд на прикорнувший на кушетке за мутаклой бело-коричневый комочек.

- Пусть поживет у меня, с ним веселее!

- Красивый котик. Вон как глазки блестят!

- Назибролой я назвала, хрусталиком нежным. Но странно, не ест ничего, кроме хлеба и воды. Не знаю, что сделать...

- Надо у Вали спросить.

- У Вали! Валя в Россию ехать собралась. Готовит документы, паспорт и визу. А тебе она ничего про это не говорила?

- Говорила давно, что хотела бы, но конкретно не уточняла. Нужно будет сходить, разузнать.

- Верно, надо бы!

- Самое время было появиться Назиброле, - подметил Бежан.

- Да, все время она рядом со мной, на кушетке. И мышки больше не копошатся! Такая чуткая, внимательная, в глаза мне смотрит, старается угодить. Уляжется возле моих ног и мурлычет.

- О-о, так это очень хорошо! Она у вас отрицательную энергию забирает, - пояснил Бежан, - говорят, там, где кошка, там не бывает врач.

- Какое там! Вот у меня сейчас с левым глазом неполадки.

- Ва-а! Я вас как-нибудь в поликлинику свожу.

- Нет, куда мне так далеко выходить! Пускай, - махнула она рукой, - один глаз видит, и на том спасибо!

- Ну, как же так можно, консультация офтальмолога все равно нужна, - настаивал Бежан.

- Вот есть у меня врач, Венера, и довольно. И за давлением моим следит, отпаивает ноотропилом и цинаризином.

- Тетя Шура, покушать у вас есть что? Может, подбросить?

- Да есть, спасибо! Я прошу в молитвах дать мне хлеба насущного, и он дает, милостливый мой. Когда есть хлеб, я не голодна, благодарю Его и, прежде, чем съесть, целую.

- О-о, совсем как Назиброла, - рассмеялся Бежан. - Ну, ладно, тетя Шура, раз вам больше ничего не надо, пойду я к вашим.

- Привет, Валя, - поздоровался Бежан через несколько минут с племянницей и сестрой тети Шуры, - ну, как вы?

- Ну, как... сегодня опять приходил врач, жидкость из легких доставали, - почти шепотом рассказала Валя, - лежит теперь в комнате ослабшая.

- Я слышал, ты в Россию уезжать собралась?

- Да, хочу. Вот выправлю документы, съезжу, и к внукам, и дальше к сыну.

- Как он там?

- Не работает, попивает, тоже надо как-то спасать, какой ни какой, а он один-единственный у меня.

- Да-а, вот что делает с мужчинами неудача в любви ...

- Ай, оставь! Говорила я ему, не возвращайся к ней, послушался, - оттерла она слезу.

- Не стоило его, наверное, в прошлый раз привозить с собой из России, - предположил Бежан.

- Ну, а как там было оставаться без паспорта? Правда, и здесь все обернулось не так, как хотелось: работы нет, дружки так себе. В общем... Может, привезу сюда...

- Опять?! Оставь ты эту затею, видишь, не ладится у него здесь ничего. Всем нам тут трудно устроиться на нормальную работу. Нервотрепки тебе не хватает?

- А что делать? Не пропадать же ему. Что он мне, не сын, а кто-нибудь?

- У тети Шура какие-то проблемы с левым глазом, нужно будет привести к ней врача, - вспомнил Бежан.

- Ой, эти ее проблемы! Говорю ей, не слушается, а проблемы на мою голову. Ты знаешь, что она делает? Пьет по утрам ноотропил и запивает его большими чашками кофе.

- Да что ты! Без кофе жить не может... Поговорил бы ты с ней...

Допив свой стакан фирменного чая «Каркаде», Бежан попрощался с Валей.

Он спускался вниз по улице мимо длинного ряда гаражей и наслаждался свежестью пробуждающейся весны. Это время года

он, пожалуй, любил больше всего. Оно заражало его природой, небесной энергией. Вдоль дома громоздились груды мусора, и ему припоминались жаркие, но не принесшие ни малейшего результата призывы, выступления и манифестации зеленых и гринписевцев.

Пьянящий аромат бразильского растворимого кофе «PELE» кроме того, что повышал давление еще и бодрил, поднимал дух, освежал, придавал сил, необходимых для движения и преодоления одиночества.

Александра вдыхала пары и аромат только, что заваренного, горячего кофе, когда ей послышался стук во входную дверь.

- Тетя Шура, у вас что, звонок не работает? - раздался веселый и бодрый голос Бежана.

- Ой, пришел таки, а я уж думала, - расплакалась тетя Шура, - он поссорился с Татой, а я тут при чем? Неужели так и не придешь из-за моей сестры?

- А что случилось, тетя Шура? - поинтересовался Бежан.

- Она мне все рассказала, - не успевала вытирать слезы тетя Шура, - сказала, что даже муж никогда так не кричал на нее, как Бежан. К тому же еще бил по столу и стучал кулаком.

- А-а, - спохватился Бежан, - зачем было вам говорить об этом? Мы бы сами все уладили...

- Не знаю, не знаю, она очень обижена!

- А на обиженных воду возят!

- А что же все-таки случилось?

В прошлое воскресенье после вас я зашел к ней. У нее была ее давняя подруга, соседка. Они так мило беседовали, что ей было не до меня. А в понедельник вечером она мне звонит и сообщает, что Валя из России просила заплатить за телефон. Я попытался уточнить что-то насчет квитанций, пошла перебранка насчет

наличности и дефицита времени. Она разобиделась и заявила, что ничего от меня не хочет. Бросив все срочные дела, я с другого конца города помчался на их телефонную станцию, там уладил кое-какие недоразумения, заплатил из своих и вечером положил ей на стол оплаченную квитанцию. Тем не менее она продолжала ворчать и брюзжать.

Возможно я и повысил немного голос, но кричать не кричал. Просто, громко говорил, ну, как с вами и с моим отцом, потому, что вы плохо слышите. Выходит, я кричу на нее, а хорошего ничего не делаю.и тем более не стучал по столу.

- Прости ее, старую и больную...

- Вы тоже больны, но от вас я никогда упреков не слышу.

Когда я иду вниз из церкви, то домой мне надо сворачивать направо, а я всякий раз уклоняюсь налево, чтоб зайти к вам, а потом и к ней. Как вы думаете, мне это нужно? И да, и нет! Но я, конечно, огорчаюсь тем, что она забыла то доброе, что я для нее делал целых шесть лет подряд!

- Не говори так! - всполошилась тетя Шура, - все, что мы делаем, делаем для Него, и все, чего не делаем, не делаем для Него, Творца наших душ. Так что не переживай, Бежан, вот приедет, как говорится, барин, Валя, она вас и рассудит.

- Она мне не барин, - подправил Шуру Бежан, - служить я стараюсь только Ему, людям делаю, что могу, а чего не могу, того и требовать с меня не надо.

- Ну, конечно, у тебя свои дела, свои проблемы, - согласилась тетя Шура, - и я молюсь за тебя. Шутка ли, свою жизнь достроить до сих пор не сумел, а за других бегаешь и помогаешь.

- Шура, я тебе горячей ухи принесла, - порадовала забежавшая соседка.

- Ой, спасибо тебе, Зоя!

- Откуда у нее в такое тяжелое время осетрина в ухе? - удивился Бежан.

- А она обрезки на рынке покупает. Прекрасные! Вкусно, полезно, питательно и, что самое главное, дешево!

- Да, тетя Шура, здорово тут, как я погляжу, устроились!

- Шура, сегодня последний день масленицы, вот попробуй горячих блинов,- завернула другая соседка, Рита.

- Тетя Шура, вот лекарства я вам принесла, хорошие, которые я вам обещала, - зашла и Венера.

- Шура, сукин ты сын, как ты а, еще живая? Так позавчера напугала, - с шумом ввалился вслед за женой и Мурад.

- Спасибо, Мурадик, - обрадовалась тетя Шура, - спасибо, золотой, ты мой спаситель.

- От чего это он вас спас? - поинтересовался Бежан.

- Как, она тебе еще не рассказала? - удивился Мурад. - Плохо с сердцем ей стало, до скорой не дозвонился, позвонил в пожарную команду, и ребята связались с кардиоэкспрессом, специальной кардиологической службой помощи. Так вместе с ними прикатила и пожарная машина, а за ней и патруль. Что тут было!Мать родного дитя бы на руки не взяла!

Тетя Шура согласно кивала и что-то потягивала из чашки.

- Что ты пьешь, Шура? - насторожился Мурад.

- Кофе, но остыл уже!

- Так врач же тебе запретил, сукин сын!

- Прекрати, Мурад, так обзывать Шуру! - шлепнула его по руке Венера.

- Так я же любя, не правда Шура?!

- Прекрати, дурак, прекрати!

- погоди, Шура, я принесу немного того, что тебе можно! - направился Мурад к входной двери.

Вскоре за столом собрался чуть не весь двор, от мала до велика. Приковыляла и самая старая жительница двора, девяносто летняя, длинная и тоща Ламара.

- Это твоей Назиброле корм. А кстати, где она?

- Пугливая она у меня, диковатая, боится людей. Вот и рванула во двор.

- Ну! В наше время так и надо, - подметил Сурен, ближайший сосед тети Шуры по этажу.

- А почему мы не так, а? - подбоченился Мурад.

- Эй, Мурад джан, мы другое дело, сколько лет живем вместе. Всякое, правда, бывало, но все равно, видишь, водой на не разольешь.

- Ну, как за это не выпить!

Чокнулись, дружно расхвалили вино Мурада. Подняли тост за Шуру:

- Ну, Александра, бывай, сукин сын и знай, что ты, мой самый любимый сукин сын на свете!

Затянули песню, расчувствовались, вспомнили о глобальных мировых проблемах и о собственных неурядицах. Особенно недоумевали по поводу кассовых аппаратов, которыми грозились обставить всех рыночных торговцев, к их страху и ужасу.

Шура кивала всем, улыбалась и, видимо, в душе ликовала.

Бежан, как человек со стороны, тайком присматривался к лицам, и нашел, что самым прекрасным было лицо тети Шуры.

«Любовь к людям делает человека не только счастливым, но и красивым».

Вереница жарких дней знойного лета разбрасывала горожан по разным спасительным местам, кого на море, кого в горы, кого за город, а кто довольствовался относительно прохладными уголками в самом городе.

Оставшиеся активно пользовались кондиционерами, вентиляторами, сквозняками, при возможности прохладительными напитками, дешевыми в это время года дынями и арбузами.

В обнимку с одним из таких арбузов Бежан пробирался переулками к тете Шуре.

Близ дома заметил жалобно мяукающую Назибролу.

- О-о, привет Назиброла, ты чего? - опустил арбуз на тротуар и наклонился над своей уже приятельницей:

- Что маленькая, что случилось? Неужели поссорилась тетей Шурой?

- Да, подтвердила его предположение уже тетя Шура, - убирать за ней все чаще приходится, а за самой нужно присматривать, - поплакавшись, согласились оба.

Шура благодарила за арбуз, склоняла Бежана к примирению с ее сестрой и племянницей.

- Как же я могу это сделать, тетя Шура, если Валя не желает меня даже слушать? А помните, вы еще говорили, что вот приедет барин, барин нас рассудит. Барин-то приехал вот уже несколько месяцев тому назад, а рассудить нас не рассудил.

- Да! Ей Богу, не ожидала. А что она говорит?

- А что говорит! Говорит, что не хочет слушать разборки. У самой проблем по горло. И у меня их хватает, а я не раз слушал ее часами, как спорили ее сын с ее матерью!

Мы православные должны слушать и слышать друг друга, и Господь Бог за это услышит нас.

- Да, это верно. Прости их, болезни одолевают бедняжек.

То и дело забегали соседки, что-то приносили, о чем-то осведомлялись.

Выходя со двора, Бежан, встретил раздосадованного на жену Мурада. Он рвал и метал на всех женщин мира, находя в Бежане явного единомышленника.

- Так ты не видел ее? Не знаешь, где она? - уточнял у Бежана Мурад.

- Мурад, откуда мне знать, где твоя жена? - слукавил Бежан. - Узнать бы, где сейчас моя!

- Как? Так ты, стало быть женился?!

- Нет еще, но по той же причине, что не знаю, где она!
- Вот сучка, где же она прячется, когда я нуждаюсь в ее
присмотре?!

- А ты будто бы в первый раз постиг их нрав. Они исчезают,
когда нам нужны, и появляются, когда мы этого не желаем.

- Слушай, какой ты молодец, а! Прямо мудрец! А я-то думал,
что только сам это замечаю!

Деревья понемногу скидывали свой летний наряд. Золотая
осень правила в городе, окрашивая все вокруг в свой мягкий цвет.
Александра любила эту пору больше всех остальных.

Сейчас, в теплый осенний вечер, она, с покупками в одной
руке и с неразлучной деревянной тростью в другой, медленным
шагом поднималась вверх по улице, по которой бегала и ходила,
вот почти девятый десяток лет. Вспоминала родителей, очень
рано скончавшегося мужа, сына. Горбилась, двигалась тяжело, с
горечью думала, не последняя ли это ее вылазка за покупками.
Особенно тяжелыми были мысли о сыне. Упругий ком
настойчиво подступал к горлу. Она споткнулась, не сумела
сохранить равновесия, подалась вперед, уронила поочередно
палку, а потом и сумку, содержимое которой покатило вниз по
спуску.

«Сыночек, Валерик, помоги!» - успела крикнуть перед тем,
как упасть ничком и потерять сознание.

- Не бойся, мама, я Валерик, я здесь, я с тобой! - очнулась она,
отчетливо и явно услышав его голос.

- Неужели это ты? - в полусмятенье спросила поднимающего
ее молодого и крепкого мужчину.

- Ну, конечно же я, мама! Кто же еще? Взгляни, если не
веришь, - все слышнее и узнаваемее звучал голос.

- Господи, неужели? - тяжело поднялась она.

- Да, мама! Да...

- Но ты ведь давно скончался, и бросил меня одну, - хлынули из глаз Шуры слезы.

- Я не умер, мама, я жив, и я никогда не бросал тебя! Не плачь, - отирал он ей слезы.

Мать, не веря глазам, ощупывала его, убеждаясь в очевидности происходящего.

Она не чувствовала ни боли от падения, ни тяжести в ногах, ни колотья в боку, а поразительно легко поднялась и быстро двигалась рядом со спутником. Вздох рассказывала про трудности в его отсутствие, а он делился с ней тем, что испытал и пережил сам.

Он прошелся по дому, заметил кое-какие неполадки, подбил ножку кровати, укрепил зеркало на стене, выпрямил перекошенную дверцу шкафа, настроил телевизор, залил цементным раствором щели и пробоины в полу и стенах, даже под холодильником, переделал еще множество мелких дел, а к вечеру попросил немного денег и некоторые свои документы.

Мать сияла от счастья, перемыла и высушила всю его одежду и утром повесила ему на стул. Управившись с хлопотами, спать легла только под утро. И уже в полудреме вновь услышала голос сына:

- Мама, я ненадолго уйду по делам.

- Не уходи, - простонала она, все глубже погружаясь в сон.

Пополудни ее разбудил сильный стук в дверь.

- Шура, сукин сын, ты живой? - ввалился испуганный Мурад.
- Мы же беспокоимся за тебя а ты?!

- Живой, живой! Проходи!

- Это твоя палка?

- Моя, а где ты ее взял?

- Там, где ты ее вчера вечером оставила, а вернее бросила или уронила! Посередине улицы! Хорошо, что никто не подобрал и не унес, а то ведь знаешь какое время сейчас, а вот и твоя сумка, и покупки. Сам утром собирал. Как и что с тобой случилось?

- Сам знаешь, давно я на улицу не выходила. А вот вчера вышла. Спасибо тебе, что принес... А домой меня вчера довел мой сын.

- Какой сын? Что с тобой? С того света, что ли?

- И пробыл у меня до самого утра...

- Тетя Шура, что с вами? Мы места себе не находили! - прибежала и растревоженная Венера.

- Посмотри, какая у нее рана на лбу! И ушиб! Обработай их, а я пошел по делам, - поручил Шуру своей жене Мурад.

- Ага иди и скоро возвращайся, - согласилась Венера.

«Сдвиг это, что ли? - недоумевал дорогой Мурад. - Этого еще не хватало».

Вернувшись, он застал Шуру с перебинтованной головой, в окружении соседок, которых она убеждала, что у нее вчера ночевал ее сын.

Вскоре весь двор шушукался о том, что не поехала ли у тети Шуры крыша. Явилась и Валентина, с трудом и ненадолго убедившая тетку, что за сына она приняла Бежана, которого она тоже успела предупредить о случившемся по телефону.

«Они думают, что я сошла с ума, - оставшись одна, обращалась Шура к фотографии своего сыночка, - а между тем с ума сошли они сами... А кто мне вчера переделал столько дел?

Она всматривалась в зеркало, в дверцу шкафа, рассказала про все заглянувшему Бежану, который брал на себя роль ее сына до самых тех пор, пока она не забросала его прощупывающими вопросами.

Так или иначе, соседи сошлись в общем мнении, понемногу стали сторониться ее и избегать долгого общения.

Бежан пытался взять с нее обещание, что она не будет впредь возобновлять разговор о сыне.

Но никакие уговоры и убеждения не действовали, она упорно стояла на своем, даже когда формально, внешне соглашалась с версиями близких и соседей. Не соглашалась и переезжать на

время к племяннице и сестре, поддерживаемая радостью от появления и, увы, исчезновения сына.

Настоящая зима со снежными покровами на окольцовывающих город горах, навевала на него холод, хоть по - настоящему в него еще не пробралась. Но, так или иначе, он жил уже в зимнем режиме. Холод чувствовался во всем и везде, в домах, на улицах, в самих людях. Спасались напяленным множеством одежек и быстрой ходьбой.

Бежан часто прибегал к этому методу и не любил останавливаться на улице по какой-либо причине, хотя бы по той, по которой остановил его сейчас высокий худощавый человек лет за шестьдесят, изможденный, но высокомерный.

- Здорово, приятель, куда так торопишься?

- Да вот, тут неподалеку, к одной старушке, тете Шуре, если знаешь такую!

- Так кто же ее здесь в околоте не знает? А ты кем ей приходишься?

- Да никем, просто знакомым!

- Значит, просто знакомым? Ну, а меня ты знаешь?

- Нет, - помялся Бежан.

- Ха-ха-ха! Видите ли, он меня не знает! Каждая собака вокруг знает, а ты чего-то сплеховал? Я тебя, стало быть уже давно знаю, а ты меня нет! Почему? Не скажи, что первый раз видишь!

- Простите, да, - попробовал отшутиться Бежан.

- Постой, кому говорю? Вправду, что ли, шифер поехал, что не знаешь, с кем говоришь?

- Не-ет, простите, - чуть боязливо помялся Бежан.

- Да ты что, парень, и вправду очумел? Раскрой глаза и присмотришься получше. Я ведь бегемот, - и вправду как бегемот,

разверз пасть собеседник, не торопясь сомкнуть ее и повторил прием три раза подряд.

Бежан стоял молча, обескураженный и сбитый с толку.

- Что будешь пить? - сурово спросил собеседник.

- Простите, но я вообще не пью.

- Что будешь пить, я сказал! - еще суровее повторил вопрос собеседник.

- Я не пью, у меня язва, - к счастью вспомнил Бежан свой залеченный год тому назад недуг.

Человек-бегемот бросил на Бежана грозный взгляд, но вдруг, неожиданно для него, умерил свой пыл, протянул для рукопожатия руку и даже чмокнул в щеку.

- Прости, дружище, я же не знаю, - извинился он.

«Ага, с моей оплатой за выпивку», - подумал Бежан, отходя от назойливого собеседника.

- Ничего, бывает, - добавил он вслух.

- Если к тебе кто-нибудь здесь пристанет, скажи, что ты меня знаешь, понял?

- Понял, спасибо! - поблагодарил Бежан и поспешил чуть не наутек.

- Тетя Шура, что это крокодилы и бегемоты завелись в вашей округе? - вскоре спрашивал он, пересказывая подробности недавней встречи.

- А кто их знает, у нас таких теперь столько завелось, да и не только у нас. Люди озверели, и естественно в ход пошли звериные клички.

- А зверей стали, вроде вашей Назибролы, называть человеческими именами? - расхохотались оба.

- А как поживают ваши крысы и мыши, тетя Шура?

- Как! Лучше всех. Вот купила себе картошки целых сто килограммов, для себя и, похоже, для них.

- О-о, - протянул Бежан, - будьте осторожны, тетя Шура, это очень опасно. Помню один мой сотрудник, уже давно, погиб от

гепатита печени, вызванного инфекцией, от мышинных выделений. Скоропостижно, тогдашняя медицина ничем не смогла ему помочь.

- А я не боюсь. Я всю жизнь провела с крысами, и на работе, во время и после войны, и дома. Так что в моем организме давно уже выработалось противоядие. Другое дело, что объедают. Ну, и черт с ними, сколько они съедят?

- Шура, сукин сын, - продай мне, пожалуйста, тридцать килограммов картошки, - попросил неожиданно появившийся в дверях Мурад, - зачем тебе столько?

- Как зачем? - удивилась тетя Шура. - Впереди вся долгая зима и начало весны, когда нечего будет есть. К тому же, я ведь не только для себя ее купила?

- А для кого же еще? Крыс откармливать и распространять по всему двору? Да я на тебя, сукин сын, жаловаться буду!

- Позволь мен знать для кого! Для меня и для моего сына, который обещал вернуться.

- Ау!.. - протянул Мурад, обращаясь взглядом к Бежану. - Опять она понеслась не в ту степь. Ну, ладно, Шура, со мной на эту тему... Поговори лучше с Бежаном, а я побежал. Придется все-таки тащить картошку с базара.

- А зачем с базара, когда ее сюда возят на специальных тележках и тачках.

- Жена говорит, что на базаре дешевле.

- Ай, подумаешь, дешевле, на каких-то десять тетри!

- Десять тетри на сто килограммов, это вам уже десять ларей!

- А на дорогу не надо?

- Ну, ладно, бывайте, - попрощался Мурад, затворяя за собой дверь.

- Ой, что-то опять голова разболелась, - пожаловалась Шура, - Бежан, сынок, измерь мне, пожалуйста, давление.

- Вот, видите, повышенное, и пульс учащенный... где наш любимый корвалолчик?

- Вот спасибо тебе, мой золотой... Это все из-за этих газовиков. Пришли требовать платежа по полной. А откуда у меня столько денег сразу?

- Как? А льготы?

- Ай, Валентина, видимо, не сдала документы, иначе у меня не было бы проблем с ними.

- Как не сдала? Сдала! Поищите хорошенько и покажите мне.

- Нужно подождать, пока льготы поступят на ваш счет. А пока ничего платить не надо.

- Как же не надо? А вдруг перережут! Ребята сказали, что не хотят из-за меня терять работу. И официальное требование оставили. Вот!

- Ничего не перережут! Не открывайте им, а попросите соседей заступиться.

Оказалось, что в этом году Бежан застал Шуру у себя дома в последний раз.

- Она позвонила своим и попросил ее забрать, - сообщила ему Рита. - Холод ее донимал, и бронхит очень обострился. Да и инкассаторы напугали. Так что Валентина увезла ее на такси, и, видимо, она пробудет у них до конца зимы.

«Да вряд ли. Очень уж она любит свой дом», - сомневался Бежан, неторопливо спускаясь вниз по спуску в центр города. И оказался прав.

Шура вернулась через полтора месяца, с наступлением самых первых теплых деньков, вопреки календарю.

- Там и без меня двое больных, и сын может здесь объявиться. Недаром то и дело вижу его во сне.

- Я ведь всегда вам говорю, что снам верить нельзя, - напомнил Бежан.

- Он здесь, он вернется, он обязательно придет! Он обещал, он ведь всю жизнь был человеком слова.

- Ай, опять бедняжку заносит! - отметил вполголоса, почти про себя, заскочивший на огонек Мурад. - Шура, брось уверять, что у тебя появляется сын, хватит этого вздора! Поняла?

- Ну, как же?! Если не веришь, отодвинь холодильник, и увидишь, что все щели и дыры, которые ты с Бежаном прикрыли жестью, залиты и заполнены цементным раствором.

- Да, но за это этот тип, пройдоха какой-нибудь, наверно или бомж, с тебя деньги взял из шкатулки!

- Не говори так про моего сына! Он всегда находил выход из самых трудных положений!

- Вот и сейчас нашел! Ловко у тебя с ночлегом устроился. Поел, отоспался за ночь, стащил из шкатулки деньги и документы твоего сына, нарядился во все чистое, и был таков!

- Неправда, денег он у меня не крал! Попросил, и я ему сама отдала, - уточнила Шура.

- Ну и, сукин ты сын, наивная же ты и упрямая. Не веришь тому, что говорят близкие, и веришь Бог знает кому. А может, это беглый преступник искал, где бы спрятаться, а тут ты подвернулась!

- Не-ет, - немного заколебалась Шура, но тут же снова обрела уверенность. - А его голос, его лицо, его глаза наконец... Нет, сердце матери не ошибется, - разрыдалась она.

- Ну, как хочешь... как хочешь! Блаженный верующий, - поднялся Мурад и затворил за собой дверь.

Утешения Бежана не произвели должного эффекта, и весь оставшийся день Шура провела в слезах, долго молилась, перебирала старые семейные фотографии.

Перед сном горячо зывала к иконам Спасителя и пресвятой Богоматери, затеплила перед ними и лампы и свечи.

Почувствовала на мгновение, что сердце вот-вот вырвется из груди и взметнется ввысь. Но тут же осознала, что то, что должно

было произойти с ее сердцем, произошло с ее духом. Ей послышался голос, уверяющий, что сын вернется, придет, не может не прийти и, умиrotворенная, она погрузилась в сон.

- Мама, я ведь тебе обещал, что вернусь, неужели ты мне не веришь?

Она долго видела и слышала его во сне. Верила этим словам, но и удивлялась, как могло произойти, что ее сын был похоронен на высоком пригорке городского кладбища, куда она столько времени не могла попасть, хоть и просила об этом у многих своих близких.

- Вернись, мой сыночек, - умоляла она. - Мне никто не верит, и все думают, что я сошла с ума...

- Не слушай их, мама! Пусть думают. Главное, чтобы ты верила, надеялась и ждала. Наберись еще немножко терпения, и увидишь... Только нам обоим нужно учесть наши прошлые ошибки, и все начнется снова, - утешал и убаюкивал ее голос сына.

Все последующие дни она размышляла над услышанными словами, старалась выполнить пожелания голоса. Чтоб получить для этого нравственную опору, пополнить духовные и физические силы, попросила Бежана отвезти ее в церковь и там исповедалась и причастилась святых таинств.

Священник, перед тем, как приступить к принятию исповеди, спросил ее имя.

- Александра! - гулко прозвучало под куполом, и потом еще долго, уже делая, отзывалось в ушах. - Александра Александровна...

Ранним утром Международного женского дня восьмого марта ее разбудил осторожный, но повторяющийся стук.

Она поспешила к двери:

- Кто это может быть в такую рань?

Отперев, с удивлением увидела молодую высокую женщину в пальто и меховой шапочке.

- Вам кого?

- Александру Александровну, - улыбнулась незнакомка.

- Это я, - растерянно прошептала Шура, - а вы кто?

- Здравствуйте, мама, - вспыхнуло радостью лицо незнакомки, но тут же из глаз ее покатались слезы, которые она ловила и отирала рукой.

- Вы меня не узнали? Валерик, подойди сюда, сыночек, - подозвала она ребенка, заигравшегося с котятками соседки Риты, привлекла к себе, мягко обняла за плечи.

Шура взгляделась в ребенка и в свою очередь разрыдалась: перед ней стоял ее сын, но еще не подросток, лет тринадцати.

- Неужели ты, Зина?

- Да, а это Валерик, ваш внук, сын Валерия. Валерий всегда, и даже в нынешних моих снах, настаивал на том, чтобы я с сыном вернулась сюда, домой, к его истокам. Пока были живы мои родители, воздерживалась, тем более, что и здесь было беспокойно, творилось Бог знает что. Сейчас я приняла решение, и вот мы здесь...

- Думаю, Грузия наша истинная родина...

- Но почему мне не сообщила, что у меня появился внук?

- Валерий знал, я ему написала.

- Знал? А мне не сказал? Но почему? - недоумевала Шура.

- Видимо, потому, что ни выехать к нам не мог, ни оставить вас здесь одну, да и я не могла оставить своих родителей, я ведь тоже у них была их единственная дочь.

- Понятно, почему Валерий так сильно пил. Впрочем, ты об этом знаешь. Откуда?

- Нет, мама, к сожалению знаю, у меня ведь здесь осталось много друзей... Но думаю, наша семья воссоединилась. Нас теперь трое, если, конечно, вы не откажетесь нас принять...

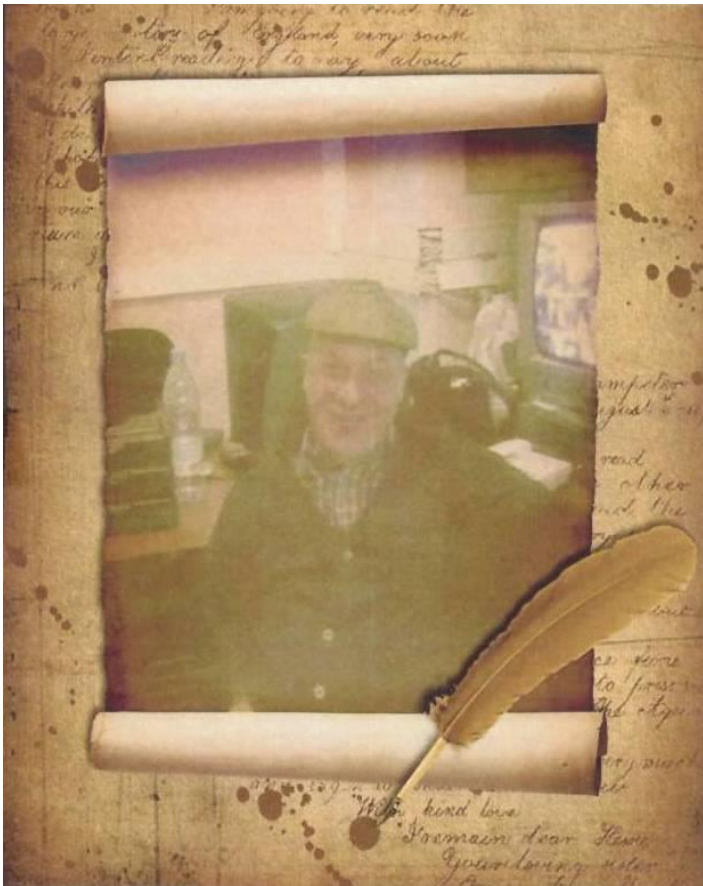
- Что ты? Что ты? Как это откажусь? - ужаснулась Шура. Она почувствовала вдруг прилив сил и энергии. - Я быть может, не умру от этой радости, и мы долго будем жить вместе и растить моего дорогого внука. Нам много нужно рассказать друг другу о прожитых далеко друг от друга годах. Да воздастся каждому по вере его, - вспомнила слова спасителя. - Так что, доченька, вознесем вместе молитву благодарности Творцу, за то, что он соединил нас.

- Шура, сукин ты сын, помоги, Венера меня бьет,- слышались вдруг со двора крики Мурада.

- Сейчас приду! - отозвалась им Шура. - Ну, вот, подождите немного меня, - увлекла она в комнаты внука с невесткой. - Сейчас я их приведу, дорогих мне.. вернее, теперь уже нам.. людей.

«Жизнь потекла, и продолжалась долго и счастливо.

17.03.2006 г.

САМСОН ПРОКОФЬЕВИЧ ГЕЛХВИДЗЕ

«Творческий портрет»

Начало творчества Самсона Гелхвидзе приходится на рубеж веков, когда на смену атеистического двадцатого века, о котором поэт Михаил Дудин писал:

Над прошлым - мрак,
Над будущим - туман,
Погрязло человечество в обмане...
Двадцатый век. Кровавый век.
Что ты наделал, человек?!,

приходил новый, двадцать первый век, первые годы которого ознаменовались массовым обращением народов к духовным ценностям, когда в жизнь врвались новые ритмы, образы, кумиры, когда вновь, уже в который раз, рвалась цепь, нарушалась связь времени.

Не раз отмечалось, как трудно в переходное время, как правило, полное смут и революционного отрицания старых устоев и порядков, да и общественно-политических формаций.

Для Самсона Гелхвидзе связь времен и в эти смутные времена не прерывалась, так как он до конца оставался приверженным извечным принципами и идеалами: любви и безвозмездному служению, ближним и Богу, которые выплескивались порой через край чаши его сердца и выливались искренние и исповедальные строки:

По-прежнему любовью болен
Ко всем и ко всему...

«Сплошное сердце гудит повсеместно»,... Эти слова Маяковского, редактор его первого поэтического сборника, член Федерации журналистов Грузии, Глеб Коренецкий, привел в

заглавии предисловия к нему, отмечая, что они, как нельзя более подходят для характеристики стихотворений и поэм Самсона Гелхвидзе, который в свою очередь признается своим читателям:

Поэзия - признание мое,
Мое предназначенье.

Тем не менее, ему все чаще советуют серьезнее заняться прозой, в которой он пробовал перо, начиная с 1983.

Возникает некое соперничество между прозой и поэзией, с которой он никак не может расстаться и часто признается себе, что стихи нередко побуждают его бодрствовать ночи напролет.

Известный русский поэт Георгий Иванов лучшие свои стихи писал во Франции, но для русских. Самсон Гелхвидзе живет и пишет в Грузии, и тоже для грузин и русских.

Ему не пришлось уезжать из своей страны, но она сама, на рубеже веков, эмигрировала из России. Несмотря на это, он сумел сохранить в себе ту часть России, на культуре которой рос, воспитывался и которую народу с грузинской культурой с любовью изучал и вбивал в себя с раннего детства.

Литературные связи двух братских православных стран, Грузии и России, срослись в нем на всю жизнь, являя в нем единый костяк всего его внутреннего естества, помогая смело и уверенно шагать по жизни.

Грузин по национальности, прихожанин одной из православных грузинских церквей Тбилиси, молится на грузинском языке, но пишет и мыслит по большей части на русском, и как часто добавляет к сведениям о себе, многие из его друзей армяне, и не только.

«И кто я сам, не знаю?!»-порой в шутку задается он вопросом словно передразнивая Чебурашку, из известного мультфильма.

Эти добавления, что и говорить, шутка, так как он прекрасно знает, кто он и для чего пришел в этот мир:

Я - овен из Христова стада,
Нашедший в прозе и поэзии себя.
Я - костер, зажженный ради службы
Идеалом мира и добра.

И с чувством большой ответственности отмечает:

Я вольный писатель, в ответе
За вольность письма своего.

Самсон Прокофьевич Гелхвидзе родился 26 мая 1958 года в городе Тбилиси, в семье служащего.

Родители его - инженеры путей сообщения.

Отец, - Прокофий Самсонович Гелхвидзе, участник Великой отечественной войны, прошел ее от начала до конца, строил и восстанавливал мосты. Он, заслуженный инженер Грузии, награжденный множеством орденов и медалей, с самого детства внушал единственному сыну (кроме него, у него еще три дочери) любовь к Родине, к труду и людям.

В послевоенные годы он работал на стройках Грузии, прошел путь от прораба до начальника республиканской ремонтно - строительной конторы, а перед уходом по возрасту на пенсию, был главным инженером треста «Грузплодоовощремстрой».

Мать, - Этери Александровна Курдадзе, воспитавшая четырех детей и четырех внуков, отдала много сил семье, но вместе с тем работала вплоть до пенсионного возраста, инженером проектно - сметной конторы Управления благоустройства Тбилгорисполкома.

Самсон рос и воспитывался в основном под опекой и теплой заботой своих старших сестер, сумевших с детства вложить в своего младшего брата теплые и мягкие чувства ко всему окружающему.

Сестры Пиери и Натела были старше него на двенадцать и десять лет, и их заботы и внимание Самсон в полной мере ощущал с двенадцати лет, вплоть до того, как они по очереди вышли замуж, а младшая сестра Нана доставляла ему не мало хлопот, и чуть ли не до замужества, любя трепала нервишки на пять лет старшего брата.

Детство, да и вся жизнь Самсона проходит в одном из известных, старых и именных районов Тбилиси - Нахаловке. Он любил играть в дворовые игры типа семь камней, казаки-разбойники, футбол. Гоняли на велосипедах, зимой на санках, сражались в снежки.

Лет восьми он увлекся, занимался в одном из городских шахматных клубов и к моменту своего совершеннолетия играл уже на уровне перворазрядника. Так же с восьми лет его часто возили в Крым, в Евпаторию, на рыбалку, приверженцем и любителем которой он оставался многие годы и лишь в последнее время за недосугом и материальными обстоятельствами отошел от любимого дела.

Серьезно Самсон взялся за учебу в школе только в седьмом классе и в последующие три года ему пришлось нагонять и накапливать знания, особенно по физике и математике. Принимает он активное участие в общественной работе.

В 1975г. Он с медалью (только с одной четверкой по русской письменному) окончил хорошо известную в городе русскую 9-ю среднюю школу и в том же году, продолжая семейную традицию, поступил на строительный факультет Грузинского политехнического института, который с отличием закончил в 1980г, по специальности промышленное и гражданское строительство (ПГС), с квалификацией инженера - строителя.

Начиная со старших школьных времен по сей день он регулярно получает грамоты победителя разных республиканских и всесоюзных олимпиад и конкурсов.

Работать по полученной инженерной специальности «Промышленное и гражданское строительство» Самсон Гелхвидзе начал в различных учебных заведениях и НИИ, и по ходу ее опубликовал 75 научных трудов и запатентовал 25 трудов и изобретений.

С 1982 г. параллельно с работой, он начинает пробовать перо в русской литературе, в поэзии и прозе, но свои первые рассказы и стихи вначале печатать не решается.

В 1986 г. вступает в ряды КПСС.

В 1989г. защищает кандидатскую диссертацию, утвержденную Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Совете Министров СССР.

В 2001г. становится членом поэтического клуба «Музыка слова», знакомится с литературными кругами, что придает ему больше уверенности в себе, и в 2002г. выпускает свои первые сборники стихотворений : «Таинство стихоисповедания, или исповедь в стихах» и рассказов: «Торговцы болью», содержащие написанное им в 1982-2001 гг.

В первых сборниках ясно просматривается путь его духовных поисков и испытаний, приведших под своды одного из православных храмов Тбилиси.

На этом пути родилось и пролилось много лирических и поистине исповедальных строф и строк о небе, поэзии, любви и сострадании к ближнему. Носитель сугубо земной профессии строителя, совершивший научные вклады в область техники и получивший ученую степень инженера, как оказалось, значительную часть своей жизни проводит ... в небе, - пишет все тот же член Федерации журналистов Грузии Глеб Коренецкий, - носимый крыльями вдохновения,а, может быть, и самим Мерани.

В разделе «Звуки сердца» проявилась вся его суть как поэта. Его медитации оказывают в первую очередь такие чувства, как любовь, сострадание, радость, общение с природой.

... И день за днем нанизываю, как на нитки,
Тебя зовущих слов чарующий каскад...

- читаем в его одном из ранних стихотворений «Агатовые бусы счастья» (1985) и в его другом стихотворении:

Я видел человеческие слезы,
Людское горе я испил до дна...

Смятенная душа поэта, долгое время смутно стремившаяся к высоким чувствам, к великим жертвам, получила успокоение, когда С. Гедхвидзе стал прихожанином одной из Тбилисских православных церквей.

Во многом его медитативных стихах заметно звучит небесная тема, и, по его мнению, поэтическое творчество тоже подсказано ему свыше и является божественным даром:

Поэт глубоко верит сам и убеждает читателя, что жизнь общества без соблюдения Заповедей - ущербна, неполноценна, а порой приводит к потрясениям и кризисам:

Сообщества людей без Бога не бывает...

Особое место у него начинает занимать раздумья об истоках вдохновения, творческих порывах, сущности поэзии.

Способность к искренней самоотдаче проявляется в его строках:

Я жертвовал собой себе на радость...
И в этом чувствовал свое я назначенье...

При чтении любовной лирики поэта бросается в глаза «стихийность» его творчества. В ней бьется полное «несгораемой боли», чувственное и преданное сердце.

В его поэтических сборниках много находок, неожиданных образов и метафор, а главное - светлых чувств.

В своем отзыве о первом прозаическом сборнике, о рассказах «Торговцы болью» журналист Инна Безирганова писала в газете «Свободная Грузия» (от 13.12.2002,N273) :

«Торговец болью» - первый сборник, в котором Самсона Гелхвидзе, по собственному признанию, пытается задержать «стрелю летящее время».

Герои его рассказов - наши современники, оказавшиеся волею исторических судеб в сложных социально-экономических условиях постсоветского пространства. Это тоже своего рода «потерянное поколение», если использовать известный литературоведческий термин. Оно тщетно пытается разобраться в своих отношениях с миром. Вспоминаются и лермонтовские строки: «Печально я гляжу на наше поколение, его грядущее иль пусть, иль темно». Наш современник испытывает похожие чувства: «Все-таки в жизни постоянно чего-то не хватало... и поиски этого неизвестного, недостающего.. приводили его то в ярость, то в усталость, опустошение и уныние вкупе с горечью безысходности и невозможности успеха этих поисков».

Герои Самсона Гелхвидзе не могут найти своего места в жизни, обреченные на метания, блуждания... Они слушают свой внутренний голос, много размышляют, философствуют, однако не способны испытать «социальный,

духовный оргазм», то есть освободиться, взлететь, ощутить полноту жизни, реализовать. Быстротекущее время, невозможность удержать мгновение, бренность бытия - осознание этого причиняет героям Самсона Гелхвидзе острую боль. В одном из рассказов появляется образ розово-голубого парусника - надежда... Но, увы, он проплывает мимо так быстро, что человек едва успевает осознать значение момента. «Мгновение бежит неудержимо, но мы ломаем руки и опять осуждены идти все мимо - мимо», - снова классик, на этот раз Гумилев.

Еще одна тщета, по мнению Самсона Гелхвидзе, - это взаимоотношения мужчины и женщины. Герои его рассказов, как правило, не могут обрести личного счастья, расстаются или просто нелюбимы своими избранниками.

Минорная интонация его рассказов отсылает нас к эпохе романтизма, ведь поэты и писатели той поры тоже испытывали острое чувство несовместимости с окружающей реальностью «И ненавидим мы, и любим мы случайно», - писал все тот же Лермонтов - поэт меланхолик, так и не сумевший примириться с жизнью.

Причина духовного тупика, в котором оказались герои Самсона Гелхвидзе, - социальная нереализованность. А еще - вечная человеческая проблема: невозможность обретения счастья на земле.

В своем предисловии ко второму сборнику рассказов, «Возвращение», выпущенном в 2004г. С. Гелхвидзе отмечает:

Сборник рассказов «Возвращение», как и ранее изданный «Торговцы болью», является составной частью одного большого сборника рассказов, именуемого «Рассказы молодости», которые были написаны автором в основном за 1982-1998 годы и которые являются его попыткой задержать, хоть бы на одно мгновенье, на один миг, стрелюю летящее время.

В рассказах сделана попытка передать читателю через своих героев те настроения и чувства, которые мог бы испытать каждый из нас, если подобное нами уже не было испытано. Ведь каждый человек носит в себе вселенную и, в то же время, сам является мельчайшей частичкой этой вселенной.

И в каждом человеке сидит каждый человек.

Известно - чтобы познать человечество, достаточно познать одного человека, и, наоборот, чтобы познать одного человека, нужно узнать человечество.

Часто встречается любимый жанр - «бессюжетные» рассказы, или, как он их называет, ознакомление с теми тонкостями и нюансами человеческих чувств и переживаний, которые часто граничат с его глубоко интимными, эзотерическими переживаниями.

Описанные в сюжетах рассказы и истории, как и их герои, часто представляют смесь событий и персонажей, встречающихся нам в реальности, виртуальном,

априорном, возможном, воображаемом... и других мирах.

Некоторые читатели считают его рассказы автобиографическими. Но, это неверное видение попытки и желания как можно ближе и явственнее предложить читателям пережить, все испытываемые его героями чувства.

Но, пожалуй, если говорить о самом главном назначении и цели творчества автора, - эта та красная нить, которая тянется и пронизывает все его творчество, - это отношение людей друг к другу и к Богу.

«Жизнь без Бога - ад», - считает автор и пытается показать в своих рассказах в какие сложные и далеко неординарные ситуации попадают герои, сбившиеся с единственно верного пути - тропинки, ведущие к Богу, которая пролегает через Церковь.

Всю свою «сознательную» жизнь мы, люди, ходим по мучительным и изнурительным кругам, придумываем сами себе некий мир, подвергаем себя всевозможным испытаниям и терзаниям, выдумываем разный «новый велосипед», тогда как все уже давным-давно изобретено и сказано. «Я - свет миру, кто последует за мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Иоанн, 8, 122), - говорит Господь Бог.

Мы же, люди, часто следуем не за Ним, а друг за другом или вовсе за самим собой, на поводу у своих земных желаний, умонастроений, чувств, страстей. И, как правило, как итог, - часто заходим не туда, куда нужно и необходимо нашей душе для ее спасения и воскресения. И когда оказываемся в безвыходном положении, тогда начинаем звать на помощь людей, которые часто не в силах нам помочь, а иногда и вовсе не отзываются на наш зов.

Во многих рассказах автора звучит, хоть бы мельком, звон колоколов, призывающих, зовущих героев к себе, в Церковь, к тому единственному спасительному кораблю мирян, который способен вывести их из самых сложных, запутанных и опасных для жизни и здоровья ситуаций.

В нашем сегодняшнем сложном мире человеку нетрудно затеряться и потерять себя и то доброе начало, которое изначально было в него вложено Богом. И в таких случаях очень важно бывает вернуться к самому себе, к своему началу, к своим истокам, и возвращение это возможно только с помощью Бога и Церкви.

В заключении отмечает, что более опытному писателю, возможно, лучше удалось бы сказать и выразить то, что пытался передать он своему читателю.

Поэтому он надеется на понимание и снисходительность читателей, задаваясь тем самым главным для себя вопросом: «А зачем же в таком случае я пишу?» «Ведь хлеб лучше выпекать пекарю.» На что он же и отвечает: «Пишу, возможно, не столько потому, что хорошо писать умею, а потому, что делаюсь от этого возвышенной и к Нему ближе приближаюсь!»

В 2005г. выходит второй сборник стихотворений и поэм Самсона Гелхвидзе: «Боль и вера», в который вошли избранные, написанные в 2001-2004 гг. стихи, где заметнее проявляется внимание к духовным проблемам, к поэзии, вере и любви.

Во втором поэтическом сборнике, посвященном «Любви небесной и земной», все тот же Глеб Коренецкий в предисловии от редактора «Сердце на ложечке» пишет:

СЕРДЦЕ НА ЛОЖЕЧКЕ

(Предисловие редактора)

Вторую встречу читателей - любителей поэзии - с Самсоном Гелхвидзе хочется предварить тем же словом «СЕРДЦЕ», которое присутствовало в предисловии и на большинстве страниц его первого сборника «Таинство стихоисповедания, или Исповедь в стихах» (Тбилиси, 2002).

Если Самсон проставил на авантитуле первого сборника слово «...моя Боль... и мои чувства» как определяющие сущность автора, то для названия второго сборника «напросилось» одно из поздних стихотворений. Оно точно названо нами «Заглавным».

Обоих этих чувств - Боли и Веры (не станет полемизировать, что «вера» - убеждение) заметно прибавилось в судьбе и рукописях Самсона с 2000 года.

К боли несостоявшихся и прерванных «любовей» добавилось острейшая боль утраты тяжело болевшей мамы. Естественным «лекарством» от этих утрат и болей стало углубление в религию, обращение к услугам «священников церквей», посредничающих с Небом. Это - глубокое убеждение автора, сквозящее во всей толще «просеянной» рукописи.

В «Заглавном» читаем:

«Но истина и Бог
Спасают нас от боли -
От Веры тает Боль
Холодным ручейком...»

А в заключительной строфе проскальзывает и мысль, блестяще выраженная Альфредом де Мюссе:

«...стих из слез живых
Порой - бессмертный стих!»

Боль сердечная видится и в многолетней тщетности попыток отдать «сердце за сердце» (не «око за око!»)... В разделе «Спектр любви» (как и в «Звуках сердца» первого сборника) и словами, и между строк ярко выраженные метания автора по «двум ветвям» любви - Земной и Небесной. Просто «любовь», «первая любовь», несостоявшаяся, обреченная, невозможная, колючая, улетающая... И все - «НЕ»!

Печальный «спектр» величайшего человеческого Чувства, наблюдаемый (но не «холодно!») поэтом и поверяемый нам...

В разделе «Заветное», в «Заветной мечте» - 2, перекликающейся с первым сборником, автор с горечью приводит «точный термин»:

«Я горше слов не знаю в свете:

Всю жизнь я в суете прожил,

Мечты и счастья «НЕ ВСТРЕТИЛ!»»

С самоиронией Самсон «утешается» тем, что у него остается... заветная мечта - «на всю оставшуюся жизнь»!

А готовность к самопожертвованию на «горизонтальной ветви» земной любви у Самсона - поистине безмерна. Это видно и в первом сборнике, но особенно четко - в этом.

Образ живого, пульсирующего сердца-клубнички, зачерпнутого из стаканчика мороженого белой «разовой» пластмассовой ложечкой в руках тонкогубой, холодной красавицы - лакомки...

Он родился в сознании (и проник в подсознание!) при первом же прочтении «клубничного мороженого»...

Поэт готов отдать на съедение свое нежное, любящее, «клубничное» сердце... Но, «охладив свои губы», поэту оставили... горечь!

«И расстались с тобой мы вскоре...».
«Каждому - свое!»

Так было написано над входом лагеря в Освенциме...
Без «черного юмора», но...вырванное горячее сердце узника еще пульсировало на земле, брошенное сторожевым псам. Они вздыбили шерсть и в ужасе убежали от него...

Не ищите аналогий! Когда на ложечке сердце, можно ли не отдать взамен свое, вместе с рукой?!

Светлый, «ключевой образ сердечка-клубнички, к сожалению, не заслоняет в сборнике других, прозаичных и горьких. Прочтите «Кончину мамы», «Мамин уголок», «Конец зимы», «Черное море», «Все мы», «В ожидании Третьей Мировой»...

Предостаточно «земных», современных болезнетворных «картинок»...

И только в разделе «С долей шутки» смягчаются Самсоном удары жизни «кувалдой по голове»...
Улыбается корова, угощенная сыном, веселятся холостые «Короли», и зайцу повязывают бант.

Изданию второго поэтического сборника С. Гелхвизе предшествовало очередное крушение автора на личном фронте.

Он остается без своей, очередной, большой земной взаимной любви в жизни, уступая их поочередно, прихотям избранниц и их родителей, а также воле случаев по жизни.

Крушение долгожданной земной любви приносит немало боли, выплескивая из души, негодование и сожаление от того, что часто любви препятствуют многие земные мелочи и пустяки.

В подтверждении земных помех в этих возвышенных чувствах звучат и строки поэта в его стихотворении - Ветры о любви:

Вновь песнь свою, слагают ветры,
О невозможности любви, на этом свете.
Любовь свою, ищите на том свете,
Где нет факторов, мешающих любви!

Энергия взрыва и крушения чистого, юношеского мироощущения и мировосприятия выливается вдруг в особую творческую энергию, которая пробуждает и помогает ему осуществить свою мечту в большом прозаическом произведении, которая вскоре и осуществилась, словно наперекор строкам в следующем стихотворении:

Я не жилец на Небе ,
Без любви земной,...

В 2005г. небольшим тиражом выходит первый роман - «Соловьи монастырского сада», можно сказать, самиздатовским способом, каким выходили все его предыдущие книги, кроме первого поэтического сборника.

В газете «Русское вече» (январь 2006, N1 (39)) о романе было упомянуто очень коротко, под рубрикой «На вашу книжную полку»:

На вашу книжную полку САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

«СОЛОВЬИ МОНАСТЫРСКОГО САДА»

Давно в Грузии не появлялся роман на русском языке. И вот он вышел. Сюжет его увлекателен, интересен и захватывает читателя.

Его герои - наши современники, и молодые, только-только вступившие в жизнь и уже прошедшие немалый жизненный путь с определенными обретениями и утратами.

Каждый герой строит свой земной и небесный дом, в котором он должен провести свою будущую жизнь. И немалую помощь им в этом оказывает единственная отрада в жизни - любовь, о

которой так славно сказал некогда поэт Игорь Северянин:

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада,
И что эта отрада в любви!

Главный герой - орнитолог и драматург Авто и главная героиня - оператор компьютера Эка после ряда переживаний связывают свою судьбу с церковью и служением Богу и людям.

Есть в романе и элементы эзотерики, мистики, что придает ему таинственность и напряженность.

По сути и по большому счету все литературное творчество Самсона Гелхвидзе пронизано и пропитано большой болью, которую мы, люди, сами, своими руками, причинили себе, изгнав из сердца, распяв на кресте и убив страшной мученической смертью Любовь, Любовь бессмертную и воскрешенную, поискам которой мы уделяем большую часть всей нашей разумной и сознательной жизни.

И он глубоко уверен, что чем сильнее, ярче и осознаннее горит эта боль, в лампаде души каждого человека, каждого поэта и прозаика, тем сильнее его тоска по утраченному, по любви, и по тем ярче и светлее его творчество, даже если при этом ему отказывает мастерство самовыражения.

Человек рождается всякий раз, когда дожигается любовь к человеку, и всякий раз умирает, когда в нем умирает любовь, и все острее переживает и осознает, как нелегко родиться и умирать вновь и вновь.

Но, как подметил однажды один философ, и жизнь это медленная смерть, и кто не хочет умирать, тот не должен рождаться. Очень хочется верить, что эти слова относятся только к физическим рождению и смерти.

Мы приходим в этот мир с любовью и обязаны уходить из нее, с этим неугасаемым факелом, пронося его через все испытания и козни земной жизни.

В этом видит автор смысл жизни и всех его испытаний, а также и в своем творчестве, ради которого он живет и которое помогает ему жить, радуется и вдохновляет его на своем жизненном пути:

Поэзия – моя любовь,
Проза – моя отрада,
Литература – дом души,
Письмо – жизнь и награда!

И в тоже время автор не забывает уповать на
милость Всеывышнего :
Веди меня, веди мой Спутник,
Чтобы не сбиться с Твоего пути,
Веди меня, чтоб воедино,
Слиться с тобою, только прими.

Веди меня, чтоб не погибнуть,
И жизни нить не уронить,
Чтоб одолеть себя, воскреснуть,
В твой день пришествия - в живых.

В заключении, автор желает и своему читателю
найти нить своего жизненного пути и пронести ее
по всей своей жизни, желает мира, любви, добра и
осуществления.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от автора	3
К возражающим, против художественного письма верующим	6
Новые соседи	11
Похищение луны	29
От дурака-до теоретика биопсихосоциальных колебаний и дальше	61
Возмущенная	69
Ветерперемен	81
Мементо мори	99
Сукин сын	119
Творческий портрет автора	153

სამსონ გელხვიძე

ცვლილებების ქარი

მოთხრობები

თბილისი - 2015

Контактная информация:

E-mail: samsgel@gmail.com

Skype: sidamon61

Mob.: +995 555 73 94 98

Site: <http://uspexvsem.ucoz.ru>